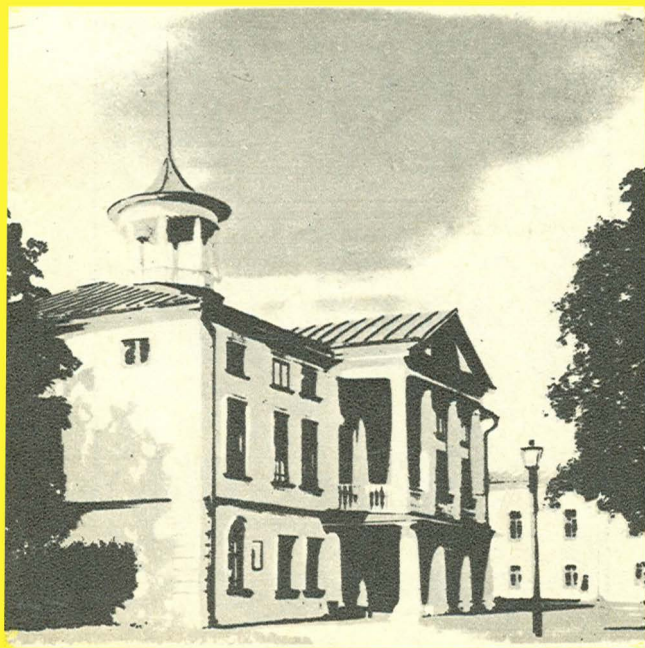
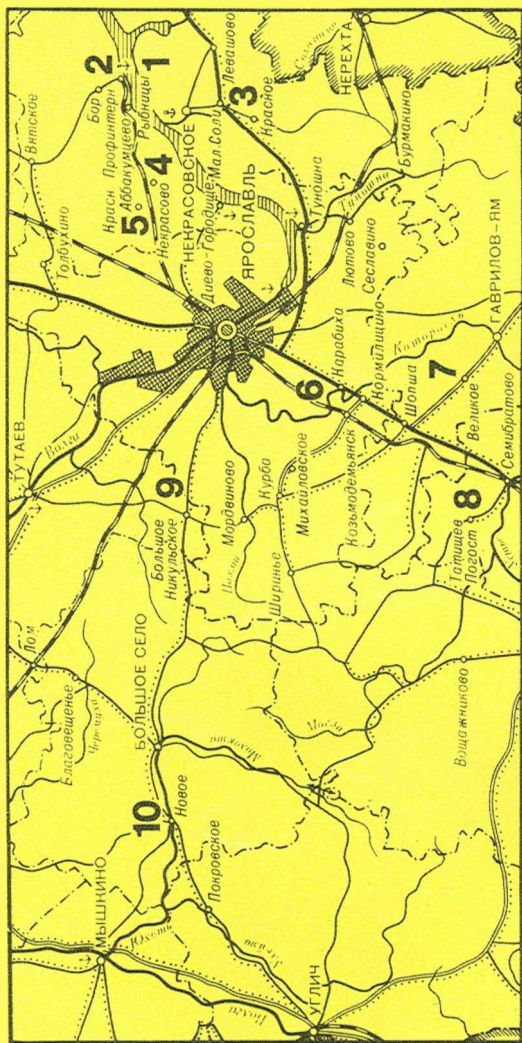

ОКРЕСТНОСТИ ЯРОСЛАВЛЯ

1. Рыбницы.
Памятник А. М. Опекушину.
Скульптор А. И. Соловьев
2. Красный Профинтерн.
Особняк Понизовкиных.
Начало XX в.

3. Красное.
Воскресенская церковь.
1707
4. Некрасово.
Здание «музыкантской».
Начало XIX в.

5. Аббакумцево.
Церковь Петра и Павла.
1791
6. Карабиха.
Музей-усадьба
Н. А. Некрасова.
Главный дом. Конец XVIII в.

7. Великое.
Особняк Локалова.
Конец XIX в.
8. Татищев Погост.
Сергиевская церковь.
1802—1810

9. Большое Никульское.
Музей «Космос»
10. Новое.
Вотчинная контора.
Конец XVIII в.

ОКРЕСТНОСТИ ЯРОСЛАВЛЯ

Н. С. БОРИСОВ

МОСКВА
• ИСКУССТВО •
1984

ББК 85.113(2)1
Б 82

Рецензенты:

Э. Д. Добровольская,

кандидат архитектуры *Е. П. Щукина*

Б $\frac{4901000000-156}{025(01)-84}$ 39—84

© Издательство «Искусство», 1984 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
1. ВНИЗ ПО ВОЛГЕ	15
Ляпинская электростанция (16). Диево Городище (16). Памятник А. М. Опекушину в Рыбницах (24). «Дворцы» Понизовкиных (26). На ярославско-костромском порубежье (Бор) (31).	
2. ВДОЛЬ ШОССЕ ЯРОСЛАВЛЬ — КОСТРОМА	37
У ворот Ярославля (Лучинское) (37). «Сопелковская архитектура» (41). Бурмакинские кузнецы (43). В окрестностях Бурмакина (47). Красно (48). Некрасовское — древний посад Большие Соли (56). Над речкой Княгиней (66)	
3. ПО СТАРОМУ КОСТРОМСКОМУ ТРАКТУ	68
Древний храм в селе Аристово (68). Печелки: вокруг Некрасова, памятник зодчества, древнерусские предания (71). Грешнево — родовое имение Некрасовых (74). Аббакумцево (78). Теряева Горка (80)	
4. К ЮГУ ОТ ЯРОСЛАВЛЯ	81
Музей-усадьба Н. А. Некрасова в Карабихе (81). Воспоминания в Михайловском парке (85). Редкий памятник «нарышкинского» барокко (90). В «родовом гнезде» князей Курбских (92). Дегтево (99). У памятника Лене Колесовой (99). Возвращение на московское шоссе (101). «Великое Село» (102). «Тенистые аллеи» Пятницкой Горы (111). Татищев Погост (115)	

5. ПУТЬ НА УГЛИЧ	120
Загадки Сарафонова (120). В усадьбе Урусовых (124). Космическая дорога ярославской «Чайки» (125). «Люб- лю свой страннический дом...» (128). Филиппово (129). В «столице» Юхотской волости (137). Село Новое (137). Погост Леонтьевский (138). Покровское, «что в Юхоти» (144). Памятник героям Смутного времени (153)	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
ПРИМЕЧАНИЯ	156
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	159

Предисловие

Есть в нашей огромной и прекрасной стране места, где славное прошлое, труд и талант наших предков, словно собранные в фокусе, предстают с необычайной яркостью и силой. Каждый из нас со школьной скамьи знает города Киев, Владимир, Суздаль, Новгород, Псков... И среди этих родных нам имен есть звучное, красивое имя — Ярославль. От него веет былинной стариной. В нем звучат дерзость вызова, гордость победителя.

Это имя родилось в первые века русской истории, когда восточные славяне в тяжелой борьбе с природой обживали необозримые просторы Восточной Европы. Пройдя сквозь леса и болота, они расселялись по берегам рек Оки и Москвы-реки, Угры и Клязьмы, Шексны и Волги. Вслед за крестьянами шли сюда и князья со своими дружинами. В излучинах рек, на холмах и береговых кручах они возводили города — опорные пункты своего владычества в этом лесном крае.

Крепость — или град, как тогда говорили, — часто получала имя того князя, который ее основал. Подобно стягу с княжеским гербом, поднятому на высокой башне, подобно щиту, прибитому к городским воротам, имя города утверждало: мой город, моя крепость, мои владения. Так появились названия многих существующих поныне и уже исчезнувших с лица земли древних русских городов — Владимир и Ярополч, Юрьев и Дмитров, Кснятин и Ольгов, Мстиславль и Ростиславль, Изяславль и Ярославль.

Основанный князем Ярославом Владимировичем (978—1054), прозванным впоследствии Ярославом Мудрым, го-

родок на Волге долго оставался в стороне от торных дорог русской истории. В XI веке этот глухой край был оплотом и убежищем гонимого язычества. В 1071 году во время сильного голода по всей Верхней Волге и Шексне вспыхнуло антикняжеское, антифеодалное восстание, во главе которого встали «два волхва от Ярославля». С большим трудом и риском для жизни удалось киевскому воеводе Яну Вышатичу подавить это восстание. Схваченные княжескими дружинниками, волхвы были казнены по приказу Яна.

Шли годы, десятилетия... Рос, богател городок Ярославль. Наполнялись людьми окружающие его земли. В начале XIII столетия в Ярославле строятся первые каменные храмы — городской собор Успения Богоматери и собор княжеского Спасского монастыря. В 1218 году возникает самостоятельное Ярославское княжество. Первый ярославский князь Всеволод Константинович был внуком знаменитого владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо, о котором автор «Слова о полку Игореве» с восхищением писал: «Великий князь Всеволод! [...] Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить!»¹ Именно в Ярославле был найден в конце XVIII века единственный список «Слова о полку Игореве».

Но недолго просуществовало самостоятельное Ярославское княжество. Уже в первой половине XIV века ярославские князья идут в русле московской политики. Постепенно обнищавшая от междоусобиц, опустошенная татарскими «ратями» ярославская земля полностью переходит под власть потомков Калиты. Одним из первых политических шагов московского великого князя Ивана III была окончательная ликвидация ярославского княжения в 1460-е годы. С этого времени в политическом и административном отношении ярославский край стал неотъемлемой частью Московской Руси. Многочисленные потомки ярославских князей — Курбские, Деевы, Юхотские, Шаховские, Солнцевы, Засекины и многие другие, — сохранив княжеский титул, служили при дворе московских государей.

Однако ярославский край и после полного присоединения к Москве не утратил своего культурного своеобразия. Не исчезли бесследно и те художественные традиции, которые веками складывались на этой земле. Они не только получили одним из истоков московского искусства, но и получили дальнейшее развитие на местной почве.

Одной из главных причин быстрого развития ярославского края была торговля. Вверх и вниз по Волге проплы-

вали суда, груженные товарами из Средней Азии и Персии, Великого Новгорода и прибалтийских немецких городов. С середины XVI столетия началась оживленная торговля со странами Западной Европы через Архангельск. В этой торговле активно участвовал и Ярославль. Росло движение по великим торговым путям России, а вместе с ним рос и город на Волге.

Ярославский край вместе со всей русской землей пережил тяжкое лихолетье начала XVII века, внес огромный вклад в освобождение страны от иноземных завоевателей. Несколько месяцев в Ярославле пребывал возглавлявшийся К. Мининым и Д. Пожарским «Совет всея земли», находился центр сбора сил народного ополчения. Упорным трудом ярославские крестьяне и ремесленники сумели быстро возродить родной край после разрухи и «безнарядья» Смутного времени. Уже в первые десятилетия после Смуты в Ярославле, в отличие от многих других русских городов, велось каменное строительство.

В XVII веке по всей стране известен стал Ярославль своими мастерами — ловкими, сметливыми каменщиками и плотниками, кожевниками и кузнецами. Во второй половине XVII столетия Ярославль становится вторым по величине ремесленного посада и по числу жителей городом страны. Настал «звездный час» ярославской средневековой культуры. Расцвели «дивным узорочьем» ярославские храмы, высокие и стройные, как деревянные храмы русского Севера, пластичные и красочные, как лучшие творения каменного зодчества Москвы.

В начале XVIII столетия многие старые торговые пути теряют свое значение. Стихает и некогда столь оживленное движение торговых караванов по дороге Москва — Архангельск. Ярославль переживает период временного спада в экономическом развитии. Однако уже к середине XVIII века благодаря успехам промышленности и ремесел, строительству мануфактур Ярославль вновь выходит в число наиболее развитых в экономическом и культурном отношении городов России. Торгово-промышленное развитие края, продолжение культурных традиций находят отражение в каменном строительстве, которое, в отличие от XVII столетия, ведется в широких масштабах не только в городах, но и в сельской местности.

Для того чтобы понять своеобразие культурного развития ярославской земли в этот период, совершим небольшую экскурс в область социально-экономических отношений. Плотность населения в ярославском крае, издавна освоенном людьми, была высокой, а плодородие почвы и уро-

жайность — низкими. При почти полном отсутствии технического прогресса в земледелии естественный прирост населения приводил ко все возрастающему малоземелью. Тяжелое положение крестьянства усугублялось жестокой эксплуатацией со стороны помещиков. Развитие товарно-денежных отношений заставляло их переводить своих крестьян на денежный оброк. Этот процесс стал особенно заметен с середины XVIII столетия в связи с начавшимся разложением феодально-крепостнических отношений. Все это вместе взятое: низкое плодородие почвы, малоземелье и необходимость платить денежный оброк — приводило к быстрому развитию отходничества и местных промыслов. С помощью этих двух источников дополнительных доходов ярославский крестьянин стремился уйти от нищеты и разорения.

По развитию отхожих промыслов Ярославская губерния прочно удерживала одно из первых мест в России. Росту отходничества способствовало и географическое положение губернии, через которую проходили многие важнейшие сухопутные дороги страны, пролегла «главная дорога России» — Волга. «Ярославца не очень держит его земля... но его размывает и разносит повсюду вода»², — заметил один исследователь ярославской старины. В начале XIX века среди взрослого мужского населения губернии в отхожий промысел уходил каждый третий, а в середине века — каждый второй. Шли ярославцы главным образом в столицы — Петербург и Москву. По данным переписи 1864 года, в Петербурге 11 процентов всего мужского населения составляли уроженцы Ярославской губернии. В целом — в исторической перспективе — отход крестьян в города был прогрессивным явлением. Он служил важным фактором разложения крепостничества, формирования новых, капиталистических отношений. Не будет преувеличением сказать, что ярославцы в этом отношении дали хороший толчок российской истории.

Среди ярославских отходников первое место по численности занимали рабочие строительных специальностей: каменщики, плотники, кровельщики, штукатуры, маляры. Их руками возведены многие архитектурные шедевры Москвы и Петербурга. Второе место принадлежало всякого рода мелким торговцам. Более пятисот ремесел и промыслов освоили ярославские крестьяне. Здесь и традиционные, по сей день живущие, и редкие, ныне уже совсем позабытые специальности: калачники, крендельщики, пирожники, сбитенщики, крючники, каретники, картузники, плотовщики, султанщики, рогожники, тряпичники, шорники. Даже по уездам шла специализация: из ярославского выходили

лучшие ткачи и плотники, из ростовского — огородники, из даниловского — печники, из угличского — колбасники, из любимского — повара и буфетчики.

Под стать образу жизни вырабатывался и характер ярославского крестьянина. Многие наблюдатели прошлого столетия отмечали, что ярославцы — один из самых этнически чистых русских типов. Но к природному русскому уму, приправленному изрядной долей веселого лукавства, у ярославцев примешивались «благоприобретенные» качества. «Крестьянина ярославского вообще можно назвать сметливым, рассудительным, предприимчивым в отыскании труда, не разбирающим расстояния быть за десятки верст или за тысячи от родного края. Во всех манерах и словах он всегда бывает вежлив и осторожен. Здешние жители знают чуть ли не всю Россию. Многие сами прошли ее вдоль и поперек, другие наслушались о ней от людей бывалых»³, — писал один наблюдатель ярославской жизни середины прошлого столетия.

Сколько талантов-самородков дала России ярославская деревня! Крестьянские поэты Ф. Н. Слепушкин, И. З. Суриков, художники братья Е. С. и П. С. Сорокины, Ф. Г. Солнцев, скульптор А. М. Опекушин. А сколько ярких, блестящих проявлений ума и смекалки! Вспомним хотя бы ярославского кровельщика П. Телушкина (Даниловский уезд), о котором в 1834 году говорил весь Петербург. Без всяких строительных лесов и подмостков, удерживаясь одной лишь изобретенной им хитроумной системой веревок, он поднялся на шпиль колокольни собора Петропавловской крепости и в несколько дней выполнил там весь необходимый ремонт. Или другой пример. В марте 1853 года во время пожара Большого театра в Москве ярославский крестьянин В. Г. Марин (Ростовский уезд) с помощью одной лишь веревки да ловкости и отваги взобрался на крышу горящего здания и спас погибавшего в огне человека.

Но талант ярославцев проявлялся не только «на стороне». Как много вкуса, мастерства, наблюдательности вложено в скромные архитектурные памятники ярославских сел и деревень! Почти все они были выстроены в XVIII — первой половине XIX века. Мощная творческая энергия, воплотившаяся в ярославском зодчестве XVII века, не иссякла и в этот период. Сельские храмы XVIII столетия органически связаны с художественными традициями предшествующего периода, развивают и видоизменяют эти традиции в соответствии с новыми веяниями в архитектуре.

Ярославское культовое сельское строительство XVIII — первой половины XIX века характеризуется сочетанием

нескольких устойчивых композиционных решений с большой свободой в деталях. Большинство памятников в композиционном отношении представляет собой сочетание традиционного четверика, увенчанного пятиглавием, с расположенными в одну линию трапезной и колокольней. Храмы такого типа получили распространение в ярославском зодчестве уже в XVII столетии. В XVIII — первой половине XIX века этот тип обычно дополнялся конструктивными и декоративными приемами московского и западноевропейского барокко, классицизма, а также псевдоготики, псевдовизантийского и псевдорусского стилей. Есть памятники, построенные по типу «восьмерик на четверике», также с самыми различными особенностями исполнения. Встречаются на ярославских проселках и более редкие по композиции храмы — многогранные и многолепестковые в плане, клетского типа и др.

По-иному обстоит дело с памятниками усадебного строительства. Ярославская земля не богата «дворянскими гнездами». Добираться сюда за три-четыре сотни верст от Москвы и вдвое больше — от Петербурга по русскому бездорожью было слишком хлопотно для дворянских семейств. Сановная и чиновная знать обеих столиц предпочитала строить усадьбы и проводить летние месяцы в местах более доступных.

Был и еще один, весьма существенный момент. К середине XVIII века, когда начинает складываться усадебная культура, большинство коренных ярославских аристократических родов уже угасло. Новые владельцы, получившие крупные ярославские вотчины в XVIII—XIX веках: Шереметевы, Репнины, Нарышкины, Орловы, Панины, Куракины, Чернышевы, Яковлевы и другие — не были связаны с ярославской землей ни происхождением, ни фамильными традициями.

Тем не менее в окрестностях Ярославля имеются хорошие образцы основных типов русской усадьбы. Крупная, дворцового характера усадьба представлена сохранившимся комплексом сооружений конца XVIII века в Карабихе. «Дворянское гнездо» средней руки можно изучать на примере усадеб Дегтево и Михайловское под Курбой. Сохранились на ярославской земле и очень редкие в наши дни образцы деревянного усадебного строительства первой половины XIX века. В стороне от больших дорог таятся прекрасные произведения садово-паркового искусства XVIII — XIX веков.

Есть в Ярославской области и такие группы памятников, которые редко встретишь в других уголках России. Это

прежде всего образцы каменного крестьянского жилого строительства XVIII — первой половины XIX века. Целые улицы каменных крестьянских домов, возраст которых составляет более ста лет, можно увидеть в ярославских торговых селах Великом, Давыдове (современном Толбухино), Вятском и некоторых других.

Сельское каменное зодчество ярославского края ценно прежде всего тем, что в нем ярко проявилось искусство народных мастеров каменного дела. Здесь почти не встретишь произведений профессиональных архитекторов. Непрерывная работа строительной мысли составляла важную часть духовной жизни ярославской деревни того времени. Сохранить эти памятники, изучить их необходимо прежде всего потому, что они — вещественное доказательство неистребимого, пробивавшегося сквозь нищету, невежество, забитость стремления русского народа к красоте.

Художественное наследие ярославской земли очень мало известно не только широкому кругу любителей отечественной старины и искусства, но и знатокам. Сколько радостных открытий подарила любителям живописи недавняя выставка «Ярославские портреты XVIII—XIX веков»! Ей предшествовала огромная работа по сбору, изучению и реставрации памятников станковой живописи в музеях Ярославской области. Настало время для «открытия» ярославского зодчества XVIII—XIX веков.

Забота о памятниках старины, их изучение и реставрация давно уже стали хорошей традицией Ярославской области. С памятниками Ярославля связаны первые шаги советской школы реставраторов. Этапами в развитии реставрационного дела в СССР стало возрождение архитектурных памятников Ростова Великого и Углича. За последние 30 лет в области отреставрировано и выведено из аварийного состояния более 300 памятников¹. Объем работ из года в год увеличивается, а качество их повышается.

Сейчас, когда уже приняты меры к сохранению прославленных памятников Ярославля и Ростова, Переславля и Углича, Тутаева и Борисоглебска, пришло время обратить внимание и на более скромные, но по-своему не менее важные для истории русской культуры памятники архитектуры на ярославских проселках.

В нашей книге читатель узнает о наиболее интересных памятниках, расположенных вблизи дорог, идущих из Ярославля на Кострому, Ростов и Углич. Все маршруты, предложенные автором, начинаются из Ярославля. Такое

построение книги наиболее удобно для читателя-путешественника. В Ярославле, крупнейшем промышленном и культурном центре Верхней Волги, городе с населением около 600 тысяч жителей, путешественник найдет все необходимое для экспедиции. Здесь имеется около десятка гостиниц, историко-краеведческий и художественный музеи, областная библиотека с богатым краеведческим кабинетом. Отсюда расходятся во все концы области местные автобусные линии. Кроме того, знакомство с памятниками Ярославля необходимо для понимания архитектурных достоинств памятников области.

1. Вниз по Волге

Русская душа яснее всего кристаллизовалась в творчестве Ярославской области.

Ю. Шамурин

Позади дорожные волнения и хлопоты. Вы обосновались в Ярославле, остывая от дорожной суеты, побродили по улицам этого прекрасного древнего города. Вы полюбовались шедеврами отечественной культуры — церквами Ильи Пророка и Николы Мокрого, побывали в Коровниках и Толчкове, прошли по старинной набережной, вдохнули волжского простора на Стрелке. Словом, вы встретились с этим городом, как встречаются со старым другом.

Но пора и в путь. Вас ждут ярославские проселки, тихие лесные речки и перелески, большие села и забытые старые погосты. Пусть маяком в ваших странствиях будет свет красоты, который излучает и резной наличник, и старая липовая аллея, и ветхая церквушка, и белые колонны — словом, все то, в чем живет душа художника.

И еще одно напутствие идущему: не спеши, чаще останавливайся, оглядывайся вокруг, говори с людьми. Учись видеть не только тени прошлого, но и красоту и величие сегодняшнего дня. Смотри, как преобразается эта земля, веками поливавшаяся потом и кровью русских людей, земля, в которую уходят глубочайшие корни нашей истории.

Путешествие по окрестностям Ярославля советуем начать с поездки вниз по Волге, от Ярославля до границы Костромской области.

Катер местного сообщения быстро скользит по тихой глади великой реки. Справа проплывает всегда многолюдная Стрелка, силуэты памятников в Коровниках, слева, вдалеке, у самого горизонта — две высокие черные трубы над

длинным приземистым корпусом. Кажется, будто старинный двухтрубный пароход каким-то чудом оказался среди ярославских лесов и болот. Это Ляпинская ГЭС. Построенная в 1920-е годы по ленинскому плану ГОЭЛРО на ляпинских торфяных болотах, электростанция вот уже более полувека служит городу, питает своей энергией заводы и фабрики Ярославля. Вспоминается один исторический документ. 1 мая 1923 года рабочие Ляпинских торфоразработок направили телеграмму В. И. Ленину. Нельзя без волнения читать это бесхитрое послание, ярко отразившее огромную любовь пролетариата к вождю революции. «Дорогой Ильич! Мы, рабочие, служащие и члены правления Ляпинских торфяных разработок близ города Ярославля, в день Первого мая, собравшись общей семьей, приветствуем тебя и с болью в сердце сожалеем, что тяжелый недуг не позволяет тебе вместе с нами — русским пролетариатом — праздновать наш великий международный праздник. Но мы знаем, что ты душой с нами... Так как мысль об электрификации — твоя мысль и параллельно с торфоразработками у нас будет работать большая электростанция — мы назначаем тебя почетным торфяником и твоим именем называем разработки — «Торфяные разработки имени Ленина»⁵.

Ляпинская электростанция интересна и как памятник архитектуры. По мнению специалистов, «архитектурные достоинства Ляпинской ГЭС позволяют поставить ее в ряд с самыми известными промышленными комплексами эпохи первых пятилеток»⁶.

Миновав далеко раскинувшиеся по берегам Волги причалы и склады, катер выходит за пределы города. Вскоре слева на берегу показывается большое село. Это Деево (в современном произношении — Диево) Городище. В XV веке оно принадлежало ярославским князьям Деевым.

В селе сохранился интересный памятник каменного зодчества второй половины XVIII века — Троицкая церковь (1787). Она выстроена, как говорили в старину, «кораблем». Это самый распространенный в ярославском зодчестве XVIII — первой половины XIX века тип храма. Его композиция складывается из собственно храма (летней, холодной церкви), трапезной (зимней, теплой церкви) и колокольни.

Все части здания связаны друг с другом и расположены симметрично по отношению к продольной оси восток — запад. Летний храм представляет собой поставленный прямо на фундамент либо поднятый на подклете кубический объем (четверик), перекрытый сомкнутым сводом. Прямо-

угольная в плане трапезная, как правило, более обширна, чем летняя церковь. Наряду с бесстолпными встречаются двух- и четырехстолпные трапезные, перекрытые довольно сложной системой сводов. Вертикализм колокольни, примыкающей к западной стене трапезной, подчеркивается стройным шатром или высоким шпилем.

Храмы такого типа появились в ярославском и костромском зодчестве во второй половине XVII века и получили очень широкое распространение в XVIII — первой половине XIX века. При общем единообразии композиции зодчие часто находили интересные решения внешнего облика здания.

Троицкая церковь Диева Городища отличается ясностью и четкостью пространственно-композиционного решения. К высокому двухсветному четверику с восточной стороны пристроена далеко выступающая полукруглая апсида, с западной — квадратная в плане четырехстолпная трапезная.

Строгое внешнее убранство храма выполнено в стиле раннего классицизма с элементами барокко. Данью ярославской традиции служит проходящий по всему периметру четверика фриз из мелких кокошников в верхней части стен. Килевидные архивольты окон трапезной и ярусов звона колокольни, по-видимому, появились при перестройке храма в 1872 году⁷.

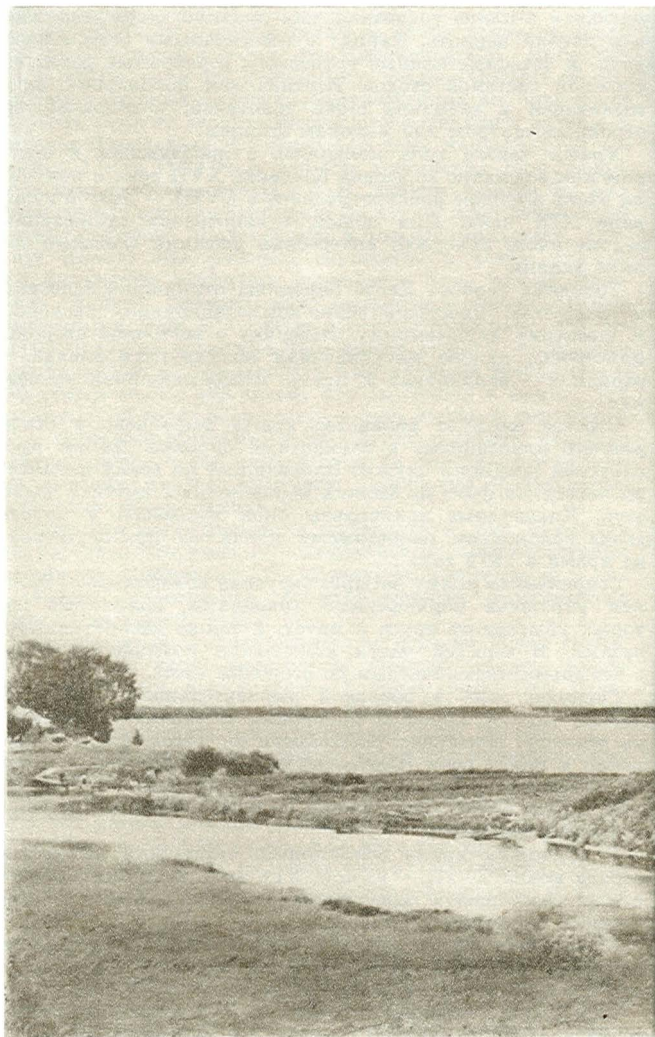
Современная храму четырехъярусная колокольня со шпилем украшена коринфскими колоннами, количество которых убывает от яруса к ярусу, а также декоративными вазами. В верхней части колокольни помещались часы с четырьмя циферблатами по сторонам света.

Главную роль в образной выразительности Троицкой церкви играют хорошие пропорции и удачная компоновка объемов. Памятник расположен на узком мысу у впадения в Волгу реки Шиголость и рассчитан прежде всего на обозрение со средней и дальней дистанции. Его стройный силуэт отчетливо рисуется на фоне неба и бескрайних волжских просторов.

У подножия храма сохранилась кирпичная церковная ограда конца XVIII — начала XIX века, башенки которой имеют своеобразное завершение в виде цилиндра с готическими оконцами и шпилем.

В западной части села на берегу пруда расположена церковь Смоленской Богоматери, выстроенная в 80-е годы прошлого столетия на месте храма конца XVII века.

Село Диево Городище отмечено во всех старых путеводителях и справочниках по Ярославской губернии как место

довольно незаурядное. «Жители села и окрестных деревень кроме торговли и рыбной ловли занимаются отчасти судостроением и перегрузкой товаров с больших судов на мелкие во время мелководья на Волге, преимущественно же промышленяют малярным и кровельным ремеслом в Москве и Петербурге»⁸, — сообщает один автор середины прошлого столетия. В 1820-е годы каменщики из Диева Городища возвели колокольню в ярославском Толгском монастыре.

В Диевом Городище немало колоритных старых построек и нарядных современных домов. В любом уголке села чувствуется близость Волги, которая напоминает о себе то далеким пароходным гудком, то порывами свежего ветра и кружащими в небе чайками, то неожиданно открывшимся за поворотом обычной деревенской улицы захватывающим дух простором. Много живописности придает селу и капризно-извилистая, дремлющая среди зеленых лугов Шиглость.

*Диево Городище.
Троицкая церковь. 1787*

←

*Рыбницы.
Спасская церковь. 1791*

→

Медленно уплывают назад низкие глинистые берега. Впереди открывается еще одно большое село — Рыбницы. История села прослеживается уже с первой половины XVII века. В 1631 году инокиня Марфа, в миру Мария Ивановна Шестова, мать царя Михаила Федоровича, подарила Рыбницы вместе с другими вотчинами московскому Новоспасскому монастырю, в котором находилась фамильная усыпальница бояр Романовых. Во второй половине XVIII века село принадлежало известному екатерининскому вельможе генерал-поручику К. Е. Сиверсу.

Известна в истории и речка Рыбница, давшая название селу. В прошлом она, оправдывая свое название, славилась изобилием рыбы. В 1654 году царь Алексей Михайлович пожаловал из владений князя Федора Деева половину речки Рыбницы «в ловлю рыбную» патриарху Никону.

Село длинной лентой вытянулось вдоль старой костромской дороги. На мысу у впадения Рыбницы в Волгу высятся величественная Спасская церковь, выстроенная на

*Рыбницы.
Северные ворота
ограды Спасской церкви.
Середина XIX в.*

*Рыбницы.
Памятник А. М. Опекушину.
Скульптор А. И. Соловьев*

месте деревянного храма в 1791 году. Ровесница Троицкой церкви в Диевом Городище, она и внешне повторяет уже знакомый нам тип «кораблем». Однако в ее облике гораздо ярче отразились художественные каноны ярославской школы зодчества XVII века, причудливо переплетенные с мотивами барокко и раннего классицизма. Совершенно «по-ярославски» решено пятиглавие: поднятые на высоких барабанах огромные шарообразные главы собраны в тесную группу. Зрительно пятиглавие почти вдвое увеличивает высоту памятника. С местными традициями связано и выполненное из оцинкованного железа чешуйчатое покрытие глав, имитирующее деревянный лемех и черепицу. Об устойчивости традиций XVII столетия говорят и некоторые элементы фасадного декора — широкие плоские лопатки на углах четверика, фриз из мелких кокошников, поставленных на узкий карниз, состоящий из тонкой полоски поребрика. В интерьере храма сохранилась живопись конца XIX — начала XX века.

Единое художественное целое с самим храмом составляют высокая колокольня в стиле классицизма и ограда, северные ворота которой украшены пышной позднеклассической лепниной. Западные ворота ограды переданы в 1867 году⁹.

По ветхой деревянной лестнице можно подняться на колокольню. Отсюда открывается редкий по красоте вид на Волгу, привольно раскинувшуюся среди низменных лугов, лесов и деревень.

Спустившись на землю, обойдем еще раз вокруг живописной громады храма. Особенно он хорош с Волги. Это его главный вид. Как и Троицкая церковь в Диевом Городище, Спасская церковь относится к тем по-особому выразительным храмам, которые во второй половине XVIII века выросли в больших приволжских селах Ярославской и Костромской губерний. Словно маяки стояли они по берегам великой реки, поражая величавой мощью своих форм и объемов.

На кладбище, неподалеку от алтаря Спасской церкви, можно увидеть небольшую надгробную плиту. Надпись на камне проста и лаконична: «Скульптор академик Александр Михайлович Опекушин». Известный русский ваятель, создатель памятника А. С. Пушкину в Москве, родился в 1838 году в деревне Свечкино неподалеку от Рыбниц в семье крепостного крестьянина. Отсюда в 1850 году он уезжает в Петербург, где проходит долгий и трудный путь от «мальчика на побегушках» в мастерской академика Д. И. Иенсена до признанного мастера, автора известных всей России произведений. В 1918 году глубоким стариком Опекушин возвращается в родные края. Здесь, в Рыбницах, он и скончался в 1923 году.

Неподалеку от могилы скульптора покоятся другие Опекушины, его близкие и дальние родственники.

В центре села у дороги — скромный памятник из белого мрамора, выполненный ярославским скульптором А. И. Соловьевым: голова старика с пышной бородой, густыми, нависшими бровями и глазами пророка. Гирлянда изящных беломраморных роз украшает основание памятника.

Покидая Рыбницы, невольно оглядываешься назад, туда, где величавый храм отмечает могилу замечательного мастера, человека, жизненный путь которого свидетельствует об огромной творческой силе русского народа.

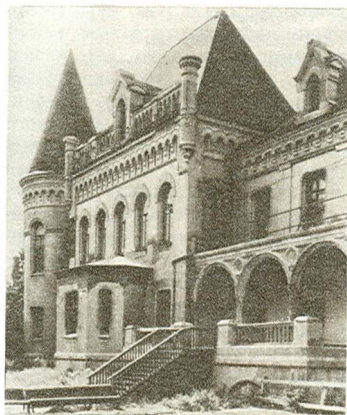
Катер приближается к пристани «Красный Профинтерн». Уже издалека видны длинные, красного кирпича фабричные корпусы, приземистые складские помещения, высокие

трубы. Поселок Красный Профинтерн мог бы стать своего рода огромной музейной экспозицией под открытым небом. Попадая сюда, словно переносишься на сто лет назад, открываешь раздел учебника истории, озаглавленный «Развитие капитализма в пореформенной России». Возникший в последние десятилетия XIX века вокруг большого крахмало-паточного завода, принадлежавшего ярославскому купцу Никите Понизовкину, поселок сохранил все элементы своей первоначальной структуры. В центре, у пристани, — большие фабричные корпуса. Ныне здесь размещается одно из крупных предприятий пищевой промышленности области — Ярославский крахмало-паточный комбинат. Однако внешне предприятие мало изменилось со времени постройки.

Понизовкины устраивали свой завод с размахом, не скупясь на расходы, приглашая иностранных специалистов и заимствуя их опыт организации производства. Во дворе комбината можно увидеть длинное здание конторы. За его большими, светлыми окнами — громадный операционный зал, в котором и по сей день стоят массивные дубовые бюро старой работы. Здесь же, в конторе, вам покажут и большую, потемневшую от времени фотографию. Под горделивой надписью «Промышленно-торговое товарищество «Никиты Понизовкина сыновья». Волжский завод. 1915 год» — десятки крохотных, в овальных рамках портретов инженеров, мастеров, технических сотрудников предприятия. А выше, крупно — портреты последних владельцев, внуков Никиты Понизовкина: презрительный взгляд, щегольски закрученные усы, надменное выражение лица.

История возвышения Понизовкиных типична для многих русских промышленников. Поначалу «капиталистский крестьянин», скупщик, Никита Понизовкин постепенно стал владельцем нескольких мелких крахмало-паточных предприятий в здешних местах. Жестокой, безудержной эксплуатацией он заслужил ненависть окрестного крестьянского населения. Понизовкин послужил прототипом для образа паука-промышленника в стихотворении Н. А. Некрасова «Горе старого Наума»:

«Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — неглупый малый:
Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой...»

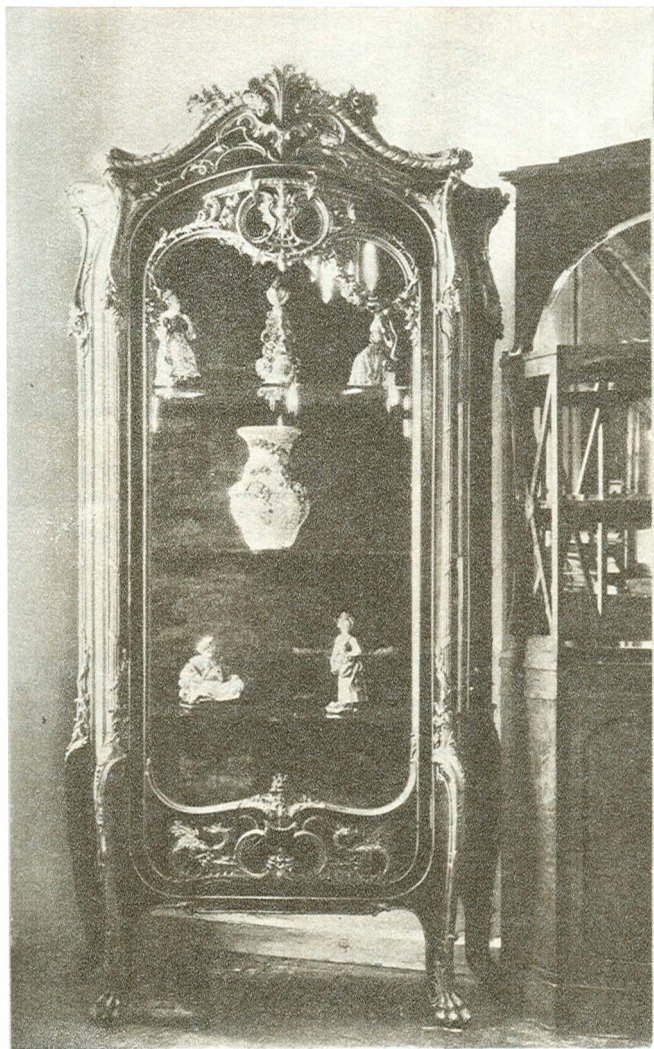

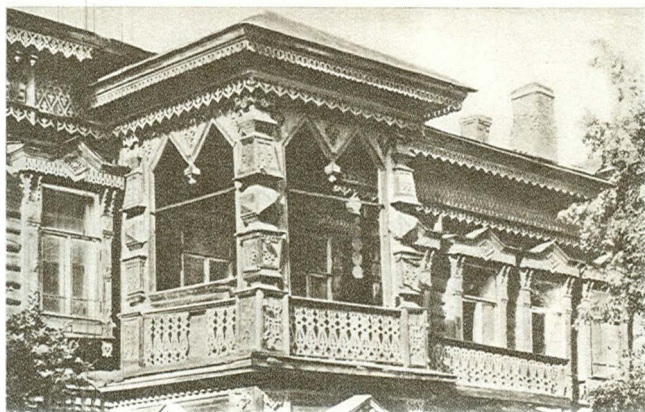
*Красный Профинтерн.
Первый особняк
Понизовкиных.
Начало XX в.*

*Красный Профинтерн.
Образцы фарфора и мебель
из особняка Понизовкиных
→*

Понизовкин быстро богател. Став в 1868 году владельцем Волжского завода, он, а затем его сыновья и внуки вели в поселке большое строительство. В центре поселка, рядом с заводом, высятся причудливое здание с островерхой крышей, башнями, балконами, открытыми галереями. Это бывший особняк Понизовкиных, интересный образец «романтической» архитектуры начала XX века. Имя автора его проекта пока остается неизвестным.

Внутреннее убранство особняка было не менее причудливым и своеобразным, чем его фасад. Эффектные росписи потолков и позолоченные карнизы сочетались с отделанными под красное дерево панелями и наборным паркетом. В доме имелся даже зимний сад под стеклянной крышей. Ныне о прежних интерьерах особняка можно судить лишь по оформлению зала, в котором размещается библиотека Дома культуры. Здесь хранится несколько образцов стилизованной под XVIII век мебели. В резном шкафчике у окна — хорошие образцы русского фарфора XIX столетия.

*Красный Профинтерн.
Второй особняк
Понизовкиных.
Начало XX в. Фрагмент*

В высоких темных шкафах поблескивают тусклым золотом переплеты старых изданий. Здесь многотомный словарь Брокгауза и Ефрона и продукция книжных фирм Вольфа, Маркса, Сытина, других крупнейших русских издательств второй половины XIX века.

Рядом с особняком владельца завода расположено своеобразное двухэтажное здание, нижний этаж которого выполнен из кирпича, а верхний — из дерева. Второй этаж снаружи в изобилии украшен сложной, хотя и несколько суховатой по рисунку резьбой. В этом доме жили родственники владельца завода, представители многочисленного семейства Понизовкиных.

Решетчатая чугунная лестница ведет на второй этаж. Здесь во многих комнатах сохранились лепные потолки, в узорах которых модерн соседствует с неоампиrom, высокие кафельные печи-голландки, матовые стекла высоких дверей с изображениями фантастических трав и грифонов, наборный паркет. Лепнина потолков и карнизов, прежде

*Лепные потолки
в особняке Понизовкиных*

*Бор. Никольская церковь.
1725*

частью вызолоченная, сейчас сплошь забелена, а местами и полностью утрачена.

В нескольких минутах ходьбы от особняка Понизовкиных — еще одно весьма своеобразное и по-своему интересное здание. Этот длинный шестиэтажный дом красного кирпича под фигурной крышей не потерялся бы и в центре большого города. Здесь же, среди одноэтажной деревянной застройки, он напоминает океанский корабль в окружении рыбацких лодок. Этот гигант был выстроен по проекту гражданского инженера Н. Ю. Лермонтова для служащих завода Понизовкиных. Разрешение на постройку столь редкого сооружения было дано лично ярославским губернатором графом Татищевым 6 апреля 1913 года¹⁰. Автор проекта стремился создать максимум удобств для жильцов дома. Помимо разнообразных по планировке квартир в доме были предусмотрены библиотека, бильярдная, буфет, комната для игры в карты, небольшой зрительный зал для любительских спектаклей и показа кинолент. В подвалах

помещались в одном конце — ледник, в другом — кочегарка. Вблизи дома был посажен обширный сад.

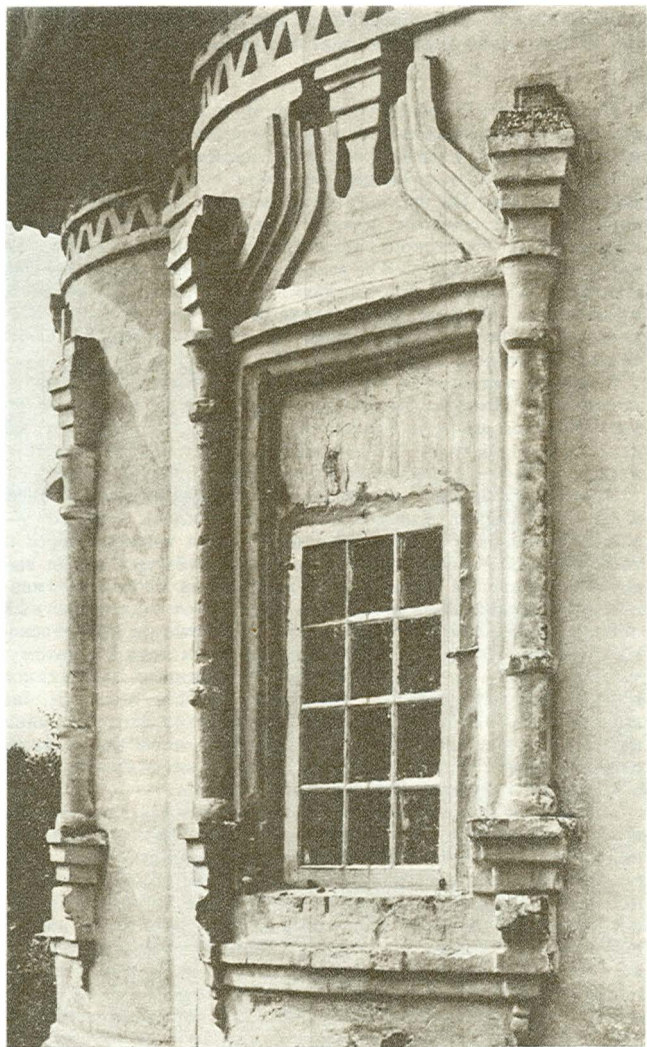
Из Красного Профинтерна наш путь лежит в село Бор, расположенное километрах в трех севернее поселка. До Бора можно добраться автобусом, следующим до села Вятское.

Примерно в километре от села расположен погост Голышкин Бор. Он был одним из центров древней Шаховой волости Ярославского уезда. Шахова волость, подобно Курбской и Юхотской, возникла из бывшего удела. Ее владельцами в XIV—XV веках были князья Шаховские, потомки ярославского князя Константина Глебовича, прозванного Шахом. Впоследствии из рода князей Шаховских вышло немало видных государственных и общественных деятелей, литераторов.

В первой половине XVII века погост Голышкин Бор назывался «село Никольское на Голышкине Бору». Совладельцами села были дворяне братья Опухтины, а также известный деятель первой трети XVII века государев печатник и думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин¹¹.

Впоследствии жители переехали отсюда ближе к дороге, в деревню Бор, а бывшее село превратилось в погост — обычное сельское кладбище. Здесь, среди вековых берез и тополей, над покосившимися крестами забытых могил высятся Никольская церковь, выстроенная на месте одноименной деревянной церкви в 1725 году. Этот малоизвестный памятник имеет большое значение для истории ярославского и костромского зодчества. Он интересен хотя бы потому, что в самом Ярославле из пяти существовавших памятников культового зодчества первой трети XVIII века до нас дошел лишь один. В Костроме памятников этого времени не сохранилось. Исчезнувшие страницы истории ярославского и костромского зодчества можно восстановить лишь с помощью сельских храмов этого периода.

Голышкин Бор находился на самой границе ярославских и костромских земель. Есть сведения, что Никольская церковь была выстроена костромскими каменщиками¹². Действительно, тип небольшого бесстолпного храма, увенчанного мелким пятиглавием, гораздо более характерен для костромского, нежели для ярославского зодчества второй половины XVII века. Никольская церковь во многом близка, например, не сохранившейся до нашего времени Троицкой церкви в Костроме, выстроенной во второй половине XVII века. Мотивы «нарышкинского барокко», ярко представленные в декоре Никольской церкви, нашли свое дальнейшее

*Бор. Никольская церковь.
Фрагмент*

←

*Бор. Ворота ограды
Никольской церкви.
Вторая половина XIX в.*

развитие в костромской церкви Рождества Христова на Дебре (1734 г., не сохранилась).

По своей объемной композиции Никольская церковь продолжает традицию, идущую от бесстолпных московских посадских храмов второй половины XVII века. Широкое распространение этого типа в костромском зодчестве объяснялось не только более скромными, чем у ярославцев, материальными возможностями костромичей. Большую роль сыграло и близкое знакомство костромских мастеров с традициями московского зодчества. Известно, например, что только за период с 1670-х до 1700-х годов по далеко не полным сведениям в Москве работало двенадцать зодчих-костромичей¹³.

Преобладание традиционных, связанных с посадским каменным строительством XVII века элементов, характерное для всего облика Никольской церкви, во многом определялось тем, что памятник, по-видимому, был построен «ижданием прихожан» и не имел одного заказчика. Вотчинные

храмы, построенные в окрестностях Ярославля в начале XVIII века крупными сановниками, — Воскресенская церковь в Красном, Знаменская в Михайловском — отличаются гораздо более радикальной переработкой традиционной кубической композиции. В них несравненно ярче, чем в Никольской церкви, проявился новый подход к объемному решению зданий, характерный для московского зодчества конца XVII — начала XVIII века.

Иллюстрацией к сказанному служит и фасадный декор Никольской церкви. Традиционные для костромских и ярославских храмов второй половины XVII века формы явно преобладают над мотивами «нарышкинского барокко». Последние наиболее ярко проявляются в рисунке наличников, заглубленных в толщу стен и дополненных фланкирующими трехчетвертными колонками. Наличники Никольской церкви наглядно иллюстрируют сложный процесс постепенного усвоения русской архитектурой западноевропейских ордерных форм.

Вятское.

Воскресенская церковь.

1750

←

Зодчий, строивший Никольскую церковь, свободно владел самыми различными формами архитектурного декора второй половины XVII века. Верхнюю часть стен, украшенную фризом мелких кокошников, разделенных короткими лопатками, отсекает карниз, состоящий из двойного ряда «городков». В нижней части угловых лопаток устроены прямоугольные ниши-ширинки с декоративными вставками. Между окнами размещены глубокие ниши киотов с фресковыми изображениями Николы на северной стене и Спаса — на южной. Обширная, далеко выступающая алтарная часть храма украшена поясками «бегунца» и поребрика.

Внутреннее убранство Никольской церкви включает в себя пятирусный классический иконостас и настенную масляную живопись конца XIX века.

Приход Никольской церкви в первой половине XVIII века был весьма велик и состоял из нескольких десятков деревень. Летний храм 1725 года не мог вместить всех молящихся. Каменное строительство в Голышкином Бору продолжалось.

Вначале при Никольской церкви был устроен южный придел, включенный позднее в состав трапезной. В 1774 году была закончена не сохранившаяся до нашего времени Воскресенская церковь с отдельно стоявшей колокольной. В XIX веке ансамбль был окружен каменной оградой, от которой сохранились лишь северные и южные ворота.

Надолго запоминается Голышкин Бор. Красота рукотворная сливается здесь с неяркой, задушевной красотой среднерусского пейзажа. Развесистые старые березы, опустившие ветви до самой земли, неудержимые в своем буйном росте заросли бузины и сирени, живописные руины церковной ограды — все это, а более всего — великая благодать раскинувшихся кругом золотистых полей, белоствольных роц, низко плывущих облаков придает тихому сельскому погосту неповторимое очарование. Чудесным ожерельем раскинулись вокруг дороги и тропинки. Впереди — новые дали, новые встречи с сокровищами русской старины.

В пятнадцати километрах от Бора можно посетить старинное торговое село Вятское. Расположенное на хороших, плодородных землях, оно издавна славилось своими огородниками. Вятские огурцы пользовались заслуженным почетом на ярмарках и базарах в Ярославле, Костроме и Вологде.

В Вятском сохранились целые улицы двухэтажных каменных домов прошлого столетия. В центре села живописно расположена пятиглавая бесстолпная Воскресенская церковь, выстроенная прихожанами в 1750 году. Рядом с ней — великолепная шатровая колокольня. Поодаль, за оврагом, — Успенская церковь, возведенная в 1780 году. Архитектурный облик Вятского отличается исключительной цельностью. Памятники живут в том природном и архитектурном окружении, в котором они возникли. Расположенное в стороне от больших дорог, это село стало своего рода заповедником сельского каменного зодчества XVIII—XIX веков.

2. Вдоль шоссе Ярославль — Кострома

При объездах России столь часто приходится буквально «наталкиваться» на постройки изумительной красоты, до сих пор никому не известные...

Г. К. Лукомский

Наш второй маршрут, к юго-востоку от Ярославля, пролегает по правому берегу Волги вдоль современного шоссе Ярославль — Кострома. Уже в самом начале пути нас ожидает встреча с еще одним редким памятником первой половины XVIII века — церковью Иоакима и Анны в селе Лучинском, построенной в 1736 году¹⁴.

Сельские каменные храмы, выстроенные в 30-е годы XVIII столетия, очень редки в ярославском крае. Во второй половине прошлого века их насчитывалось лишь около десятка — менее одного процента всех существовавших в то время в губернии церквей. До нашего времени их сохранилось еще меньше: три в Ярославском районе (в Толбухине — 1732 г.; Лучинском — 1736 г.; Бурмакине — 1739 г.), две в Угличском (в Ново-Леонтьевском и в Заозерье, обе — 1730 г.) и еще две-три в других районах области.

Памятников этого времени почти не осталось и в городах.

Единственный существовавший в Ярославле посадский храм 30-х годов XVIII века — церковь Параскевы на Калашной — до нас не дошел. Больше повезло в этом отношении Угличу, где сохранилась выстроенная в 1730 году Корсунская церковь.

Сравнивая между собой немногие сохранившиеся памятники 30-х годов XVIII века, можно заметить некоторые закономерности, существенные для понимания всей истории ярославского зодчества. Но прежде чем вести речь о художественных особенностях памятников, следует отметить некоторые явления в экономической жизни Ярославля и связанных с ним районов в первой половине XVIII века.

Первая четверть XVIII века для Ярославля — период экономической депрессии, вызванной перемещением торговых путей, а также значительным сокращением мужского населения в связи с рекрутскими наборами и огромными строительными работами в Петербурге и других городах империи. Прямым следствием спада в экономике было резкое сокращение посадского строительства.

Заметный застой наблюдается в этот период и в вотчинном сельском строительстве. Немногочисленные сельские каменные храмы первой четверти XVIII века строились силами крупных духовных и светских феодалов — ростовского митрополита, Спасского и Толгского монастырей, а также Нарышкиных, Племянниковых, Репниных, Щербатовых. Архитектура этих сооружений, возводившихся в соответствии с личными вкусами заказчика, как правило, лежит в стороне от торных путей развития ярославского зодчества.

Вторая четверть XVIII века отмечена некоторым оживлением посадского строительства. Однако гораздо более важным было начало приходского каменного строительства в крупных торговых селах — Заозерье, Новом, Давыдове (современное Толбухино), Бурмакине, Лучинском и некоторых других. Заказчиком в этом случае выступала вся приходская община. Вкусам такого рода заказчиков наиболее соответствовала яркая, жизнерадостная ярославская архитектура XVII века. Однако ограниченность средств и другие особенности сельского строительства заставляли мастеров выбирать простые в конструктивном отношении типы храмов. Наиболее приемлемым оказался разработанный в ярославском и костромском зодчестве второй половины XVII века тип бесстолпного пятиглавого храма без подклета.

Большой интерес представляет вопрос о том, какие именно храмы XVII века послужили образцами для зодчих XVIII столетия. В литературе отмечена генетическая связь между сельскими храмами XVIII века и упрощенным трехчастным типом ярославского посадского храма конца XVII века (Никола «Рубленный город», 1695 г., и Пятницкая церковь на Туговой горе, 1692 г.). Для того чтобы глубже проследить истоки объемно-пространственной композиции сельских храмов XVIII века, следует обратиться к истории их создания.

Почти все храмы XVIII века дошли до нас в составе трехчастной композиции — собственно храм, трапезная и колокольня. Существовали два пути складывания этой канонической троицы. В том случае, когда храм с самого начала был задуман трехчастным, строительство всех трех объемов

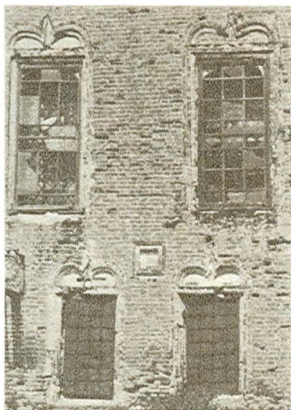
шло практически одновременно. В этих условиях мастера стремились максимально повысить основной объем, подчеркивая его первенство среди других частей здания. Во втором случае в силу ограниченности средств или по иным причинам из кирпича строился лишь летний храм, который сосуществовал с теплой деревянной церковью и отдельно стоящей колокольной или звонницей. Лишь со временем к летнему, холодному храму с запада пристраивалась трапезная, которая охватывала его с трех сторон, поглощая западную паперть и боковые приделы. В этом случае летний храм поначалу не имел «соперников». Впечатление стройности и величия достигалось и при меньшей высоте четверика. Однако последующая пристройка трапезной и колокольни делала собственно храм зрительно более низкорослым и приземистым.

Количество храмов, выстроенных «по частям», в первой половине XVIII века несомненно было весьма значительным. При таком порядке строительства прообразом могли быть не столько трехчастные храмы типа Николы Рубленого, сколько памятники кубической объемной композиции, в первую очередь — церковь Богоявления в Ярославле (1693). Широко использовался также опыт костромского зодчества XVII века, в котором тип бесстолпного пятиглавого храма был разработан значительно глубже, чем в ярославском.

Церковь Иоакима и Анны в Лучинском наглядно иллюстрирует высказанные соображения. Это трехчастный храм, выстроенный по заказу прихожан в традициях ярославского зодчества конца XVII века. Стилистическая близость летнего храма, трапезной и колокольни позволяет думать, что объемная композиция храма с самого начала была трехчастной. Далеко выступающая алтарная часть — почти прямоугольной формы, с едва намеченным делением на три апсиды. Подобная форма алтаря имеет немало аналогий в ярославском зодчестве XVII века.

Фасадный декор также выполнен в традиционных формах ярославского зодчества. Верхняя часть высокого четверика украшена фризом из заостренных кокошников, наличники больших окон выполнены в невысоком рельефе. К обычным для XVII века формам декора относятся и плоские угловые лопатки, прямоугольные ниши-киоты, а также карнизы в виде простого поребрика или «пилы» — нескольких нависающих друг над другом рядов кирпича, положенного «на плашку» под углом к плоскости стены.

Некоторая сдержанность декора церкви Иоакима и Анны объясняется помимо других причин его местоположением.

*Лучинское.
Церковь Иоакима и Анны.
1736. Фрагмент*

Возведенный на открытом месте, на вершине холма между московской и костромской дорогами, храм был рассчитан прежде всего на восприятие со средней и дальней дистанции. В этих условиях главным средством художественного воздействия становился цельный, выразительный силуэт.

Традиционность объемной композиции и декора церкви Иоакима и Анны особенно заметна, если сравнить ее с выстроенной немногим позже Петропавловской церковью в Ярославле (1742). Впрочем, барочные формы Петропавловской церкви не получили большого распространения в ярославском крае и в последующие два-три десятилетия.

Несмотря на значительные искажения и утраты (отсутствует пятиглавие, над алтарной частью громоздится нелепая надстройка), храм в Лучинском является интересным образцом ярославского зодчества, отражающим стойкость художественных традиций XVII века. Поставленный, как говорили в Древней Руси, на «стройном месте», он словно собирает вокруг себя весь окрестный низменный ландшафт.

Реставрировав этот ценный памятник, можно создать выразительный архитектурный акцент у самых ворот Ярославля.

Проехав около десяти километров по костромскому шоссе, у деревни Воробино можно свернуть влево и посетить раскинувшееся на берегу Волги старинное село Сопелки.

В середине XIX века название этого ярославского села замелькало на страницах печати, в протоколах судебных присутствий. Неожиданно открылось, что здесь, в Сопелках, находится всероссийский тайный центр секты «бегунов», одного из наиболее радикальных толков старообрядчества. Не признавая официальную церковь и поддерживающее ее самодержавное государство, «бегуны» стремились в прямом смысле уйти от всех контактов с попами, чиновниками и помещиками.

«Бегуны» подразделялись на странников, проводивших всю жизнь в скитаниях, и оседлых содержателей тайных убежищ, где скитальцы могли отдохнуть, прожить несколько дней, а затем снова пуститься в путь. Эти убежища, или «пристани», как называли их «бегуны», представляли собой целый лабиринт. «Дом пристанодержателя состоит из бесчисленного множества дверей, ходов, подполий, келий, сообщающихся в разных направлениях с другими кельями, с собственно домом, с огородом; есть подземные ходы к соседу или на вспаханное поле, и все это имеет целью способствовать побегу скрывающегося; он неуловим для человека, не изучившего тщательно эту остроумно придуманную и ломаную архитектуру»¹⁵, — писал один из членов правительственной комиссии, созданной для борьбы с «бегунами». В результате двух лет работы этой комиссии (1850—1851) десятки «странников», а по существу — беглых крестьян, были схвачены и брошены в острог: 33 человека умерли там, не дождавшись суда, 25 были наказаны плетью и сосланы на каторгу в Сибирь, 12 высланы на Кавказ.

Дело «бегунов» привлекло внимание многих демократически настроенных представителей русской интеллигенции. О них писали общественный деятель И. С. Аксаков, писатель и поэт Л. Н. Трефолов, историк А. П. Шапов.

От большого села Туношна, что расположено неподалеку от Сопелок на костромском шоссе, на юг отходит дорога в сторону села Бурмакино, известного своей богатой историей, а также интересным памятником зодчества — Воскресен-

ской церковью. Но прежде об истории. Село Бурмакино в XVII столетии было административным центром обширных владений Троекуровых — потомков ярославских удельных князей. Вотчины князей Троекуровых широкой полосой тянулись по берегам реки Туношны, правого притока Волги. Богатство и знатность Троекуровых имели прочную основу в их родственных связях: матерью князя Б. И. Троекурова, владевшего ярославской вотчиной в середине XVII века, была Анна Никитична Романова, родная тетка царя Михаила Федоровича, сестра всеильного патриарха Филарета.

Самым известным среди князей Троекуровых стал внук Б. И. Троекурова Федор Иванович (1667—1695). Отважный воевода, любимец Петра I, он был смертельно ранен при штурме Азова в 1695 году. Тело его было привезено в Ярославль и погребено среди могил других Троекуровых в Спасском монастыре. На похороны Троекурова в Ярославль приезжал сам Петр I.

Род Троекуровых угас в середине XVIII века. Новую, литературную жизнь этой фамилии дал А. С. Пушкин — имя старого барина-крепостника Кирилы Петровича Троекурова в повести «Дубровский» подсказала история.

Уже в XVIII веке село Бурмакино славилось торговлей и крестьянскими промыслами. Особое развитие здесь получило кустарное производство металлических деталей конской упряжи, гвоздей, цепей и других мелких железных изделий. О бурмакинских кузнецах писал В. И. Ленин в конце 90-х годов прошлого столетия в работе «Развитие капитализма в России». Отмечая близость организации многих кустарных промыслов к типу капиталистической мануфактуры, В. И. Ленин, в частности, отмечал: «Того же типа, по всей вероятности, организация слесарных промыслов Бурмакинской волости (и окрестных волостей) Ярославской губ. и уезда. По крайней мере мы видим здесь то же разделение труда (кузнецы, поддувалы, слесаря), то же широкое развитие наемного труда (из 307 кузниц Бурмакинской

Село Бурмакино

*Бурмакино.
Воскресенская церковь.
1739*

волости 231 с наемными рабочими), то же господство крупного капитала над всеми этими детальными рабочими (скупщики стоят во главе; на них работают кузнецы, на кузнецов — слесаря), то же соединение скупки с производством изделий в капиталистических мастерских, из которых некоторые попадают иногда в списки «фабрик и заводов»¹⁶.

Десятки маленьких сельских кузниц ютились на окраине села, на берегу речки Туношны. Продукцию оптом скупали перекупщики, крупнейшим из которых был ярославский купец Пастухов. С малолетства привыкая к кузнечному делу, крестьяне Бурмакинской волости были прекрасными мастерами своего огненного ремесла. В первые годы Советской власти бурмакинские кузнецы объединились в артель. Их продукция шла на нужды молодой Красной Армии, и в первую очередь ее героической конницы. Потомки знаменитых кузнецов и сейчас трудятся на бурмакинском заводе металлоизделий.

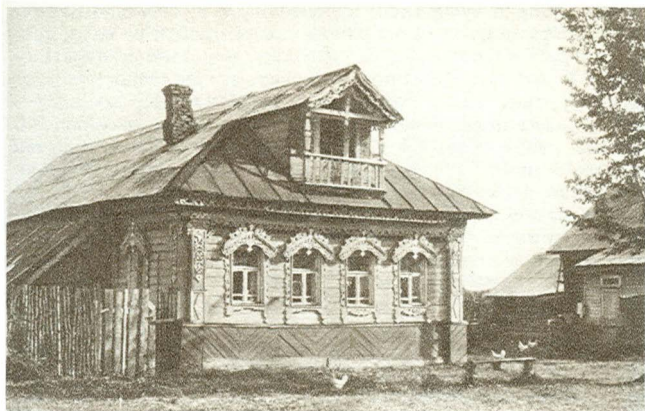
Но не только кузнечным промыслом замечательно Бурмакино. Достаточно хотя бы раз не спеша пройти по селу, привольно раскинувшемуся на высоком, изрезанном оврагами берегу Туношны, чтобы почувствовать его своеобразную красоту. Крутые, карабкающиеся в гору улочки, кое-где — старые каменные дома, узорчатые резные наличники, заросший старый парк... И над всем этим, словно созывая разбежавшиеся по холмам и оврагам дома, высится старинная белая церковь.

Воскресенская церковь села Бурмакино выстроена «ижидием прихожан» в 1739 году¹⁷. Принцип построения ее объемной композиции несколько иной, чем у ее ровесницы, церкви Иоакима и Анны в Лучинском. По-видимому, она строилась «по частям». В 1739 году был завершен летний храм — монументальный куб, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный декоративным пятиглавием. Пятигранная форма низкой алтарной части повторяет в камне традиционную форму апсид деревянных храмов. Примечательно расположение окон летнего храма. Вместо двух удлинённых, подчеркивающих высоту основного объема окон, виденных нами в Лучинском, здесь мастер в соответствии с общим художественным образом здания создает гораздо более уравновешенную композицию из трех сравнительно небольших оконных проемов. Влияние ярославского и особенно костромского зодчества XVII столетия, очень сильно заметное во всем облике Воскресенской церкви, проявилось и в свободном, асимметричном расположении окон. Три окна «верхнего света» сильно смещены в сторону алтарной части храма, которая в свою очередь имеет окна лишь на трех из пяти граней.

Важнейшим компонентом художественного образа бурмакинской церкви была ныне утраченная, отдельно стоявшая монументальная шатровая колокольня.

По-видимому, лишь в самом конце XVIII века к летнему храму с запада была пристроена обширная двухстолпная трапезная, закрывшая также часть северного и южного фасадов. В начале XIX века были пристроены небольшая паперть и крыльцо со шпилем. Сложение ансамбля завершилось постройкой каменной ограды с традиционными для прошлого столетия трехпролетными арочными воротами.

Фасадный декор Воскресенской церкви отличается богатством и разнообразием. Несомненно, строители учли то, что церковь возводилась на главной торговой площади села и должна была выглядеть эффектно не только издалека, но и с близкого расстояния. В наружном убранстве церкви словно воскресает столь близкое народным художественным

*Дом в селе Новом.
1913*

вкусам «дивное узорочье» XVII века. Помимо традиционных форм зодчие использовали многие декоративные мотивы «нарышкинского барокко» — наличники с завершением в виде «разорванного фронтона», уже известные нам по Никольской церкви в Голышкином Бору, а также полукруглые кокошники с заполнением в виде раковины. Ныне кокошники скрыты поздней закладкой и штукатуркой, что существенно ослабляет художественное воздействие памятника.

Некоторые черты первоначального облика Воскресенской церкви помогает восстановить составленная в 1803 году «Опись имущества и ценностей церкви Воскресения Христова села Бурмакина». Добросовестный переписчик, перечислив всю утварь и имущество храма, не забыл упомянуть и о его внешнем виде: «...церковь Воскресения Христова... каменная, покрыта тесом, на ней пять глав каменных обиты черепицами зелеными и желтыми, на них кресты железные»¹⁸.

*Новое. Троицкая церковь.
1777*

В интерьере Воскресенской церкви сохранились красивый барочный иконостас XVIII века, а также современные ему стенописи, впоследствии не раз поновленные, — многофигурные композиции на евангельские сюжеты, помещенные в пышные барочные рамы.

Воскресенская церковь в Бурмакине — еще одно убедительное свидетельство того, что активная творческая работа ярославских и костромских зодчих не прекращалась и в XVIII столетии. Свободно владея богатым арсеналом художественных приемов, выработанных их великими предшественниками, зодчие XVIII века умели создавать разнообразные объемно-пространственные композиции, безошибочно выбирая формы декора, наиболее соответствующие их творческому замыслу.

Немало интересного для любителей старины и ценителей прекрасного сохранилось и в окрестностях Бурмакина. Изумительна тонкая, как кружево, потемневшая от времени резьба наличников в селе Новом. Посреди села радует

*Лютово. Спасская церковь.
1842*

*Туношна.
Церковь Рождества
Богородицы. 1781.
Фрагмент*

→

глаз богатством и своеобразием барочного декора Троицкая церковь 1777 года.

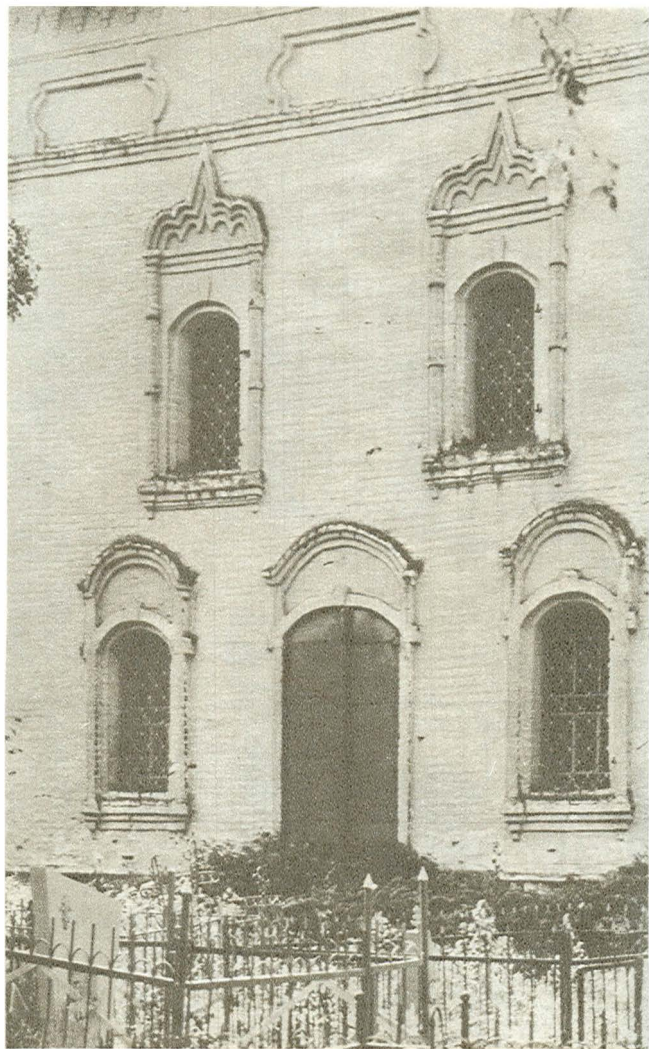
Задумчивым лиризмом, свойственным русскому провинциальному ампиру, привлекает выстроенная в 1842 году Спасская церковь села Лютово.

Редкую жизнеспособность традиционных для ярославского зодчества конца XVII — начала XVIII века декоративных форм демонстрируют памятники села Сеславина — церковь Рождества Христова (1788) и Казанская (1780), а также церковь Рождества Богородицы в Туношне (1781).

Продолжая знакомство с памятниками, расположенными вдоль костромского шоссе, проследуем в село Красное.

В старину, осваивая новые места, люди в первую очередь поселялись на ключевых точках местности — при устьях рек, на холмах, по водоразделам. История городов, сел и деревень, расположенных в таких местах, обычно

уходит далеко в глубь веков. Подтверждением этой закономерности служит и село Красное. Оно существовало уже в XVI веке и входило в состав владений ярославских князей Сисеевых¹⁹. Позднее Красное стало вотчиной старинного боярского рода Племянниковых. Владельцем села был известный деятель петровского времени, один из девяти первых русских сенаторов, Г. А. Племянников. Во второй половине XVIII века Красным владел сын сенатора, П. Г. Племянников, герой Семилетней войны, первый в России кавалер редкой военной награды — ордена св. Георгия 2-й степени.

Как и многие частновладельческие ярославские села, Красное неоднократно переходило от одного помещика к другому. В первой половине XIX века владельцем села стал известный государственный деятель времен Александра I и Николая I граф П. Д. Киселев. Герой Бородинской битвы, близкий друг многих декабристов, Киселев, однако, был весьма далек от прогрессивных убеждений. Зная о незаурядных способностях и большой энергии Киселева, Николай I

Сеславино.

Казанская церковь.

1780. Фрагмент

←

назначил его своим «начальником штаба по крестьянскому вопросу» — министром государственных имуществ. В трудные для русской дипломатии годы после поражения России в Крымской войне Киселеву была поручена крайне ответственная и щекотливая должность русского посла в Париже.

В селе Красном сохранился интересный памятник архитектуры — Воскресенская церковь, построенная в 1707 году по заказу Г. А. Племянникова. Это очень редкий — а для Ярославской области, быть может, даже уникальный образец ярусного вотчинного храма начала XVIII века.

Возникновение объемной композиции «восьмерик на четверике» относится к 80-м годам XVII века. Храмы этого типа строились главным образом в подмосковных вотчинах крупных сановников — Нарышкиных, Голицыных, Прозоровских. Первоначально нижний ярус в подобных сооружениях представлял собой обычный четверик, служащий основанием для нескольких восьмериков. Однако вскоре

композиция нижнего яруса усложнилась: он принимает округлую, слегка вытянутую по оси восток — запад форму. Храм окружают открытые галереи с далеко вынесенными белокаменными лестницами.

Параллельно с изменением объемно-пространственной композиции идет процесс развития фасадного декора. Пышные барочные мотивы со стен кубических храмов, а также из резьбы иконостасов переносятся на фасады зданий типа «восьмерик на четверике»²⁰. В результате этого соединения складывается тот классический стиль «московского» («русского», «нарышкинского») барокко, который стал одним из высочайших достижений русского зодчества.

Воскресенская церковь в Красном была завершена в то время, когда становление стиля «московского барокко» уже завершилось, когда были построены не только ранние, но и зрелые, классические памятники этого стиля — церковь Покрова в Филях (1693), церковь Спаса в Уборах (1697), наконец, знаменитая церковь Знамения в Дубровицах

Красное.
Воскресенская церковь.
1707
→

(1690—1704). Однако начало строительства Воскресенской церкви, по-видимому, относится к значительно более раннему времени. На сроках строительства неизбежно должны были сказаться и длительные отлучки заказчика, постоянно занятого по службе, и отсутствие у местных мастеров навыков возведения такого рода сооружений.

По своей объемной композиции и декору церковь в Красном напоминает памятники ранней стадии развития «нарышкинского» стиля. Ее нижний ярус представляет собой вытянутый по оси восток — запад десятигранник, в плане близкий к овалу. С запада к основному объему примыкает низкая граненая апсида. Нижний ярус служит основанием для трех уменьшающихся восьмериков, увенчанных небольшой главкой «с перехватом».

С запада к летнему храму примыкает обширная шести-столпная трапезная первой половины XIX века. У входа в трапезную в 1916 году устроена невысокая паперть²¹.

Рядом с храмом поднимается к небу стройная шатровая колокольня середины XVIII века.

Общий облик памятника отличается своего рода недосказанностью, переходным характером. Наряду с типичными для «московского барокко» приемами: восьмигранные окна, полуколонки с базами и капителями на углах объемов, карниз в виде «пилы» — заметна более свойственная ярославскому зодчеству конца XVII — начала XVIII века сдержанность в наружном убранстве. Широкие плоскости граней нижнего восьмерика почти лишены декора. Количество окон отнюдь не столь велико, сколь могло бы быть при последовательном проведении стилистических принципов «московского барокко». Важнейший композиционный принцип ярусных сооружений — последовательность облегчения ярусов по мере развития архитектурных масс вверх — нарушен заметным несоответствием между пропорциями нижнего и среднего восьмериков.

В интерьере Воскресенской церкви сохранился нарядный

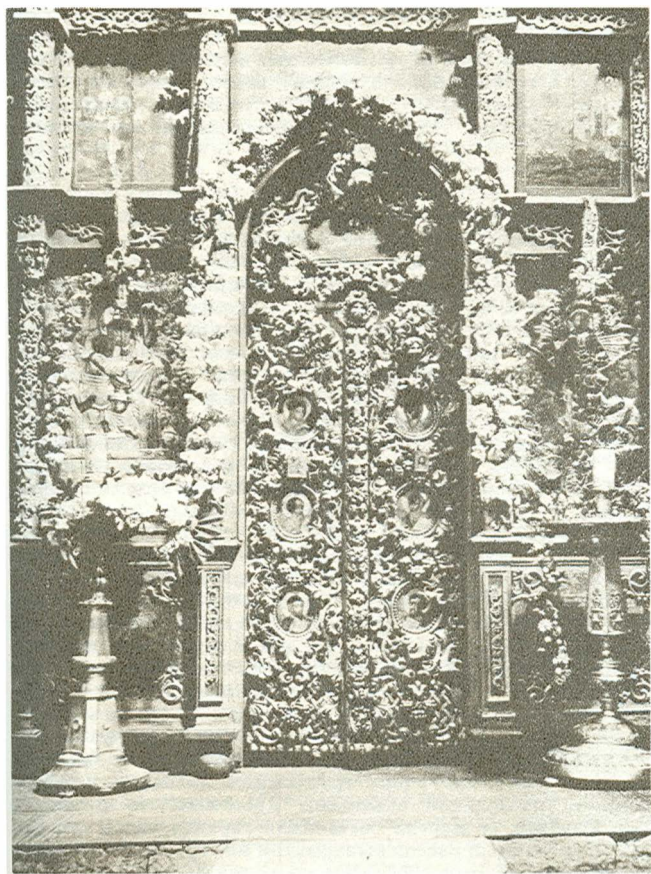
*Красное.
Иконостас
Воскресенской церкви.
XVIII в.
→*

барочный иконостас XVIII столетия, интересные иконы XVII—XVIII веков, а также настенная живопись прошлого столетия.

Воскресенская церковь в Красном — прекрасная иллюстрация к истории развития нового стиля в русском зодчестве конца XVII — начала XVIII века.

Нельзя остаться равнодушным к красоте расположения Красного. Достаточно взглянуть вокруг — и сразу становится понятным происхождение названия села. С вершины холма открывается незабываемый вид на бескрайние ярко-зеленые пойменные луга, по которым скользят тени облаков, на синеющие вдали леса, на излучины сверкающей на солнце реки Солоницы, в прошлом служившей границей между ярославскими и костромскими землями.

Есть в этих ярославских приволжских пейзажах какой-то особый, захватывающий простор. Хорошо сказал о них историк прошлого столетия С. П. Шевырев: «Эти необъятные кругозоры, по которым любит разбегаться зрение

странника... составляют живописную особенность русской северной природы. Земля под вами как будто стелется плоско да плоско, а вдруг незаметно поднимет вас на такую высоту, с которой вольно вашему взору гулять по безграничному пространству. В этих кругозорах, непрерывно поднимающихся, есть что-то завлекающее все далее и далее...»²².

К северу, у самого горизонта, видна темная масса домов, тонкие черные трубы. Это районный центр — поселок Некрасовское. Туда мы и направимся, покинув Красное.

По дороге, у моста через Солоницу, привлекают внимание памятники села Малые Соли. Это небольшое селение — одно из древнейших в округе. Оно упоминается в документе 1478 года — жалованной грамоте князя И. К. Льяловского ярославскому Спасскому монастырю на варницу Березинскую в Малой Соли²³. Уже в середине XVII века документы отмечают наличие в Малых Солях деревянной церкви в честь Рождества Богородицы. Ныне существующая холодная каменная церковь выстроена во второй половине XVIII века. При общем барочном характере архитектурного облика Рождественская церковь сохранила и некоторые черты костромского зодчества XVII века. С юга к ней пристроен приземистый теплый храм Успения Богородицы, относящийся к первой половине прошлого столетия.

Поселок Некрасовское назван в честь Н. А. Некрасова, детские годы которого прошли неподалеку отсюда, в селе Грешнево (ныне Некрасово), на левом берегу Волги. В прошлом Некрасовское было известно как посад Большие Соли, а еще раньше — Великая Соль. Под этим названием он впервые упомянут летописью под 1214 годом. Здешние места издавна славились добычей соли, от которой и произошли многие топонимы — река Солоница, Большие Соли, Малые Соли. Добыча соли была очень трудоемким и сложным делом. Бурение рассольной скважины продолжалось несколько лет. Глубина ее иногда составляла гораздо более ста метров. Полученный рассол выпаривали на огромных железных сковородах — «цренах». «Варить соль» было почти так же тяжело, как «варить железо». Часто люди получали увечья, гибли, упав в огонь или сорвавшись с вышки. Большие Соли в конце XVI века были крупным центром солеварения. Здесь действовало 19 варниц. Добыча соли требовала больших затрат, поэтому каждая варница в Больших Солях находилась в совместном владении нескольких пайщиков. Всего на 19 варниц приходилось 199 владельцев²⁴.

В 1583 году Иван Грозный подарил Большие Соли именитому купцу Семену Строганову за заслуги в освоении Сибири. Подарок был щедрым и желанным: Строгановы проявляли большой интерес к солеварению, купали старые и строили новые варницы в различных районах России. Однако уже в середине XVII века добыча соли в этих местах упала, а к концу столетия и вовсе прекратилась.

В 1693 году Петр I пожаловал Большие Соли переславскому Горицкому монастырю в качестве компенсации за отобранное у монастыря «на царское имя» село Вельево. Жители села Вельево под Переславлем-Залесским были отличными плотниками. По приказу Петра они работали на переславской верфи, а затем и на других верфях России. Освободив строителей своей «потешной флотилии» от тягостной зависимости от монастыря, Петр «по-царски» отблагодарил их за службу. Однако расплачиваться за царское «жалование» пришлось крестьянам и ремесленникам Больших Солей. В начале XVIII века их положение резко ухудшилось. Со всех сторон посад был окружен владениями крупных вотчинников — князя Прозоровского, Салтыковых, Аладыных, а также Бабайского монастыря. Жестоким эксплуататором оказался и новый хозяин Больших Солей — Горицкий монастырь. За первые двадцать пять лет его хозяйничанья количество дворов на посаде сократилось почти вдвое. В 1700 году жители посада обратились к царю с челобитной, в которой писали: «А у нас, сирот твоих, пашен, и сенных покосов, и лесных угодий ничего нет... Скитаемся меж дворов и помираем голодной смертью»²⁵. Однако лишь в 1761 году по прошению всех жителей императрица Елизавета приказала отобрать Большие Соли у Горицкого монастыря и переписать в «городовой оклад».

Со второй половины XVIII века жители Больших Солей получают известность как лучшие в округе мастера каменного строительства, живописи и резьбы. Уроженец Больших Солей архитектор-самоучка Степан Андреевич Воротилов построил в 1776 году соборную колокольню в Костроме. Он же является строителем значительной части торговых рядов и некоторых гражданских зданий в городе. Правнук архитектора, С. П. Воротилов, в 1840-е годы выстроил гостинный двор в Больших Солях.

Широкой известностью пользовались большесольские резчики по дереву. Они работали над изготовлением иконостасов во многих храмах Ярославля и Костромы, в том числе — для знаменитой ярославской церкви Ильи Пророка.

Славились Большие Соли и своими художниками. Удивительна судьба двух из них — академиков живописи

братьев Евграфа и Павла Сорокиных. Старший, Евграф Семенович Сорокин (1821—1892), начинал как способный иконописец, работавший над украшением окрестных церквей. Случай изменил всю его дальнейшую жизнь: в 1841 году император Николай I во время пребывания в Ярославле обратил внимание на работы Сорокина. Всемогущий монарх решил продемонстрировать свою заботу о талантливом «выходце из народа». Он повелел отправить Сорокина для обучения живописи в Академию художеств. По окончании Академии Сорокин был награжден большой золотой медалью и отправлен для продолжения учения за границу. Он посетил Германию, Францию, Испанию, Сирию, Египет. Вернувшись в Россию, Сорокин занял место преподавателя в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества. Уроки мастерства, полученные от Е. С. Сорокина, с благодарностью вспоминали многие русские художники²⁶.

Столь же способным учеником Академии оказался и младший брат, Павел Семенович Сорокин (1836—1886). Работая преимущественно над мифологическими и религиозными сюжетами, он вместе со старшим братом принимал участие в крупнейшей по масштабу живописной работе второй половины XIX века — росписи храма Христа Спасителя в Москве.

Но вернемся в Большие Соли. Прежде чем начать знакомство с памятниками поселка, попытаемся представить, каким он был сто — сто двадцать лет назад, во времена Некрасова и Островского.

Это была уездная глушь, царство тишины и сонного покоя. Живописно разбросанные по берегам обмелевшей речки дома утопали в зелени. Повсюду виднелись кресты церквей и шпили колоколен. На холмах лениво шевелили крыльями ветряные мельницы. В центре белел прямоугольник торговых рядов, оживавших по базарным дням и кипевших народом во время годовой ярмарки. Местную «промышленность» представляли полдюжины мелких заводиков: два солодовых, три кирпичных, один льняной. Немалую роль в жизни Больших Солей играли два трактира и два кабака. На улицах все узнавали друг друга: население посада не превышало тысячу человек.

Повседневная жизнь текла здесь привычно и незаметно. «Наш посад представляет из себя одно из тех местечек обширной России, которые пережили славное прошлое, но ничем не замечательны в настоящем, кроме своей старины»²⁷, — с грустью писал в начале нашего столетия один здешний житель.

В начале XX века в Больших Солях были обнаружены

источники целебной минеральной воды. Возникшая на их основе водолечебница существует и по сей день.

До наших дней в Больших Солях сохранилось пять памятников культового зодчества. Среди них наиболее ценный — церковь Рождества Богородицы, выстроенная на рубеже XVII—XVIII веков на средства местного купца Семена Мельникова.

С умом, с любовью выбрано было место для постройки храма. Вознесшаяся на высоком холме, ограниченном с запада Солоницей, а с юга глубоким оврагом, ныне почти исчезнувшим, Рождественская церковь словно парила над землей. И сам храм оказался достойным увенчать творение природы. Его стройные линии усиливали ощущение чуда, возникавшее при первом же взгляде на это здание.

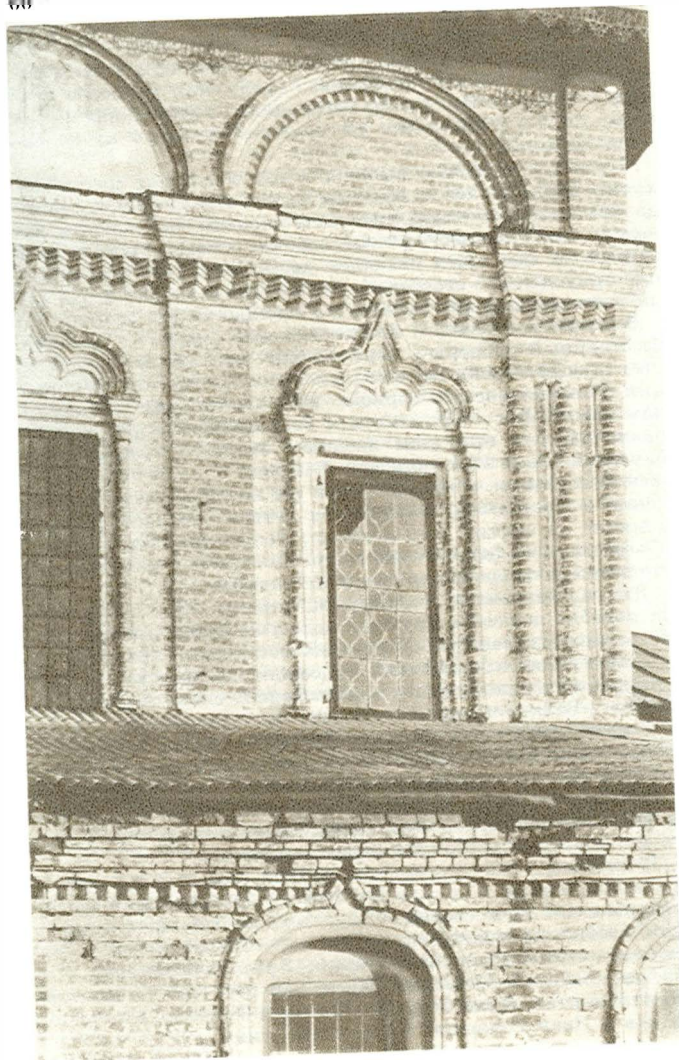
В основе композиции Рождественской церкви — высокий бесстолпный четверик, перекрытый сомкнутым сводом и увенчанный стройным, высоким пятиглавием. По композиции Рождественская церковь напоминает уже знакомые нам памятники в Бурмакине и Голышкином Бору. Но как различны они при всем внешнем сходстве. Высокий кубический объем Рождественской церкви с трех сторон окружен папертью и приделами. Так же как и церковь Богоявления в Ярославле, архитектура которой оказала сильное влияние на зодчих того времени, Рождественская церковь объединялась в единое художественное целое с колокольной, стоявшей у северо-западного угла здания.

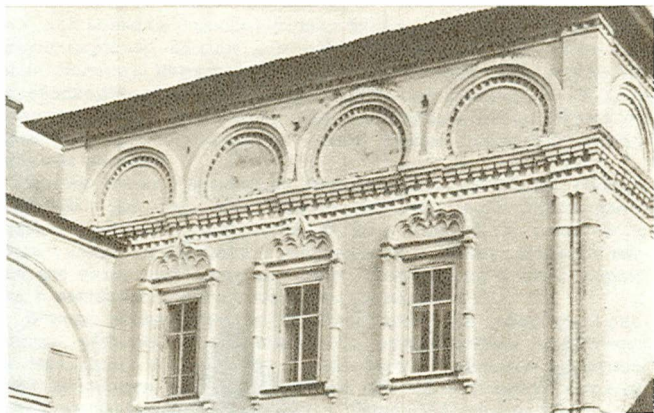
Давно уничтожена колокольня, снесено пятиглавие, почти погибло железное кружево подзоров, содержавших надпись, рассказывавшую об истории построения храма...

Ныне, глядя на памятник, вспоминаешь простые, так часто, к сожалению, предаваемые забвению слова Александра Бенуа: «Всякое прекрасное здание надо беречь»²⁸.

Богатое убранство фасадов Рождественской церкви состоит, главным образом, из традиционных для ярославско-костромского зодчества элементов — килевидных наличников сложного рисунка, широких плоских лопаток и пучков стройных полуколонок, сложнопрофилированного двухъярусного карниза с раскреповками.

В интерьере Рождественской церкви сохранились росписи, выполненные в начале XVIII века ярославскими живописцами. Об этом сообщает надпись, помещенная в круглом клейме на южной стене храма: «Трудившиеся у сея святыя церкви иконописцы града Ярославля Феодор Игнатъев, Василей Игнатъев, Иван Сергиев, Семен Иванов, Иван Никитин, Иван Стефанов, Никита Федотоф, Иван Стефанов и Иван Никитин»²⁹.

*Некрасовское.
Церковь
Рождества Богородицы.
1700. Фрагмент*

*Некрасовское.
Воскресенский собор.
1717. Фрагмент*

←

Древняя живопись на паперти и в самом храме в 40-е годы прошлого века подверглась грубому поновлению, однако и в таком виде она остается ценнейшим памятником ярославской живописи начала XVIII века. Помимо многочисленных композиций на евангельские сюжеты роспись включает изображения на тему акафиста Богоматери, а также храмовую летопись, травный орнамент и традиционные пелены с кругами в нижнем ярусе.

В нескольких минутах ходьбы от Рождественской церкви на широкой береговой террасе в окружении вековых деревьев высится Воскресенский собор. Ныне в нем разместился Дом культуры.

Строительство собора на деньги прихожан началось в 1700 году, однако из-за недостатка средств затянулось до 1717 года.

При общей близости объемно-пространственной композиции собора и церкви Рождества Богородицы, завершенной в год начала постройки собора, зодчие, возможно, те

же, что возвели полюбившуюся большесольцам Рождественскую церковь, нашли для собора иные, не менее интересные решения наружного убранства. Привлекают внимание превосходно прорисованные наличники высоких — в духе «московского барокко» — окон, оригинальные по форме кокошники, расположенные в виде фриза, сложный «городчатый» карниз.

Время сильно изменило первоначальный облик собора. В 1800 году пять его глав получили вместо деревянного лемеха железное покрытие. В 20-е годы XIX века собор был сильно перестроен в классическом стиле. Именно тогда его западный вход получил оформление в виде портика с высоким треугольным фронтоном.

Вскоре после перестройки Воскресенский собор был расписан артелью живописцев под руководством известного в свое время художника, специалиста в области религиозной живописи Т. А. Медведева. До наших дней сохранилась выполненная им роспись Спасо-Преображенского со-

Некрасовское.
Спасо-Преображенская
церковь. 1755

←

Левашево.
Воскресенская церковь.
1779

→

бора в Угличе. Пышная, театральная декоративность, характерная для росписей Медведева, дополнялась эффектной классической отделкой интерьера.

Для того чтобы полностью воссоздать панораму высокого правого берега Солоницы, необходимо отметить стоявшую отдельно четырехъярусную классическую колокольню Воскресенского собора и также не дошедшую до наших дней церковь Благовещения, выстроенную в середине XVIII века. Последняя располагалась примерно в сотне метров к северо-востоку от церкви Рождества Богородицы и была очень близка к ней по композиции и декору. Вместе с корпусами торговых рядов эти два храма составляли архитектурное оформление центральной площади Больших Солей.

На левом берегу Солоницы, слева от дороги, у самого моста стоит Покровская церковь. Она, как и Воскресенский собор, строилась в несколько этапов. Нынешнее здание, освященное в 1786 году, включает в себя фрагменты камен-

ной церкви конца XVII века. К северо-востоку от храма на самом берегу реки до 1916 года находилась изящная шатровая колокольня, выстроенная в конце XVII — первой половине XVIII века. С запада от Покровской церкви в начале нашего столетия была возведена новая, не сохранившаяся до наших дней огромная многоярусная колокольня. Вместе с этими сооружениями Покровская церковь воспринималась как целый архитектурный комплекс, который вместе с комплексом построек на кладбище зрительно уравновешивал панораму левого и правого берега реки.

В наружном убранстве Покровской церкви доминирующую роль играют барочные мотивы, которые не смогли, однако, полностью вытеснить привычные элементы декора XVII столетия. Благодаря своему удачному расположению и традиционным формам этот скромный памятник стал неотъемлемой частью современной панорамы левого берега Солоницы.

Стенописи Покровской церкви были выполнены в 1802 году большесольскими художниками С. Н. и Е. Н. Казаковыми. В отделке храма блеснули мастерством и местные резчики. Об этом свидетельствует краевед Е. Лаговский: «Иконостас в оной церкви отличной работы; редко фантазия резчика могла создать такую красоту и искусство»³⁰. Ныне интерьеры Покровской церкви утрачены.

На окраине Некрасовского, на старом кладбище, можно увидеть еще несколько интересных построек. Старшая из них — пятиглавая, хорошо пропорций Спасо-Преображенская церковь, выстроенная в 1755 году и декорированная в традициях барокко. К юго-западу от нее высятся каменная шатровая колокольня. Она близка к типу «ярославской свечи» — отдельно стоящего высокого восьмигранного столпа. Однако некоторые детали: плоскостный характер оформления шатра, элементы барочного декора — выдают гораздо более позднюю дату постройки — 70-е годы XVIII века.

Рядом с летним храмом в 1839—1844 годах была выстроена теплая церковь в честь иконы Богородицы «Утоли моя печали». Выдержанный в простых и строгих позднеклассических формах памятник сохранил любопытные стенописи, выполненные в 1840-е годы различными художниками, в том числе Евграфом Сорокиным. Вызывает восхищение прекрасный резной иконостас работы московских резчиков прошлого века.

В центре поселка среди зелени и цветов — бюст Н. А. Некрасова. Поэт прекрасно знал эти места, не раз любовался из-за Волги сиянием золотых куполов старинного Бабай-

*Левашево.
Воскресенская церковь.
Фрагмент*

ского монастыря, находившегося в двух верстах к северу от поселка.

«Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли...» —

читаем в стихотворении «Горе старого Наума». Сейчас в бывшем монастыре размещается санаторий. Здания монастыря, выстроенные в XIX веке, сильно перестроены.

Из Некрасовского через Малые Соли возвратимся на костромское шоссе. Семь-восемь километров пути — и впереди из-за поворота дороги показывается неожиданно огромное, величественное сооружение. Это Воскресенская церковь села Левашево.

Левашево красиво раскинулось на холме, у подножия которого вьется речка с удивительным названием — Княгиня. Впрочем, все названия рек и речушек, которые пересе-

кают костромское шоссе и впадают в Волгу, на редкость звучны, иногда загадочны, как древние письмены: Великая, Черная, Княгиня, Солоница, Туношна...

Левашево лежало на самой границе Ярославского и Костромского уездов и в административном отношении несколько раз меняло свое «подданство». Впрочем, исторически оно больше тяготело к Ярославлю. В 1566 году Иван Грозный особой жалованной грамотой передал Левашево с окрестными деревнями и пустошами ярославскому Спаскому монастырю, который и владел им до середины XVIII века³¹.

Уже в грамоте Ивана Грозного отмечено существование в селе холодной Никольской церкви и теплой в честь Иоанна Златоуста. Ныне существующий храм выстроен в 1779 году. В своей архитектуре он отразил пограничное положение села. Внешне он очень напоминает ярославские храмы второй половины XVII века. Огромные главы на высоких барабанах, отсутствие подклета — все это роднит Воскресенскую церковь с такими, например, памятниками ярославской школы, как церковь Николая Мокрого или Иоанна Златоуста в Коровниках. Однако конструктивно здание решено далеко не «по-ярославски». Воскресенская церковь принадлежит к оригинальному типу двухстолпных храмов, сложившемуся на русском Севере в XVI столетии, а в XVII веке распространившемуся сначала в костромском и суздальском крае, а затем и по всей России³². До наших дней храмов этого типа сохранилось очень немного. Воскресенская церковь в Левашеве, так же как и современная ей церковь в селе Пазушине под Ярославлем, представляет позднюю реминисценцию этого своеобразного и редкого архитектурного типа.

Фасадный декор Воскресенской церкви во многом напоминает внешнее убранство сходного с ней по общему облику храма в Рыбницах. Однако в нем гораздо сильнее, чем в Рыбницах, сказалось влияние традиционных форм XVII века. В интерьере летнего храма частично сохранились росписи конца XVIII века.

К западу от летнего храма расположена обширная четырехстолпная трапезная начала XIX века и высокая позднебарочная колокольня.

В Левашеве заканчивается наше путешествие по правому берегу Волги. Нам предстоит третье и последнее путешествие вдоль Волги — в места, связанные с именем Н. А. Некрасова.

3. По старому костромскому тракту

От Ярославля поехали по луговой стороне... Виды восхитительные: что за села, что за строения, точно как едешь не по России, а по какой-нибудь обетованной земле.

А. Н. Островский

Путешествие по старому костромскому тракту, о котором так восторженно писал А. Н. Островский в своем дневнике 1848 года, удобнее всего совершить местным автобусом из Ярославля.

В шестнадцати километрах от Ярославля, у деревни Иоркино, влево уходит проселочная дорога на село Аристово. В двух километрах от наезженной туристической дороги в Грешнево сохранился замечательный памятник архитектуры второй половины XVII столетия — Троицкая церковь в Аристове. Она выстроена стольником А. И. Чириковым в 1668—1671 годах³³. По своей объемной композиции Троицкая церковь напоминает некоторые подмосковные вотчинные храмы второй половины XVII века — в Останкине, Маркове, Пояркове.

Кирпичный пятиглавый храм на подклете окружен с двух сторон галереями-папертями. Основной объем представляет собой бесстолпный двухсветный четверик, слегка вытянутый по оси север — юг и перекрытый лотковым сводом с распалубками. На западную галерею ведет открытая лестница, над нижней площадкой которой поставлена ярусная шатровая колокольня, и донныне сохранившая большой колокол — благовестник.

Как и многие виденные нами старинные села, Аристово расположено на вершине холма. В ясную погоду звон большого колокола Троицкой церкви разносился далеко окрест. В настоящее время храм покрыт четырехскатной кровлей и увенчан декоративным пятиглавием. Можно предположить, что первоначально основанием для глав (или одной главы) служили ярусы кокошников.

Внешнее убранство памятника отличается сдержанностью и изяществом. Живописная асимметрия, столь характерная для русского зодчества XVII века, прослеживается не только в композиции памятника, но и в его декоре. Главным украшением южного фасада служат расположенные треугольником небольшие окна. Подобное размещение окон идущее от деревянного зодчества, встречается довольно редко. Пожалуй, единственной аналогией может служить церковь в подмосковном селе Рождествено-Суворово, выстроенная в конце XVII века по заказу князей Барятинских. Интересно отметить, что вотчины Барятинских располагались совсем рядом с ярославскими владениями А. И. Чирикова.

Убранство всех окон Троицкой церкви представляет собой простые, с треугольным или килевидным завершением рамки, выполненные с помощью полувалика. Помимо этого в состав декора входят плоские лопатки, полуколонки, помещенные между апсидами, пояски простого поребрика.

Первоначально пластическое убранство было еще более выразительным: массивные арки, несущие галерею, были открытыми; алтарная часть зимней церкви Казанской Богоматери, помещавшейся в подклете, имела не прямоугольное, как сейчас, а трехапсидное построение. Вполне возможно, что существовала южная галерея с приделом, не дошедшая до нас.

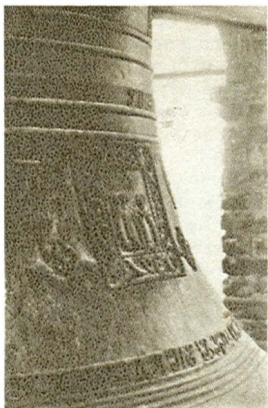
Несмотря на все переделки и утраты, Троицкая церковь сохранила особую выразительность, свойственную памятникам XVII столетия. В «рецепт» этой выразительности входит и масштабная соразмерность здания с человеком, и живая, как бы очеловеченная пластичность форм, и легкая асимметрия в прорисовке деталей, которая создает впечатление ручной работы, и просто патина, столь легко исчезающая при малейшей неловкости реставраторов.

От прежнего внутреннего убранства храма ничего не сохранилось. Однако даже сейчас, открыв тяжелую кованую дверь, ведущую в храм, невольно залюбуешься причудливой игрой архитектурных форм: многочисленных арочных проемов, соединяющих части здания, низких лотковых сводов со множеством разновеликих распалубок, глубоких ниш — печур в алтарной части храма.

Внутри храма можно увидеть и вынутую из стены белокаменную доску с резной храмозданной надписью.

Троицкая церковь в Аристове весьма далека от традиционных форм ярославского зодчества XVII века. Возможно, ее построили московские мастера. Однако этот памятник

*Аристово.
Троицкая церковь.
1668—1671*

*Аристово.
Троицкая церковь.
Фрагмент*

имеет большое значение и для истории ярославского зодчества. Вместе с Казанской церковью в Сарафонове он начинает собой целый ряд ярославских вотчинных храмов XVII—XVIII веков. Архитектура вотчинных храмов существовала и развивалась параллельно с ярославской посадской архитектурой, взаимодействуя — иногда противоборствуя, иногда пересекаясь — с ней. Изучение ярославского вотчинного строительства может обогатить существующие представления о ярославском зодчестве XVII—XVIII веков.

Гряда холмов, тянущаяся несколько севернее старой костромской дороги, отмечена цепью древних сел и храмов. Еще четыре километра пути — и слева на возвышении показался силуэт Рождественской церкви села Печелки.

В начале XVII века село Печелки принадлежало князю Василию Телятевскому, а от него перешло к роду Пушки-

ных. В 1620-е годы Печелками владели братья Борис и Иван Пушкины, племянники знаменитого деятеля Смутного времени Гаврилы Григорьевича Пушкина³⁴, изображенного в драме «Борис Годунов». Отец братьев Пушкиных, Григорий Григорьевич Сулемша, участвовал в ополчении Минина и Пожарского, в 1612—1614 годах был воеводой в Вологде, в 1616—1618 годах — в Ярославле. Видимо, тогда и получил он во владение Печелки и соседнее село Аббакумцево, перешедшее со временем к его сыновьям. Печелки не раз меняли владельцев. В середине XIX века часть села принадлежала Кутайсовым, другая — Набоковым.

Здесь же, в Печелках, жил мелкий помещик А. А. Казаринов, приятель Н. А. Некрасова по охоте и почитатель его литературного таланта. Он часто и настойчиво приглашал Некрасова к себе в Печелки. «Милостивый государь Николай Алексеевич! — писал Казаринов в 1866 году. — Теперь наступает время охоты. А Вы обещались быть у меня в селе Печелках, что не доезжая Аббакумцева. Я Вас жду и до Вас не трону ни одного дупеля или бекаса... Если поедете в Печелки, то спросите Александра Александровича...»³⁵.

Священником печельской церкви в середине 50-х годов XIX века был И. Г. Зыков, впоследствии переведенный в соседнее село Аббакумцево. «В отличие от большинства церковнослужителей И. Г. Зыков был человеком образованным, с широкими взглядами на жизнь»³⁶, — отмечает известный исследователь жизни и творчества Н. А. Некрасова А. Ф. Тарасов. Поэт глубоко уважал И. Г. Зыкова, переписывался с ним. Зыков помогал Некрасову в устройстве школы для крестьянских детей в Аббакумцево.

В метрической книге Рождественской церкви села Печелки сохранилась запись о рождении в 1854 году в семье И. Г. Зыкова сына Михаила³⁷. М. И. Зыков работал учителем в аббакумцевской школе. В 1880-е годы, окончив учительский институт в Казани, он преподавал в Симбирском городском училище. Демократические убеждения М. И. Зыкова, его преданность делу просвещения народа сблизили его с семьей Ильи Николаевича Ульянова. Несомненно, бывая в доме И. Н. Ульянова, Зыков много рассказывал о своих встречах с Н. А. Некрасовым, произведение которого очень любили в семье Ульяновых.

Помимо исторических воспоминаний Печелки могут заинтересовать памятником архитектуры — церковью Рождества Богородицы, выстроенной в 1765 году на месте деревянной церкви, существовавшей еще в те времена, когда селом владели Пушкины.

*Печелки.
Церковь Рождества
Богородицы. 1765*

Рождественская церковь принадлежит к довольно редкому в ярославском зодчестве XVIII века типу «восьмерик на четверике». Помимо уже знакомой читателю церкви в Красном здесь уместно вспомнить и первый по времени вотчинный храм этого типа — Архангельскую церковь в селе Михайловском, выстроенную на средства князей Щербатовых в 1700 году.

С востока к основному объему Рождественской церкви примыкает низкая пятигранная апсида, равная по ширине самому четверику, а с запада двухстолпная трапезная первой половины XIX века. К этому же времени относилась и не сохранившаяся до наших дней колокольня.

Наружное убранство храма отличается исключительной простотой и некоторым архаизмом. Единственное украшение окон составляют прямоугольные, с замковым камнем обрамления. Грани восьмерика оформлены широкими плоскими лопатками.

Главной достопримечательностью Рождественской церкви,

как и располагавшегося неподалеку, за Волгой, Бабайского монастыря, была икона Николы. В честь нее в храме был устроен особый придел. По преданию, икона чудесным образом уцелела во время пожара деревянной церкви, а затем явилась из-под земли женщине, копавшей огород. На месте, где произошло это «чудо», решено было выстроить каменный храм. Многочисленные легенды о явившихся из-под земли или приплывших неведомо откуда по реке «чудотворных» иконах Николы объясняются просто. В Древней Руси запрещалось уничтожать старые, обветшалые иконы. Обычно их зарывали в землю на кладбище или пускали по воде. «Чудесное обретение» такой иконы было, разумеется, вполне естественным.

Из Печелок по костромскому тракту недолгая дорога до села Аббакумцево и дальше в Грешнево. Мы уже в памятных некрасовских местах. В Грешневе, родовом владении Некрасовых, прошли детские годы великого русского поэта-демократа.

Сельцо Грешнево — само по себе место историческое. Оно существовало уже в середине XVIII века и перешло в род Некрасовых от прабабки поэта, Прасковьи Борисовны Нероновой, в замужестве Некрасовой. «Сельцом» в то время называли деревню, в которой находились не только крестьянские избы, но и господский дом. Дед поэта, Сергей Алексеевич, был первым из Некрасовых, похороненных у церкви села Аббакумцево, в приходе которой находилось Грешнево.

В возрасте трех лет Н. А. Некрасов впервые попал в Грешнево. Его отец, Алексей Сергеевич Некрасов, выйдя в отставку в чине майора, решил поселиться в своем родовом имении, в то время весьма небольшом и небогатом.

Для любознательного, живого мальчика, каким был в то время Н. А. Некрасов, лучшего места, чем Грешнево, трудно было и желать. Господский дом выходил окнами прямо на старый костромской тракт. Кого только не встретишь тут, чего не увидишь и не услышишь! И слепые «кальки перехожие», тягуче распеваящие духовный стих про «прекрасную мати пустыню», и деловые, артельные мужики-отходники, идущие на заработки, и звенящие кандалами партии арестантов. Время от времени прогремит под окном Некрасовых лихая фельдъегерская тройка или неуклюжий помещичий гарантас. Но что такое костромская дорога по сравнению с Волгой, «главной дорогой России», которая пролегла всего в нескольких верстах от Грешнева!

*Некрасово (Грешнево).
Здание «музыкантской».
Начало XIX в.*

*Аббакумцево.
Церковь Петра и Павла.
1791*

→

А какие просторы земные открывались с той гряды холмов, которая протянулась несколько севернее Грешнева! Позднее, став великим мастером слова, Некрасов выразит свои чувства, свою любовь к этому уголку русской земли в известных строках:

«Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу,
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе...»

Взрослея, Некрасов стал замечать, как непросто живет людям в этой «райской» глухомани, как исподлобья глядят на отца, жестокого крепостника и самодура, грешневские крестьяне.

В 1838 году Некрасов покидает родные места, уезжает в Петербург. Впереди — годы нищеты и лишений, жестокая борьба за жизнь, за право на творчество и наконец — шумная слава, любовь и признательность одних, люта я ненависть других. Петербургская жизнь Некрасова про-

ходила в постоянном нервном напряжении, в борьбе с людьми и обстоятельствами. Быть может, именно поэтому он так рвался в родное Грешнево. Сюда он приезжает неоднократно. Однако когда отец в 1861 году предложил поэту навсегда обосноваться в Грешневе, он отказался. Слишком тяжелы были воспоминания об ужасах крепостничества, свидетелем которых он был здесь, слишком велико чувство вины перед грешневскими мужиками «за грехи отца».

Грешневская усадьба сгорела при неясных обстоятельствах еще при жизни поэта и не восстанавливалась. Лишь старые липы да ели отмечают место, где она находилась. От бывшей усадьбы сохранился ныне каменный флигель начала XIX века. По преданию, в этом доме А. С. Некрасов держал своих крепостных музыкантов. В конце прошлого века был надстроен второй, деревянный этаж и в бывшей «музыкантской» зашумел придорожный трактир «Раздолье». Немало усилий пришлось потратить на восстановление этого дома. Сейчас в нем размещается небольшой музей Н. А. Некрасова. Перед зданием, среди цветов и зелени, — бюст поэта.

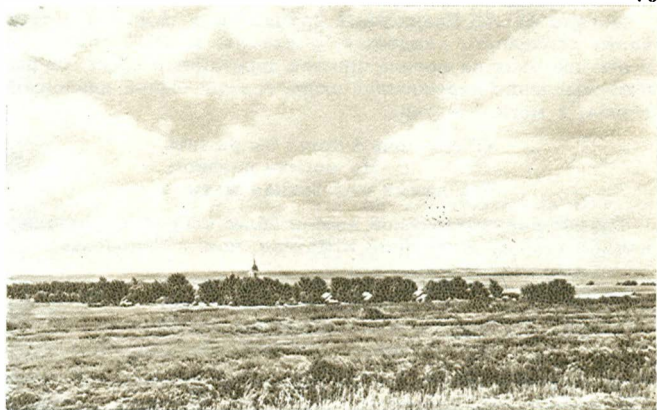
А вот и старая костромская дорога. Много видела она на своем веку. Ее недаром называют «младшей сестрой» печально знаменитой Владимирки. По ней в 1826 году провозили в Сибирь декабристов, в 1849-м — Ф. М. Достоевского, а позднее — соратников и друзей Некрасова Н. Г. Чернышевского и М. Л. Михайлова. Неподалеку, в селе Тимохине, находился в середине прошлого века и «этапный дом», где останавливались следовавшие в Сибирь арестанты.

Неузнаваемо изменилось с тех пор Грешнево. Во времена Некрасова — грязное и нищее придорожное сельцо, ныне оно встречает приезжих светлой новой школой. В современных зданиях разместились магазин, клуб, детский сад. Ладные, опрятные дома с резными наличниками, с высокими шестью телевизионных антенн тянутся вдоль прямых улиц. В честь великого земляка село с 1938 года носит новое название — Некрасово.

Из Грешнева легко (полчаса ходьбы или несколько минут езды на автобусе) можно попасть в Аббакумцево.

На холме — высокая пятиглавая церковь Петра и Павла, выстроенная в 1791 году. Это о ней писал Некрасов:

«В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне...»

*Аббакумцево.
Вид с Теряевой горки*

У алтаря этой церкви, отмеченная скромным надгробным памятником, находится могила Елены Андреевны Некрасовой, матери поэта. Очень мало известно об этой замечательной женщине, которая оказала столь сильное влияние на формирование лучших душевных качеств поэта. Не сохранилось ни ее портрета, ни писем, ни личных вещей.

Жизнь Е. А. Некрасовой сложилась трагически. В юности она, дочь секретаря магистрата из маленького города Брацлава под Винницей, полюбила офицера, поручика Алексея Некрасова, стала его женой. Вскоре она поняла, сколь жестоко ошиблась в этом человеке. Деспотичный помещик, содержатель крепостного гарема, он не любил и презирал жену. Жизнь в Грешневе была для нее бесконечной цепью унижений и страданий. Лишь смерть в 1841 году прекратила ее нравственные мучения. Всю свою любовь Елена Андреевна отдала детям. «Во мне спасла живую душу ты!» — писал, обращаясь к матери, Некрасов.

Могила Е. А. Некрасовой находится в самой почетной части церковного кладбища, у алтаря. В 1841 году отец поэта поставил на могиле простой деревянный крест. Не раз поэт мысленно переносился сюда, к этой «белой церковной стене», к могиле матери:

«В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...»

Трудно найти в русской поэзии более искренние, взволнованные строки обращения к матери, чем у Некрасова:

«Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других...»

Неподалеку от церкви находится и фамильный склеп Некрасовых — приземистая постройка из красного кирпича, возведенная в 1863 году. Здесь похоронен отец поэта, некоторые другие родственники. В нескольких десятках метров от церкви стоит двухэтажный деревянный дом, на фасаде которого небольшая мемориальная доска. Это школа, построенная Н. А. Некрасовым для крестьянских детей. Все расходы по содержанию школы поэт взял на себя. Такова была его сыновняя благодарность родному краю.

Прекрасным завершением некрасовской экскурсии может стать прогулка на Теряеву горку, расположенную примерно в километре к северо-востоку от села, вблизи одноименной деревни. Теряева горка представляет собой одну из самых высоких точек окрестности. В любое время года, а особенно осенью, когда по жнивью можно подняться на самую маковку холма, отсюда открывается чудесный вид. В ясную погоду поблескивает вдалеке Волга. Вот он, этот, по выражению Некрасова, «врачующий простор», вот она — «родная сторона», которая неизменно питала творчество великого русского поэта.

4. К югу от Ярославля

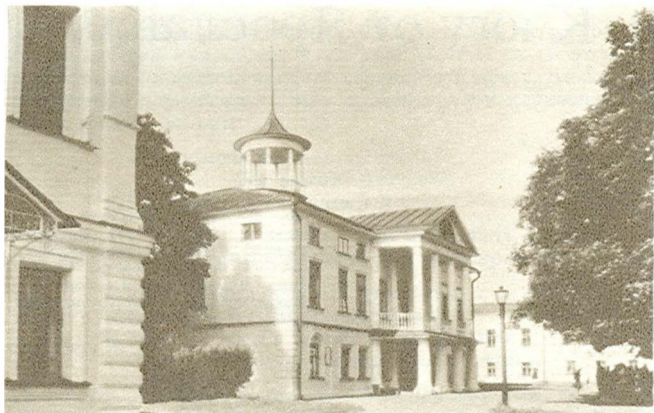
Что это за удивительная местность — Ярославская губерния! Сколько исторических воспоминаний на каждом шагу... сколько жизни и деятельности в торговле и промышленности, сколько предприимчивости в крестьянах...

И. С. Аксаков

Крупнейший памятник истории и культуры к югу от Ярославля, вблизи дороги на Ростов, — музей-усадьба Н. А. Некрасова Карабиха. Попасть сюда несложно. Из самого центра города, с площади Подбельского, автобус за какие-нибудь полчаса доставит вас в Карабиху.

История этого села уходит в глубину веков. Уже в 1684 году здесь, в вотчине князей Голицыных, была выстроена не сохранившаяся до наших дней пятиглавая каменная церковь Казанской Богоматери с приделом в честь Зосимы и Савватия, «соловецких чудотворцев». В то время каменные храмы были большой редкостью в ярославских селах.

На рубеже XVIII—XIX веков селом Богородское, «Карабиха тож» владел ярославский губернатор князь М. Н. Голицын, брат известного фаворита Александра I князя А. Н. Голицына. По заказу М. Н. Голицына неизвестным архитектором и была выстроена усадьба Карабиха. Она принадлежит к числу обширных, дворцового типа усадеб, строительство которых велось главным образом в последней трети XVIII века екатерининскими вельможами и в первые два десятилетия XIX века александровскими сановниками. Разумеется, в сравнении с такими типологически близкими ей усадьбами, как подмосковные Горенки и Ольгово, Знаменское-Раек под Торжком, Карабиха выглядела довольно скромно. Однако в масштабах Ярославской губернии она была одной из крупнейших. Известно, что дворянство Ярославской губернии в массе своей было мелкопоместным. Большие, богатые усадьбы были здесь редкостью. В конце прошлого столетия во всей Ярославской губернии

*Карабиха.
Музей-усадьба
Н. А. Некрасова.
Главный дом.
Конец XVIII в.
Северный фасад*

помимо Карабихи существовало лишь несколько таких усадеб: усадьба Петровское Михалковых в Рыбинском уезде, усадьбы Борисоглеб и Иловна Мусиных-Пушкиных в Мологском уезде, усадьба Воцажниково Шереметевых в Ростовском уезде и некоторые другие. Из них до наших дней свой прежний архитектурный облик хорошо сохранила одна лишь Карабиха. Это единственный в своем роде памятник в Ярославской области, на примере которого можно изучать историю русской усадьбы.

Двухэтажный главный дом возвышается на холме над рекой Которослью. Он имеет два фасада: главный, парадный, и парковый. Дом соединялся крытой двухъярусной галереей с расположенными по сторонам флигелями. По территории были разбросаны многочисленные хозяйственные постройки: конный двор, оранжереи, людские, кузница и др. Нижний парк, спускавшийся по склону холма, был устроен в живописном, «английском» стиле, верхний — в геометрически строгом, «французском». В парке был пруд

с традиционным островком уединения, в овраге по камням журчал ручей.

Вместе с отцом в Карабихе жили сыновья М. Н. Голицына — Николай и Валериан. Старший из них, Николай, погиб во время Бородинской битвы; младший, Валериан, был арестован за участие в движении декабристов и в 1826 году осужден на бессрочную ссылку в Сибирь. Наследники старого князя Голицына не захотели жить в усадьбе, поручив ее попечению бурмистра и дворни. Шли годы, десятилетия, Карабиха быстро ветшала, приходила в запустение. Легко представить, как сложилась бы ее судьба, если бы заброшенное имение не привлекло внимания Н. А. Некрасова.

Весной 1861 года, сразу после отмены крепостного права, Некрасов решает приобрести усадьбу — место для летнего отдыха и уединенного труда, для наблюдений за жизнью «освобожденной» деревни. «В деревне я ищу полной свободы и совершенной беспечности, при удобствах, устроенных по моему личному вкусу, хотя бы и с большими тратами, — писал Некрасов в письме к отцу 16 апреля 1861 года. — При этих условиях я располагаю из 12-ти месяцев от 6 до 7-ми жить в деревне — и частью заниматься. — Вот почему я ищу непременно усадьбу без крестьян, без процессов, и, если можно, без всяких хлопот, то есть, если можно, готовую...»³⁸.

Отвергнув предложение отца поселиться в Грешневе, Некрасов остановил свой выбор на Карабихе. Окончательно сделка между ним и Голицыными была оформлена лишь в 1863 году.

Однако уже в 1862 году поэт проводит здесь свое первое лето. Многочисленные хозяйственные заботы взял на себя поселившийся вместе с Некрасовым его брат Федор, человек большой практической хватки.

Десять летних сезонов провел Некрасов в Карабихе. Здесь им были созданы поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины», «Дедушка» и большое количество стихотворений. Здесь он работал над своей бессмертной поэмой «Кому на Руси жить хорошо». На ее страницах постоянно встречаются названия ярославских и костромских сел и деревень.

Некрасов любил ярославский край, эти бесконечные, вольные просторы, раскинувшиеся у подножия Карабитовой горы, любил пропадать на охоте с ярославскими или костромскими крестьянами, слушать их неторопливые рассказы у костра. Об этом он писал то шутливо, с легким юмором:

«Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живетса легко...» —

то с глубоким воодушевлением:

«Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!»

В стихотворениях, письмах Некрасова нет восторженных описаний красот Карабихи, ее живописных уголков, прелестей усадебной жизни. Карабиха была для поэта, главным образом, «охотничьей базой». Поэт тяготился ролью владельца богатой голицынской усадьбы. В октябре 1867 года он передает права на владение Карабихой брату Федору, подумывает о том, чтобы навсегда покинуть имение. Однако слишком сильна была его привязанность к родным местам, слишком велика потребность иметь свой «зеленый кабинет».

В последний раз Некрасов посетил Карабиху в 1875 году. В этот приезд, будто предчувствуя, что вскоре навсегда покинет родные места, он отправился в Аббакумцево, на могилу матери, осмотрел основанную им школу. Побывал он и в Грешневе, где на пепелище старого некрасовского дома, сгоревшего незадолго перед тем, предприимчивый брат Федор уже открыл кабак. Поохотившись в окрестностях Грешнева, Некрасов возвратился в Карабиху, а оттуда в начале августа отбыл в Петербург.

Ярославцы бережно хранили память о Некрасове. Уже в начале нынешнего столетия в городе была открыта народная библиотека имени Некрасова. Однако подлинно всенародное признание его поэзия получила лишь в советское время. В 1947 году было принято решение о реставрации усадьбы Карабиха и открытии в ней мемориального музея. В результате многолетней кропотливой реставрационной работы территории и постройкам усадьбы возвращен тот вид, который они имели при жизни поэта. Ежегодно начиная с 1968 года в Карабихе проводятся некрасовские праздники поэзии.

Продолжим наше путешествие и отправимся в Курбу. Дорога к этому старинному селу лежит через Козьмодемьянск, Михайловское и Новленское.

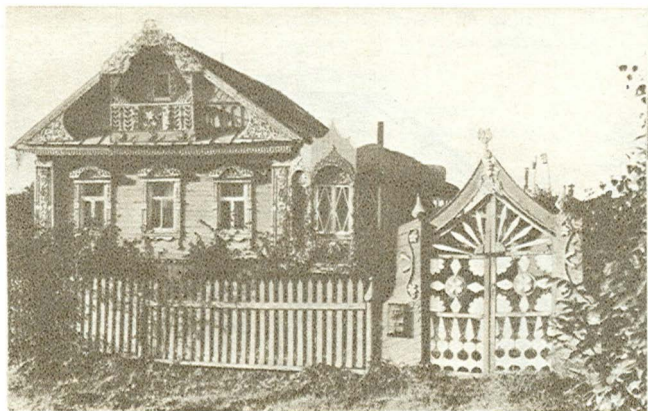
Уже в начале пути — в Кормилицыне и Козьмодемьянске — привлекает внимание богатый резной декор домов,

*Карабиха.
Восточный флигель.
Конец XVIII в.*

выполненный совсем недавно. Традиционное народное искусство резьбы по дереву и в наши дни живет и развивается на ярославской земле. Многие хозяева строящихся домов тщательно выбирают рисунок наличников, а подчас украшают резьбой ворота, крыльца и другие части дома. В одних случаях заказчик ставит перед плотниками задачу создать такой декор дома, какого нет у соседей, в других, напротив, просит скопировать понравившиеся образцы. Мастера, умеющие выполнять затейливые «вырезки» — резьбу, становятся известными далеко в округе.

Много интересного открывает путнику дорога на Курбу. Вот за пригорком показалось Михайловское. В прошлом это село было центром ярославских вотчин известного дворянского рода — князей Щербатовых. Образы многих Щербатовых запечатлелись в истории русской культуры. Их «фамильным» художником был О. Кипренский. Лев Толстой, слегка изменив фамилию Щербатовых на Щербацких, увековечил их в «Анне Карениной».

*Козьмодемьянск.
Жилой дом.
Образец
современной резьбы
по дереву*

Ярославская ветвь Щербатовых — наиболее интересная. В начале XVIII века Михайловское принадлежало генерал-майору М. Ю. Щербатову. Участник многих военных кампаний петровского времени, архангельский губернатор М. Ю. Щербатов скончался 22 июля 1738 года и был похоронен здесь, в Михайловском, в церкви Михаила Архангела, выстроенной в 1700 году.

Сын М. Ю. Щербатова, Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790), стал общественным и государственным деятелем, историком. Им написана «История Российская от древнейших времен». Один из наиболее ярких и талантливых представителей русского дворянства XVIII века, Щербатов занимался не только историей. Его перу принадлежит первая русская социальная утопия «Путешествие в землю Офирскую...», острый политический памфлет «О повреждении нравов в России», сочинение «Статистика в расуждении России». В общей сложности им написано около тридцати публицистических произведений. По словам

современного исследователя творчества М. М. Щербатова И. А. Федосова, «не было ни одного более или менее важного вопроса современности, который не привлек бы к себе внимания Щербатова и не нашел бы отражения в его сочинениях»³⁹. Общественно-политические взгляды Щербатова были довольно противоречивы. Критически оценивая законодательную деятельность Екатерины II и ее правительства, Щербатов, однако, был далек от прогрессивных взглядов. Все свои усилия он направил на поиски путей укрепления экономических и политических позиций дворянства. Сторонник ограничения самодержавия в пользу старой родовой аристократии, Щербатов критиковал екатерининский режим не слева, с позиций умеренного либерализма, как Фонвизин, или же революционного демократизма, как Радищев, а справа.

Свои крепостнические взгляды Щербатов отстаивал и будучи депутатом от ярославского дворянства в Комиссии по составлению нового Уложения, созданной по указу Екатерины II в 1767—1768 годах. В 1778 году Щербатов получил чин тайного советника, а в следующем году ему было пожаловано звание сенатора. Однако Щербатов считал, что служебная карьера ему не удалась, главным образом из-за неприязни, которую питала к «сочинителю» самолюбивая и тщеславная императрица.

Усадьба Михайловское была интереснейшим «дворянским гнездом» второй половины XVIII — первой половины XIX века. Яркая личность Щербатова, его острый ум, политический темперамент отразились в судьбах его детей и внуков. Сын историка, Дмитрий, был военным и вышел в отставку в чине полковника. Внук, Иван Дмитриевич (1795—1829), окончив благородный пансион при Московском университете, служил в гвардейском Семеновском полку, был участником войны 1812 года. Его ближайшими друзьями были П. Я. Чаадаев и декабрист И. Д. Якушкин, вместе с которыми он прошел через Бородинскую битву, сражения под Тарутином и Малоярославцем. Иван Щербатов был близко знаком с А. С. Грибоедовым, одновременно с которым он учился в университетском пансионе. В 1820 году за сочувствие восставшим солдатам Семеновского полка майор Щербатов был арестован, разжалован и после длительного расследования сослан рядовым на Кавказ.

По словам известного исследователя русского революционного движения академика М. В. Нечкиной, «Владимир Раевский и Иван Щербатов — два имени, которые с величайшим уважением упоминает историк революционного движения: оба многое знали, были арестованы до восста-

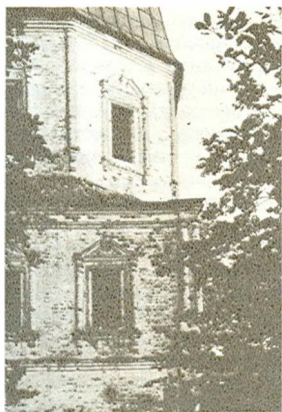
ния и оба не показали ничего о тайном обществе, не согнулись перед тюрьмой, перед пыткой, перед палачами, не выдали участников молодого русского революционного движения»⁴⁰.

Дочь Дмитрия Михайловича Щербатова, Наталья, была предметом безнадежной любви декабриста И. Д. Якушкина. Исследователи творчества Грибоедова полагают, что их отношения послужили основой для образов Чацкого и Софьи. Однако в действительности Наталья Щербатова была гораздо интереснее, глубже грибоедовской Софьи. В 1823 году она вышла замуж за декабриста Ф. П. Шаховского. После его ареста она сохранила верность мужу: хлопотала о смягчении наказания, посылала сосланному в Сибирь Шаховскому деньги, а когда он в 1828 году заболел тяжелым нервным расстройством, просила Николая I отпустить мужа под ее опеку в одну из отдаленных от столиц усадеб. Однако царственный жандарм распорядился иначе: Шаховской был перевезен в монастырскую тюрьму в Суздаль. Везли князя Шаховского так «бережно», что в дороге он едва не погиб, отморозил пальцы рук и ног. В 1829 году Наталья Дмитриевна добилась, чтобы для лечения мужа в монастырской тюрьме его посещал опытный врач. Однако конец декабриста был уже близок. В мае 1829 года он скончался.

Кроме сына Дмитрия у М. М. Щербатова было шесть дочерей. Одна из них, Наталья, была выдана замуж за Якова Петровича Чаадаева. В 1794 году у них родился сын Петр, будущий автор «Философических писем», друг Пушкина, один из самых оригинальных и глубоких русских мыслителей первой половины XIX века. Отец П. Чаадаева умер в год рождения сына, мать — три года спустя. Он воспитывался в доме своего дяди, Дмитрия Михайловича Щербатова, питал сыновние чувства к «милей тетушке», Анне Михайловне Щербатовой.

Другая дочь М. М. Щербатова, Ирина, была замужем за Матвеем Григорьевичем Спиридовым, сыном известного русского флотоводца адмирала Г. Г. Спиридова, героя Чесменской битвы. Муж Ирины Щербатовой увлекался историей и генеалогией. Ему-то и передал М. М. Щербатов многие свои бумаги, исторические материалы.

Младший сын Спиридовых, Михаил, майор Пензенского пехотного полка, состоял членом одной из декабристских организаций — Общества соединенных славян — и был осужден по первому разряду на вечные каторжные работы. В 1827—1839 годах он находился в Нерчинских рудниках, потом — на поселении в Красноярске, где и умер в 1854 году.

*Михайловское.
Церковь
Михаила Архангела.
1700. Фрагмент*

Потомки М. М. Щербатова хранили память о трудах предка. Его внуки, Наталья и Екатерина Дмитриевны, сберегли в Михайловском бумаги историка и в 60-е годы XIX века передали их для опубликования в редакцию журнала «Русская старина».

Вспомнив все это, иными глазами смотришь на небольшое, в одну улицу, ярославское село Михайловское, невольно ускоряешь шаги, приближаясь к тому месту, где располагалась усадьба Щербатовых. Усадьба не отличалась особой роскошью, была, что называется, «средней руки». Еще в конце XIX века существовал барский дом, первый этаж которого был каменным, а второй — деревянным. Сейчас на его место указывают буйно разросшиеся кусты акации и сирени. Южнее располагались хозяйственные постройки, от которых сохранились здания конюшни и сторожки. Рядом — затянутый рыской большой пруд, обсаженный ветлами. К западу от дома, по склонам оврага, на дне которого блестит речка Пажица, тянется заросший липовый парк.

Самый ценный осколок старины, сохранившийся в Михайловском, — усадебная церковь, выстроенная в 1700 году, по-видимому, при деде историка, бригадире Ю. Ф. Щербатове. Храм вырос не на пустом месте: по переписным книгам 20-х годов XVII века известно, что уже тогда в Михайловском существовала деревянная церковь Архистратига Михаила, выстроенная при тогдашнем владельце села князе В. П. Щербатове.

Архангельская церковь принадлежит к числу очень редких на ярославской земле образцов «московского барокко». Ее композиция весьма своеобразна. Летний храм, посвященный иконе «Знамение Богородицы», поставлен на высокий подклетный этаж, в котором помещалась теплая церковь в честь Михаила Архангела. Верхний храм скомпонован по типу «восьмерик на четверике». К основному объему с запада примыкает трапезная, небольшие размеры которой делают ее, скорее, похожей на паперть.

Отсутствие обширной трапезной — характерная черта вотчинных храмов, предназначавшихся для небольшого числа обитателей «вотчинникова двора» — усадьбы. Подтверждением этой закономерности помимо михайловской церкви могут служить храмы в Аристове, Красном, Сарафанове. Все они первоначально не имели трапезной.

Интересная черта храма в Михайловском — отсутствие алтарной части у летней церкви. Не менее оригинально была решена и ее западная часть: стена паперти была прорезана арками звонницы, частично сохранившимися.

Остается неясным, как выглядела и где располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Типология ярусных храмов конца XVII века заставляет задуматься и о том, не имела ли церковь еще одного-двух небольших восьмериков в завершении.

Более традиционно, чем верхняя церковь, решена нижняя, помещенная в подклете церковь Михаила Архангела. Она имеет низкую пятигранную апсиду с восточной стороны.

В середине XIX века с запада от храма была выстроена невысокая ампирная колокольня, соединенная с храмом крытой деревянной галереей.

Довольно скромный фасадный декор церкви выполнен в духе «московского барокко» и состоит из наличников с завершением в виде «разорванного фронтона», полуколонок с базами и капителями и многообломных карнизов с раскреповками.

В нижней церкви справа от западного входа в стене сохранилась белокаменная плита с родовым гербом Щербатовых и почти исчезнувшей надписью. На окруженном

воинскими атрибутами геральдическом щите в левом верхнем поле — изображение ангела с мечом в поднятой правой руке и щитом в опущенной левой. По описанию герба Щербатовых в родословных книгах, ангел облачен в «серебротканую» одежду, меч его серебряный, а щит золотой. В правом верхнем поле — «серебряная крепость на черном поле». В нижней половине геральдического щита эти изображения повторяются в обратном порядке. В центре всей композиции на золотом поле изображен черный одноглавый орел в короне с золотым крестом в левой лапе. Этот герб черниговского княжения появился на фамильном гербе Щербатовых в знак их полулегендарного происхождения от «святого» князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в 1246 году в ставке Батыя за отказ поклониться ордынским святыням.

Церковь служила и фамильной усыпальницей Щербатовых. «В сельском храме Знамения Пресвятой Богородицы покоится прах... князя Михаила Юрьевича и сына его, русского историка князя Михайла Михайловича Щербатова. Над последним воздвигнут мраморный памятник. Над первым находится надпись, сохраняющая известие о подвигах сего знаменитого героя»⁴¹, — сообщалось в заметке о селе Михайловском, помещенной в «Ярославских губернских ведомостях» в 1846 году. Неподалеку находилась и могила жены историка, Н. И. Щербатовой. Ныне точно определить место захоронения Щербатовых уже не представляется возможным.

Не хочется покидать Михайловское с его элегической тишиной, застывшим сонным прудом и тенями далекого прошлого. Пожалуй, из всех полузабытых среднерусских усадеб лишь бакунинское Прямухино может поспорить с Михайловским по своеобразной поэтичности, по богатству связанных с ним историко-культурных воспоминаний.

На ум приходят слова М. М. Щербатова, которые он предпослал одному из своих сочинений: «Совестью моею клянусь, что без всякого самолюбия сие тщусь потомству предложить... Пусть будет оно смело охулять те мои мысли, которые могли какой вред отечеству нанести и из заблуждений моих да научится справедливо мыслить. Но токмо да подражает единому, что, мню, везде в моих сочинениях видно, то есть любовь и искренняя преданность любезному отечеству»⁴².

Что ж, быть может, за одни эти слова он достоин нашей памяти, а его последний приют — нашего внимания и заботы.

За Михайловским дорога на Курбу делает крутой поворот и ведет в сторону Новленского. За Новленским еще четыре километра пути — и вы в Курбе. Село замечаешь издали по огромной колокольне и тянущимся за ней главкам Казанской церкви. Курба — одно из самых больших и древних сел ярославской земли. В XV—XVI веках здесь была вотчина князей Курбских, потомков ярославских удельных князей. Этот род дал России немало воевод, наместников и бояр. К нему же принадлежал и известный князь Андрей Михайлович Курбский, ближайший сподвижник Ивана IV, а с 1564 года — боярин, перебежавший к польскому королю из страха перед царской опалой. Пытаясь оправдать себя и обличить Грозного, Курбский, находясь в Литве, писал царю послания. Переписка Грозного с Курбским стала одним из самых интересных памятников русской публицистики XVI столетия.

После бегства Курбского село было «отписано на государя», а впоследствии отдавалось в поместье различным владельцам. В первой половине XVII века частью Курбы, как и многими другими вотчинами в Ярославском, Ростовском и Романовском уездах, владели служилые татарские мурзы. Писцовая книга 1646 года сообщает: «В Ярославском же уезде в Закоторожском стану село Курба, а в нем церковь Вознесение Христово, а в пределе... Николы. Да в том же селе в Курбе двор вотчинников Богдана Камынина... да мурз и татарские дворы: двор Тенекей-мурзины жены Шейдякова вдовы Ахтутай»⁴³.

Потомки воеводы Богдана Камынина оставались владельцами части Курбской волости еще в конце прошлого столетия. Другая половина Курбы во второй половине XVII — начале XVIII века принадлежала дьяку Степану Кудряцеву и его наследникам. В 1722 году эту часть Курбы приобрел капитан первого ранга, известный кораблестроитель времен Петра I Гаврила Авдеевич Меншиков (1672—1742). Как и его знаменитый однофамилец, Меншиков был выходцем из низов. Сын придворного конюха, он еще ребенком был записан в «потешные солдаты» и с детских лет был близко знаком с Петром I. Участник многих исторических событий своего времени: Азовских походов, Великого посольства в Европу, Персидского похода — Меншиков отличался прежде всего как талантливый кораблестроитель. В 1710 году он первым среди русских мастеров самостоятельно, без помощи иностранцев, построил многопушечный корабль для Балтийского флота. А всего за свою жизнь Меншиков построил для русского флота более двухсот судов различных типов.

Через год после смерти Меншикова владельцами принадлежавшей ему части Курбы стали Нарышкины — известный дворянский род, выдвинувшийся в конце XVII века благодаря браку царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, матерью Петра I. Младшая ветвь рода Нарышкиных владела частью Курбы до середины XIX века.

Село красиво расположено на высоком берегу речки Курбицы. Кое-где видны старинные каменные дома (их уже в середине прошлого века было в Курбе более десяти), немало интересных резных наличников. Исстари жители Курбы занимались торговлей и промыслами. Здесь сходились несколько проселочных торговых дорог. Одна вела из Ярославля в Курбу и далее, в большое село Вошажниково и Борисоглебскую слободу, другая шла от села Великое через Курбу на Романов-Борисоглебск. Автор путеводителя по Ярославской губернии, изданного в 1859 году, характеризует Курбу как «богатое и красивое село с двумя великолепными церквями, квартирою станового пристава и многолюдным базаром»⁴⁴. Здесь ежегодно устраивалась ярмарка, на которой с середины XIX столетия главное место занимал лен и продукты его переработки.

О высокой по тем временам культуре жителей села говорит хотя бы тот факт, что в 1895 году в Курбе была открыта одна из первых в губернии сельских библиотек, устраивались хоровые концерты воспитанниц местного женского училища.

В центре села высятся огромная Казанская церковь, выстроенная в 1770 году, по-видимому, не без участия Нарышкиных. Это интереснейшее по своей архитектуре 16-лепестковое в плане центрическое сооружение. Его второй ярус представляет собой невысокий вытянутый четверик со срезанными углами. Высокий восьмигранный свод, близкий по форме к куполу, прорезан четырьмя люкарнами, ориентированными по странам света. Мощные арки над люкарнами служат основанием для барабанов четырех глав, украшенных внизу мелкими декоративными кокошниками. Небольшой восьмерик с четырьмя окнами несет на себе центральную главу. Внутри храма четыре монументальных пилона принимают на себя основную тяжесть четверика и сводов. В традициях ярославского зодчества выполнены крыльца.

Композиция Казанской церкви отличается большим своеобразием. Мастера, строившие этот храм, вдохновлялись мотивами столичного барокко, смело сочетая их с традиционными приемами ярославского зодчества XVII столетия.

О высоком мастерстве строителей Казанской церкви говорит и сложное конструктивное решение перекрытий. Помимо основного сомкнутого восьмигранного свода, возносящегося над восьмериком, для перекрытия «лепестков» использованы также коробовые и крестовые типы сводов, сочетания которых создают живописную игру форм в верхней части храма.

Наружное убранство стен Казанской церкви составляют барочные по рисунку, плоские, с треугольным завершением наличники окон первого яруса и такие же, но с полукруглым завершением — второго. Тот же мотив повторен и в обрамлении всех трех порталов. Ложные окна второго яруса исполняли функцию киотов. В одном из них сохранилось фресковое изображение Николы, которому в храме был посвящен особый престол.

Некоторое представление о былом интерьере дает описание храма, сделанное в середине прошлого столетия. В храме находился «иконостас величественный, архитектуры елиза-

*Курба.
Казанская церковь.
1770*

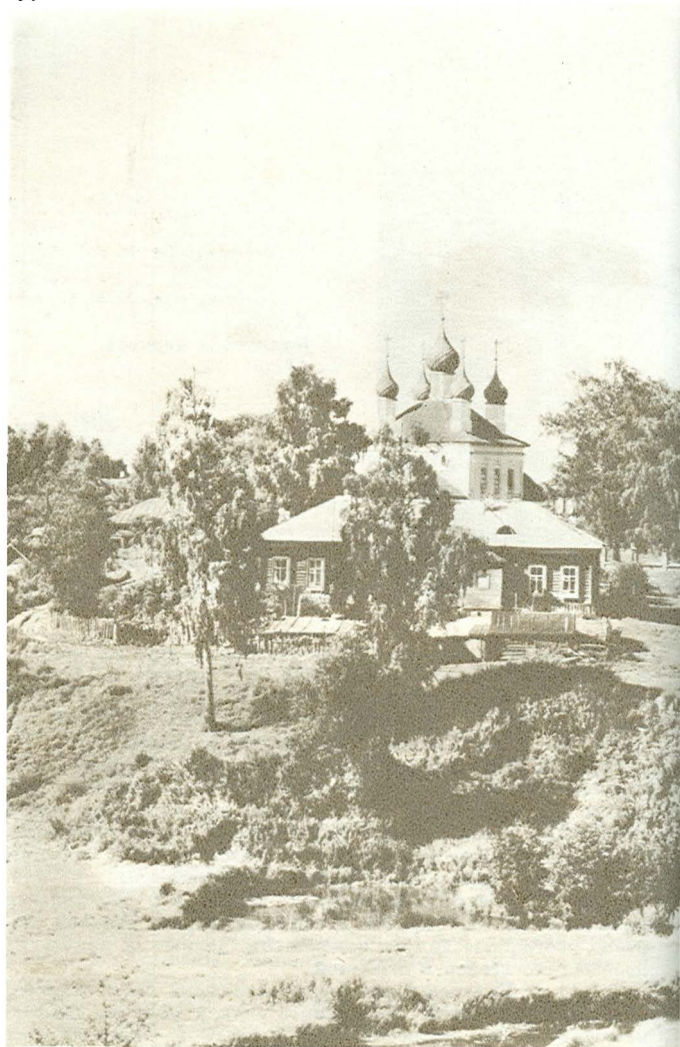
*Курба.
Васильевский погост*

→

ветинского времени, весь вызолочен, образа того же времени в греческом, но невысоком стиле: в я церковь по стенам, сводам и столпам расписана альфреско... Трудились в расписании церкви ярославские иконописцы с 1796 по 1799 год»⁴⁵. Эти росписи сохранились до наших дней.

Рядом с церковью возносится к облакам огромная пятиярусная колокольня. Это величественное сооружение развитого классического стиля могло бы украсить любой губернский город. Удачно найдены его общие пропорции, соотношение высоты ярусов и пролетов арок. С большим изяществом выполнены резные белокаменные детали. Вместе с далеко вынесенными карнизами, фигурными кровлями верхних ярусов и сложной формы главкой они очень обогащают силуэт колокольни, делают ее зрительно необычайно легкой и стройной.

К югу от Казанской церкви расположена Воскресенская церковь с трапезной. Лишившись глав и получив шиферную крышу, она стала почти неузнаваемой. Однако форма

наличников, характерная для «московского барокко», плоские лопатки на углах четверика, карниз в виде «пилы» свидетельствуют о том, что перед нами здание начала XVIII века. Дата постройки Воскресенской церкви неизвестна. Существующая трапезная пристроена в 1851 году.

Типичный для своего времени бесстолпный пятиглавый храм, Воскресенская церковь имела одну оригинальную черту в конструктивном решении интерьера, сохранившуюся и до нашего времени. Летний храм разделен поперечной аркой на две неравные части, большая из которых перекрыта сомкнутым, а меньшая — коробовым сводом.

По шатким деревянным мосткам перейдем через прозрачную Курбицу и посетим погост Васильевское, ставший уже частью Курбы. На холме, в темной зелени старых деревьев сияют белизной стен два храма. Старший из них — Всемилостивого Спаса — выстроен в 1745 году. Он исполнен в простых формах клетских деревянных церквей и, если бы не главка, походил на каменную избу. Храмов такого типа сохранилось немного. В Ярославской области мы можем назвать лишь церковь в селе Пазушине близ Толгского монастыря (1780). Еще в начале нынешнего столетия историки архитектуры равнодушно проходили мимо подобного рода сооружений и даже — трудно поверить! — приговаривали некоторые из них к уничтожению⁴⁶. Однако сейчас стало совершенно очевидно, что каменные церкви этого типа — важное звено в развитии русского зодчества. Эти памятники не менее других требуют охраны и изучения.

Рядом с зимней Спасской церковью находится пятиглавая церковь Смоленской Богоматери с особым престолом в честь Василия Великого, выстроенная в 1793—1804 годах. Внешне довольно заурядная, внутри эта церковь поражает красотой пятирусного резного барочного иконостаса XVIII столетия. На царских вратах по традиции помещено резное изображение «Сошествие святого Духа». Своим театральным пафосом, декоративным занавесом, обрамляющим всю группу апостолов, эти царские врата очень напоминают известные царские врата из церкви Николы Надеина в Ярославле, выполненные, согласно преданию, по рисунку великого русского актера Ф. Г. Волкова. Стены и своды храма покрыты хорошо сохранившейся росписью конца XIX столетия. Искусно имитированная с помощью живописи лепнина и архитектурные детали дополняют впечатление пышности и богатства внутреннего убранства этого скромного на вид памятника. В зените свода помещена композиция «Коронование Богородицы», появившаяся в русской культовой живописи под влиянием католического искусства.

Недалеко от Курбы — село Дегтево. Здесь находилась небольшая усадьба, выстроенная, по-видимому, еще в первой половине XIX века. Во второй половине прошлого столетия она принадлежала ярославскому губернскому предводителю дворянства В. В. Калачову, брату известного археографа Н. В. Калачова. Сохранился двухэтажный кирпичный барский дом, к которому ведет обсаженная акацией аллея, а также сильно заросшие верхний и нижний парки. Выше по склону холма — плохо сохранившаяся Корсунская церковь, выстроенная в 1819 году. Ее основной объем представляет собой двухсветную купольную ротонду. Строгая простота отделки, состоящей из квадратных филе-нок, ромбовидных «накладок» и пилояты, придает храму торжественную монументальность. Сохранились фрагменты росписи, имитирующей лепные украшения.

От Дегтева по шоссе, ведущему в Тутаев, можно добраться до деревни Мордвиново. Здесь, неподалеку от дороги, на взгорье, привлекает внимание небольшой памятник — на высоком пьедестале бюст девушки с открытым русским лицом и гордо откинутой головой. Остановимся перед ним и постоим несколько минут в молчании.

Всегда в трудную для Родины годину ярославцы вместе со всем народом вставали на борьбу с врагом. Нет такого села, такой деревни в этом крае, где бы не хранили свято имена героев Великой Отечественной войны. Памятник, у которого мы стоим, воздвигнут в честь простой советской девушки, уроженки здешних мест Елены Колесовой (1920—1942). Юность ее проходила в Москве. Когда началась война, Лена Колесова подала заявление на курсы медсестер, окончила их и была направлена в партизанский отряд. Она возглавляла группу девушек-партизанок, успешно действовавшую во временно оккупированных немцами западных районах Подмосковья. После разгрома гитлеровцев под Москвой Лена была направлена в партизанский отряд в Белоруссию. Там она и погибла в 1942 году. В 1944 году ей было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Именем Лены Колесовой названы улицы в Москве и Ярославле. На здании Московского педучилища № 2, которое она окончила в 1939 году, и школы № 47, в которой работала учительницей и пионервожатой, установлены мемориальные доски.

Стоя у памятника Лене Колесовой, вспоминаешь не только о ней, но и о тех известных и неизвестных героях, которых взрастила ярославская земля, о тех, кто на фронте

*Мордвиново.
Памятник партизанке
Е. Колесовой*

и в тылу, в окопе, у станка и на колхозном поле отдавал все силы для того, чтобы приблизить долгожданный день Победы.

И здесь особое слово — о женщинах. Это они, ярославские женщины-труженицы, работали на строительстве оборонительных сооружений в Ленинградской, Новгородской и других областях, они заменили в цехах и на полях ушедших на фронт мужей, отцов и братьев, они согрели теплом своих сердец сотни тысяч изможденных блокадой, обескровленных ленинградцев, эвакуированных в Ярославскую область. Вот несколько цифр, за которыми — людские судьбы. В 1942 году в Ярославской области 549 женщин были председателями колхозов, 4436 — бригадирами. Только за февраль — апрель 1942 года Ярославская область приняла более 500 тысяч человек, эвакуированных из Ленинграда. И еще одна цифра: в 1942 году на колхозных полях Ярославской области работало свыше 120 тысяч школьников⁴⁷.

И здесь, у памятника героине-партизанке, хочется еще раз поклониться всем тем, кто от мала до велика, не жалея сил и самой жизни, боролся за победу над врагом.

В Мордвинове заканчивается наша экскурсия в сторону от шоссе Ярославль — Москва, начавшаяся в Кормилицыне. Для продолжения путешествия к югу от Ярославля необходимо вернуться к исходной точке — в Кормилицыно.

Стремительно несется под колеса бесконечная серая лента шоссе, мелькают километровые столбы. Вскоре по сторонам появляется лес — единственная его полоска на давно обезлесевшей дороге от Ярославля до Ростова. На полпути между Ярославлем и Ростовом — придорожное село Шопша, ныне центр одноименного совхоза, а в прошлом здесь находилась почтовая станция и постоялый двор. Пожалуй, именно в Шопше самое время вспомнить об истории дороги, по которой мы едем.

Ярославская дорога — один из первых почтовых трактов России. Еще в 1668 году известный русский дипломат и государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин писал царю Алексею Михайловичу о необходимости устройства почтовой связи по ярославской дороге до самого Архангельска. Однако лишь четверть века спустя, в 1693 году, указом Петра I была учреждена почтовая служба от Москвы до Архангельска. В том году молодой царь сам ездил в Архангельск для изучения возможности строительства русского флота на Белом море. Оттуда он регулярно посылал письма матери, боярам и воеводам. Согласно петровскому указу из Москвы в Ярославль регулярно, один-два раза в неделю, отправлялась почта — всевозможные государственные и частные бумаги. Впоследствии почтовые тройки стали за довольно высокую плату перевозить едущих по служебной надобности чиновников и частных лиц. Многие, избегая платить большие прогоны на почтовых тройках, ездили «на долгих». Вот как рассказывал о своих путешествиях из Москвы в Ярославль в 30-е годы XIX века историк С. М. Соловьев: «Эти путешествия совершались на долгих, то есть бралась кибитка тройкою от Москвы до самого Ярославля; 240 верст проезжали мы в четверо суток, делая по 60 верст в день; выехавши рано утром и сделавши 30 верст, в полдень останавливались кормить лошадей; кормили часа 3, потом вечером останавливались ночевать»⁴⁸.

Вскоре за Шопшей — большой перекресток. От шоссе расходятся две дороги: та, что вправо, идет мимо Курбы

в сторону Тутаева, а влево — на Великое и Гаврилов Ям. По ней мы и совершим еще одну экскурсию в сторону от московского шоссе. Главная цель этого «уклонения» — поселок Великое, до которого от перекрестка около десяти километров.

В прошлом столетии Великое было самым большим селом Ярославской губернии. Его население составляло более четырех тысяч человек. «Село имеет вид значительного уездного города; в нем четыре церкви, более 500 каменных построек, улицы мощеные; почти при каждом доме имеется сад»⁴⁹, — с восхищением писал один автор в начале нынешнего столетия.

По мнению ярославских краеведов, Великое существовало уже в начале XIII столетия. Впрочем, на страницах истории оно появляется значительно позднее, лишь в XVI—XVII веках. Село выросло на оживленном, бойком месте — там, где от старого ярославского тракта отходила дорога на Суздаль. Древняя дорога из Ярославля в Ростов через Великое существовала еще в XIX столетии и именовалась «проселочной торговой дорогой».

Через село не раз проезжал Петр I, шесть раз посещавший Ярославль. В Великом вам покажут дом, в котором, по преданию, останавливался Петр (ул. Ярославская, дом № 18). Впрочем, великоселам есть за что и упрекнуть Петра: учрежденный им московско-архангельский тракт прошел через Шопшу, оставив Великое в стороне. И сам император, как свидетельствуют документы, возвращаясь из Вологды в Москву в 1723 году, предпочел уже ехать не через Великое, а через Шопшу.

Петр I помнил о богатом ярославском селе. В начале XVIII века он подарил Великое известному полководцу Аниките Ивановиче Репнину (1668—1726), одному из самых замечательных «птенцов гнезда Петрова».

В 1759 году у потомков Репнина половину села покупает Савва Яковлев, богач и промышленник екатерининского времени, владелец Большой Ярославской мануфактуры. В 1792 году Яковлевы становятся полными хозяева Великого.

В Великом Яковлевы поначалу наживались, продавая кузнецам по завышенным ценам железо со своих заводов. Однако вскоре они устроили в селе полотняную мануфактуру. Постепенно Великое превращается в центр кустарного производства знаменитого «ярославского полотна». Ежегодно, с 1 по 8 сентября в селе устраивалась ярмарка,

оборот которой в середине прошлого столетия составлял более 30 тысяч рублей. Главным товаром здесь был лен и продукты его переработки. Всё скупали местные промышленники, а также приезжие купцы для продажи за границу через архангельский порт.

К середине XIX столетия Великое прославилось на всю Россию как центр льняной промышленности. Одновременно здесь ведется большая работа по усовершенствованию способов выращивания и обработки льна. С этой целью в Великом стали устраивать сельскохозяйственные выставки, где были представлены Ярославская, Тверская, Костромская и Владимирская губернии. В этих выставках участвовали не только помещики и фабриканты, но и государственные и помещичьи крестьяне.

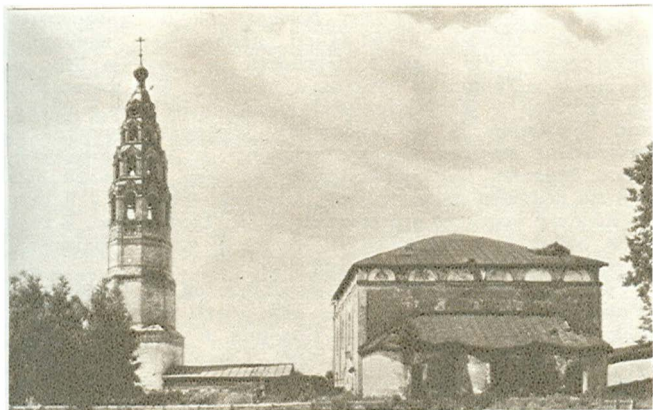
Анализируя сложные процессы, протекавшие в экономике России в пореформенный период, В. И. Ленин уделял большое внимание кустарным промыслам, и в том числе — ткацкому. В работе «Развитие капитализма в России» он писал: «Разделение труда ведет к выделению из крестьянства специалистов-мастеровых; образуются неземледельческие центры мануфактуры, как, например, [...] село Великое Ярославской губ. и многие другие села Московской, Костромской, Владимирской, Ярославской губ., превратившиеся теперь уже в фабричные поселения»⁵⁰. Этот процесс превращения села в фабричное поселение в Великом пришелся на 80-е годы XIX века. В 1879 году в волости существовала одна фабрика — текстильная, а в 1890 их было уже шесть. Более чем вдвое возросла и общая стоимость произведенной продукции. «Его величество» капитализм победно шествовал по ярославской земле. Кустарное ткацкое производство быстро сокращалось, не выдерживая конкуренции с капиталистической фабрикой.

Красочными иллюстрациями к различным страницам истории села Великого служат его архитектурные памятники. В центре села, недалеко от большого Черного пруда, возвышаются два огромных приземистых храма и высокая колокольня. Сейчас, когда обе церкви лишены глав, они напоминают необычайных размеров купеческие лабазы времен А. Н. Островского. А между тем это памятники весьма почтенного возраста. К северу от колокольни — летняя церковь Рождества Богородицы, выстроенная в 1712 году при фельдмаршале Репнине в честь победы над шведами под Полтавой; к югу — зимняя церковь Покрова Богородицы, освященная в 1741 году. Она сооружена по заказу внука фельдмаршала, князя П. И. Репнина. Строительство колокольни было завершено в 1758 году.

*Великое.
Церковь Покрова
Богородицы. 1741*

По своему расположению храмы села Великого повторяют композицию, найденную ярославскими зодчими в ансамбле в Коровниках. Две большие, массивные церкви расположены симметрично по отношению к стоящей между ними колокольне. Местные жители не случайно величают это место кремлем. В этих монументальных, соборного типа зданиях живет большая, организующая пространство сила. «Кремль» объединяет в единое целое весь поселок. Площадь между «кремлем», торговыми рядами и прудом была общественным центром села. Вокруг этого центра, подобно годичным кольцам на дереве, разрастались улицы, соединявшиеся с центром узкими радиальными переулками. Развитие промышленности не внесло принципиальных изменений в исторически сложившуюся кольцевую планировку села. В Великом и сейчас сохранилось несколько улиц, застроенных только по одной стороне, так, чтобы все дома были обращены фасадом к «кремлю». Подобная планировка, весьма редкая для ярославских сел и деревень,

*Великое.
Церковь
Рождества Богородицы.
1712.
Колокольня. 1758*

сама по себе служит интереснейшей достопримечательностью Великого.

Рассматривая храмы великосельского «кремля» по отдельности, можно заметить немало интересного. Наиболее ранний памятник, Рождественская церковь, полностью соответствует эстетическим канонам ярославского зодчества рубежа XVII—XVIII веков. Ее ближайшей аналогией служит Благовещенская церковь в Ярославле, завершенная в 1702 году. Массивный четырехстолпный объем Рождественской церкви венчался сильно смещенным к востоку крупным пятиглавием. С востока к собственно храму примыкает низкая алтарная часть, разделенная на три апсиды, а с запада — возведенный на рубеже XVIII—XIX веков кубической формы притвор.

Суровому монументализму облика собора соответствует его лаконичный декор. В интерьере частично сохранились подновленные в 80-е годы прошлого века росписи XVIII столетия.

Теплая церковь Покрова Богородицы по композиции основного объема неожиданно напоминает некоторые памятники XVII века, в частности — Дивную церковь в Угличе и Троицкую церковь в Аристове. Это вытянутый по оси север — юг бесстолпный пятиглавый храм с обширной трапезной. В его наружном убранстве причудливо сочетаются мотивы «нарышкинского» и западноевропейского барокко. Первоначальный интерьер трапезной был сильно искажен перестройкой, произведенной в 1910 году по проекту местного архитектора П. А. Трубникова. В ходе этих работ были разобраны столбы и своды трапезной, растесаны окна, устроен новый пол.

Расположенная между Рождественской и Покровской церковью колокольня несет на себе следы двух строительных периодов. Ее нижний четверик и два восьмерика относятся к середине XVIII века. Строил их подрядчик Иван Зарубин. Декор этой древней части колокольни в соответствии с архитектурой Рождественской церкви лаконичен и строг. Единственное маленькое оконце с фигурным наличником лишь оттеняет простоту композиции и облика сооружения. Четыре верхних восьмерика надстроены во второй половине XIX века и украшены суховатыми деталями, выполненными в стиле подражания древнерусской архитектуре.

Для того чтобы в полном объеме увидеть своеобразный облик великосельского «кремля», необходимо домыслить каменную ограду, от которой сохранилась лишь западная часть, а также длинные корпуса торговых рядов, часть которых (мучной ряд) сохранилась у подножия колокольни.

Ясным летним вечером хорошо отправиться на другую сторону Черного пруда и полюбоваться опрокинутым в зеркале тихой воды отражением «кремля», который как-то по-особому величав и живописен в золотистых лучах заходящего солнца.

Архитектура великосельского соборного ансамбля порождает немало вопросов. Главный из них: почему храмы, строившиеся как вотчинные, совершенно лишены особенностей, присущих вотчинным храмам первой половины XVIII века? Было бы естественным ожидать, что А. И. Репнин, лично приближенный к императору, выстроит в своей вотчине ярусный храм, подобный тем, что строили в это время Нарышкины и Голицыны. Однако и сам фельдмаршал и его потомки в своем строительстве ничуть не гнались за модой. В их постройках живут архитектурные вкусы XVII столетия. Что это, нарочитая архаизация, обусловленная привязанностью Репниных к традиционным формам

зодчества, или же просто равнодушие заказчиков к тому, как будут выглядеть постройки в далеком от обеих столиц ярославском селе? Так или иначе, строительство соборного ансамбля, несомненно, вели местные, ярославские мастера, которые исходили прежде всего из интересов самих великоселов. Главные требования, которым отвечают их постройки, — вместительность и представительность.

Сам А. И. Репнин, по-видимому, сознательно пошел на постройку явно устаревшего по облику храма. Практичный, как все видные деятели той эпохи, он желал иметь в Великом такой храм, который прежде всего вмещал бы жителей всей округи, поднимал значение и престиж торгового села. Соборный характер Рождественской церкви отвечал и ее мемориальному значению как памятника Полтавской баталии. Косвенным подтверждением этой догадки служит и то, что в памяти и преданиях великоселов Репнины в противоположность Яковлевым остались как добрые, рачительные хозяева.

На окраине села, на кладбище, сохранилась выстроенная в 1846 году в стиле позднего классицизма церковь Боголюбской Богоматери. Рядом с ней манят сумраком и прохладой столетние липы старого городского сада.

На северной окраине Великого можно увидеть Тихвинскую церковь, построенную в 1861 году. Это скромное сооружение со стрельчатыми в завершении оконными проемами является любопытным «запозданием» псевдоготики.

Помимо памятников церковной архитектуры в Великом сохранился уникальный ансамбль гражданского каменного зодчества XVIII — первой половины XIX века. Пожалуй, нигде больше во всей европейской части России нет равного ему по цельности и архитектурной выразительности. Особенно хорошо сохранила прежний облик улица Ярославская. Здесь что ни дом, то памятник архитектуры. Во всем видна какая-то патриархальная, допетровская вольность. Шеренга домов еще не твердо держит равнение по фасадам, да и сама линия улицы как бы проведена от руки. Внутренняя планировка домов зачастую повторяет традиционную для деревянных жилых построек систему двух клеток, разделенных сенями.

Особого внимания заслуживает дом № 14, нарядный, с высокими барочными наличниками, межэтажным пояском и рустованными угловыми лопатками. Его возраст не менее двух веков. Интересен и дом № 18, тот, в котором, по преданию, останавливался Петр I. Низкий первый этаж с толстыми, «крепостными» стенами и маленькими окнами, над которыми нависают плоские тяжеловатые наличники,

*Великое.
Жилые дома XVIII —
первой половины XIX в.*

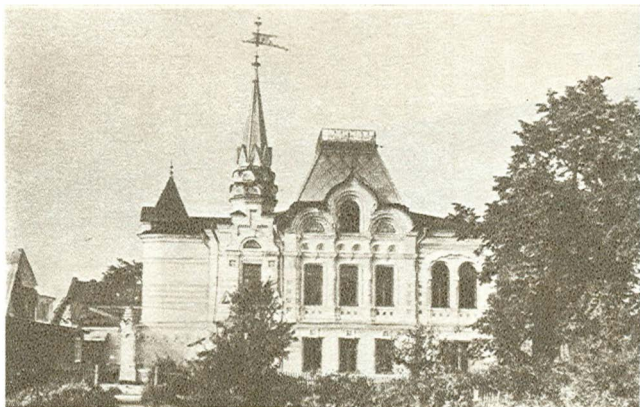
*Великое.
Жилой дом конца XVIII в.
→*

напоминает о гражданских постройках XVII столетия. В северо-восточном углу помещалась кладовая, вход в которую был защищен сохранившейся и донныне тяжелой кованой дверью. Такие «бронированные» комнаты в угловых частях первого этажа есть и в некоторых других домах поселка. Встречается эта деталь и в старых домах других ярославских промысловых сел. Здесь, в этой надежной «палате», купцы и скупщики хранили свои товары.

Здесь же, на Ярославской улице, размещались и дома великосельских капиталистов конца XIX века. Особенно интересен особняк Локалова, выстроенный в псевдорусском стиле в 1888—1890 годах. Ныне в нем помещается школа-интернат.

С точки зрения архитектуры локаловский особняк представляет собой довольно любопытное явление. Для архитекторов, работавших над созданием псевдорусского направления в зодчестве, характерно пристальное внимание к достижениям древнерусской архитектуры, особенно к памятни-

*Великое.
Особняк Локалова.
Конец XIX в.*

кам XVI—XVII веков. Однако архитекторам конца XIX века редко удавалось передать самый дух древнерусского зодчества, его внутреннюю цельность, соответствие внешних форм и смысла сооружения. Как правило, все сводилось к более или менее удачному копированию деталей наиболее известных древнерусских храмов — Василия Блаженного, церкви Рождества Богородицы в Путинках (в Москве) и др.

Хорошей иллюстрацией ко всему сказанному служит особняк Локалова. Это нарядное, стилизованное под древнерусский терем двухэтажное здание с башенкой, увенчанной шпилем с затейливым флюгером. Центральная часть здания отмечена ризолитом, имеющим завершение в виде трехлопастной арки с «килем». Второй этаж, как это часто бывало в зодчестве XVII века, украшен гораздо богаче, чем первый. Среди древнерусских мотивов фасадного декора — «бриллиантовый руст», словно перенесенный сюда со стен Грановитой палаты, кессоны-ширинки с таящимися в них яркими.

как драгоценные камни, изразцами, полуколонки между окнами, многочисленные кокошники. Поднимем взгляд — и опять знакомые черты: «стрелы» у основания шатра, использованные еще в отделке храмов Вознесения в Коломенском и Василия Блаженного. Да, неизвестный автор проекта локаловского особняка неплохо знал древнерусское искусство. И все же кое-где мелькают чуждые старине детали, режет глаз абсолютная геометрическая правильность линий, не свойственная XVII веку. В интерьере особняка, так же как и на его фасадах, как говорили в старину, «всякого жита по лопате»: мраморные лестницы, цветной паркет, высокие дубовые двери, стилизованные лепные украшения. Имелась даже комната-грот с зимним садом.

Рядом с особняком сохранились массивные столбы ворот и красивая по рисунку кованая ограда. Раппорты ее орнамента составляют излюбленные древнерусскими художниками мотивы: переплетающиеся кольца, трилистник-крин, символ «вечного древа жизни», вьющиеся побеги с закрученными спиралью «усами». Изяществом рисунка отличаются и кронштейны, поддерживающие навес над крыльцом особняка.

Знакомство с памятниками Великого можно закончить словами И. С. Аксакова: «Это село... подлинно Великое Село»⁵¹

В окрестностях Великого немало памятников истории, археологии, архитектуры, садово-паркового искусства. Это и село Плещеево, центр крупных крестьянских волнений 1826 года, и урочища Черная и Мельничная гора, где обнаружены поселения II тысячелетия до нашей эры, и хороший образец провинциального классицизма — Никольская церковь в селе Горегрязь. Но особенно советуем читателю посетить Пятницкую гору — высокий холм в двух километрах к северу от Великого.

В XVIII—XIX веках на вершине Пятницкой горы располагалась одноименная усадьба дворян Карновичей. Первым владельцем имения был любимец императора Петра III, генерал-майор «голландской службы» С. Е. Карнович (1707—1788), происходивший из небогатых украинских помещиков. Петр III подарил ему в Ярославской губернии обширную Холмецкую волость, состоявшую из трех сел и девятнадцати деревень. Особую известность в ярославском крае получил внук генерала, Ефим Степанович Карнович (1793—1855). В отличие от большинства дворян того

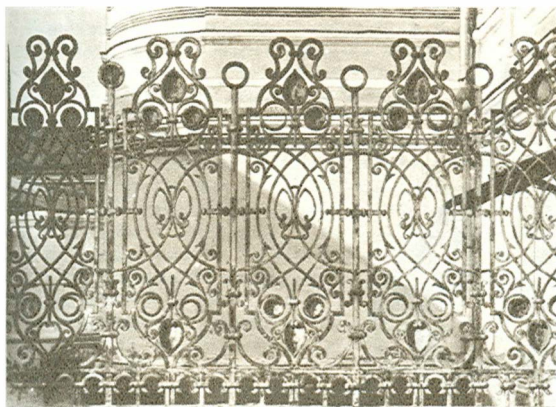

*Великое.
Ограда особняка Локалова*

времени это был человек больших знаний и неистощимой энергии. Получив образование в благородном пансионе при Московском университете под руководством известного ученого, специалиста в области «сельского домоводства» А. А. Прокоповича-Антонского, Карнович посвятил себя делу развития прогрессивных форм земледелия, распространению льноводства и картофелеводства в Ярославской губернии.

Посмертным признанием его заслуг было решение Московского сельскохозяйственного общества навсегда поместить портрет Карновича в зале заседаний.

Другим известным представителем семейства Карновичей был племянник Е. С. Карновича, историк, публицист и писатель Е. П. Карнович (1823—1885), автор известной в свое время книги «Замечательные богатства частных лиц в России». Карнович был знаком и с Н. А. Некрасовым, который, кстати сказать, любил охотиться в окрестностях Великого.

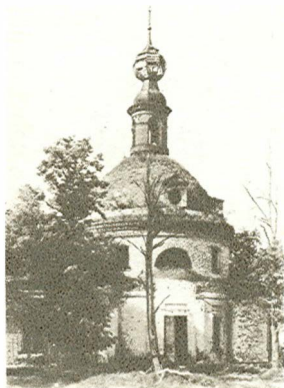

*Великое.
Ограда особняка Локалова.
Фрагмент*

Усадьба Пятницкая Гора была одним из самых культурных «дворянских гнезд» ярославского края. Внешне она выглядела довольно скромно. Вот как описал ее один немецкий путешественник середины XIX века: «Усадьба лежит на возвышении в конце небольшого села; она состоит из хозяйственных построек, размещенных в виде четырехугольника перед господским домом, сзади которого раскинулся красивый, но несколько запущенный сад... Господский дом, как и все русские дома, бревенчатый, но, что уже составляет редкость, в два этажа, из которых верхний занят владельцем»⁵².

Скромный на вид бревенчатый дом был полон книг, картин, произведений искусства. Хранившиеся здесь фамильные портреты Карновичей составили значительную часть выставки «Ярославские портреты XVIII—XIX веков».

Помимо не сохранившихся до наших дней дома и церкви в ансамбль усадьбы входил парк. Сильно заросший, одичавший, он существует и доныне. Это редкое для Ярославской

*Горегрязь.
Никольская церковь. 1809*

области произведение садово-паркового искусства конца XVIII — начала XIX века. Регулярный липовый парк к северу от усадьбы сочетался с пейзажным парком в «английском» стиле вокруг дома и на южных склонах Пятницкой горы. Естественную красоту парка дополняла сложная система искусственных прудов.

Сейчас никто не живет на вершине Пятницкой горы. Лишь старый парк указывает то место, где находилась усадьба. Летом здесь буйно зеленеют кусты сирени и акации, ветвятся одичавшие яблоньки заброшенного сада. Трудно остаться равнодушным к своеобразному очарованию этих мест. Пятницкая гора пленяет не только открывающимися с холма бескрайними, уходящими к горизонту далями. Есть в этом пепелище былой, во многом уже непонятной для нас жизни какая-то особая элегическая прелесть. Здесь оживают прекрасные образы, созданные кистью Борисова-Мусатова, вспоминаются поэтичные строки бунинских «Темных аллей».

Конечная цель нашего путешествия к югу от Ярославля — село Татищев Погост, находящееся уже на территории Ростовского района. Добраться туда можно из Макарова, большого села на ярославском шоссе.

Татищев Погост уже в первой половине XVII века, отвечая своему названию, принадлежал известному дворянскому роду Татищевых. Среди владельцев села наиболее интересной фигурой был видный дипломат первой половины XIX века Дмитрий Павлович Татищев (1767—1845). Любитель и знаток искусства, Татищев был почетным членом Академии художеств. Известен его портрет работы В. А. Тропинина. Проведя большую часть жизни за границей, Татищев скончался в Вене. Прах его был привезен в Россию и погребен здесь, среди могил предков, у алтаря Сергиевской церкви, ради которой мы и совершили путешествие в Татищев Погост.

Церковь Сергия Радоженского, освященная в 1810 году, — прекрасный образец русского классицизма. Стройная ротонда, перекрытая пологим куполом, имеет четыре портика, расположенные по странам света. Удачно найденные пропорции, умеренное использование декоративных деталей придают зданию необычайную гармоничность и целостность архитектурного образа.

Строгая симметрия фасада и плана, отсутствие привычного алтарного выступа и трапезной, которая была пристроена лишь в середине XIX века, делали Сергиевскую церковь похожей на языческие храмы Древнего Рима. Это с возмущением отметил ярославский епископ, осмотревший храм вскоре после его завершения. Такого рода сходство далеко не случайно. Архитектура Сергиевской церкви лежит в русле так называемого «русского палладианства». Это течение архитектурной мысли, получившее особое развитие во второй половине XVIII века, широко использовало опыт одного из крупнейших итальянских архитекторов эпохи Возрождения, Андреа Палладио (1508—1580). Через творчество Палладио, а также путем непосредственного изучения древних образцов русские зодчие екатерининской эпохи приобщались к великому архитектурному наследию античности.

Внутри Сергиевская церковь богато украшена изящной «гипсовой уборкой»: розетками, гирляндами, тонкопрофилированными карнизами и фризом. Интерьер украшали также колонны, полуколонны и пилястры, выполненные в духе строгого классицизма.

Архитектурное совершенство Сергиевской церкви заставляет искать автора ее проекта среди ведущих зодчих

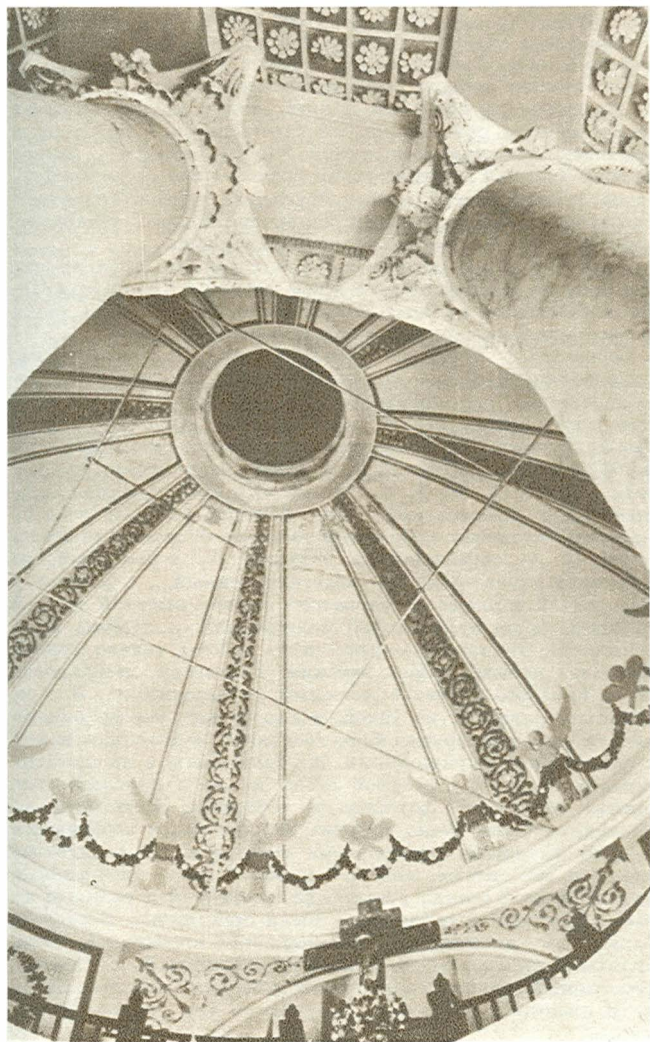

*Татищев Погост.
Сергиевская церковь.
1802—1810*

*Татищев Погост.
Сергиевская церковь.
Фрагмент интерьера*

→

того времени. История постройки храма и его композиция позволяют высказать некоторые предположения на сей счет. Проект Сергиевской церкви, по-видимому, был готов уже в 1802 году, когда Д. П. Татищев, находившийся в это время на службе в коллегии иностранных дел в Петербурге, подал в ярославскую консисторию прошение о разрешении на постройку в Татищевом Погосте каменной церкви⁵³. В 90-е годы XVIII века Татищев служил под началом известного дипломата графа А. А. Безбородко и пользовался его расположением и доверием. Если учесть знатность происхождения и большие родственные связи Татищева, то не останется сомнений в том, что он был частым гостем в доме графа Безбородко, славившегося своим хлебосольством и «открытым» образом жизни. Вполне вероятно, что в доме Безбородко Татищев, живо интересовавшийся искусством, познакомился с замечательным русским архитектором конца XVIII века Николаем Александровичем Львовым (1751—1803), крупнейшим представителем «русского

палладианства». Львов был близко знаком с графом Безбородко, как и Татищев, служил под его началом, проектировал по заказу графа здание почтамта в Петербурге.

Сергиевская церковь очень напоминает храмы и мавзолеи, выстроенные по проектам Львова. Как и другие творения этого зодчего, она отличается гармонической ясностью и уравновешенностью композиции. Именно ротонда — излюбленная Львовым архитектурная форма — положена в основу замысла Сергиевской церкви. Эта форма более всего соответствовала и мемориальному характеру храма, предназначенного стать местом захоронения Татищева.

Дальнейшие разыскания в архивах должны пролить свет на историю создания Сергиевской церкви в Татищевом Погосте, бесспорно, лучшего архитектурного памятника эпохи классицизма на территории Ярославской области.

Сергиевская церковь строилась как усадебный храм, предназначенный для узкого круга лиц. Она входила в состав большого усадебного комплекса, от которого ныне осталось лишь две-три словно забытые липы. Красочное описание фамильного гнезда Татищевых, уничтоженного пожаром в 1832 году, принадлежит перу известного ростовского краеведа конца XIX века А. А. Титова: «До 1832 года село Татищев Погост представляло собой богатую барскую усадьбу прошлого столетия. Обширный господский дом в два этажа (нижний — каменный, а верхний — деревянный, из крупного дубового леса), отштукатуренный..., с рамами в переплетах мелкого зеленоватого стекла, высокой тесовой крышей, представлял собой полную чашу... Мебель была старинная, домашней, «крепостной» работы, только в одной комнате, называвшейся барским кабинетом, мебелировка была красного дерева с медными украшениями... В зале, довольно длинной, но узкой, в простенках между окнами висели узенькие зеркала в полированных деревянных рамах с фольговыми украшениями. Их было пять, а на противоположной стене, у которой стоял диван и круглый стол, висело множество фамильных портретов. Некоторые из последних были очень древние, на них были изображены предки Татищевых в боярских костюмах... В следующей комнате по стенам висели картины кисти иностранных художников и стояли два шкафа с серебром и редкими вещами. Люстры и канделябры были стеклянные. В спальне барыни помещалась огромная старинная кровать с пологом, спускавшимся с медного кольца, под которым был подвешен серебряный голубок, держащий голубенький цветочек в клюве и письмо в лапке; тут же стояли три старинных комода»⁵⁴.

К этому описанию можно добавить лишь то, что богатство этой ветви рода Татищевых во многом объяснялось их родственными связями: отец Д. П. Татищева был троюродным братом императрицы Анны Иоанновны, а бабка — родной сестрой канцлера графа М. И. Воронцова.

Около господского дома помещались деревянные и каменные службы и прочие хозяйственные и жилые постройки, двор был обнесен забором с большими каменными воротами против церкви.

Казалось, покою и довольству обитателей усадьбы не будет конца. Но в 1832 году этот островок дворянского процветания и уюта среди океана крестьянской нищеты и горя исчез навсегда. В одну ночь усадьба сгорела дотла, подожженная крестьянином, насильно перевезенным сюда из Костромской губернии.

Узнав о пожаре, Д. П. Татищев распорядился выстроить новый, каменный дом. Однако лишь к середине 40-х годов было заготовлено достаточное количество кирпича. Но тут пришла весть о смерти барина. Часть припасенных материалов пошла на устройство склепа, остальное, в том числе и то, что осталось от старого дома, — на постройку трапезной при Сергиевской церкви. Вскоре Татищевы навсегда покинули село.

5. Путь на Углич

Было бы преступлением перед будущим, если бы утерялось хотя бы одно зерно из нивы русского народного творчества. возросшей веками.

И. Я. Билибин

Сейчас дорога на Углич — современное шоссе, по которому рейсовый автобус часа за два доставит вас в город часовщиков и сыроваров. А еще совсем недавно угличская дорога была проклятием путников. Узкий проселок, тянувшийся от деревни к деревне, почти терялся в лесах и болотах западной части Ярославской губернии. Но на этой тонкой нити жизни, связывающей два древних города, нанизано было так много красоты земной! Пройдем же и мы не торопясь вдоль этой старинной дороги, пройдем так, как шла дорога: от села к селу, от яма к яму. Здесь на каждом шагу — неожиданные встречи с историей и искусством.

В пяти километрах от Ярославля слева от дороги раскинулась центральная усадьба совхоза «Молот». Трехэтажные жилые дома, школа, универмаг, Дом культуры, большой животноводческий комплекс — все здесь построено современно, добротно, с размахом.

Немного южнее, за совхозным поселком, — старинное село Сарафоново. Уже издали видна верхушка массивной колокольни в стиле классицизма, невысокий, лишенный глав четверик храма. Похоже, что перед нами один из многочисленных типовых храмов начала XIX века. Но не будем спешить с выводами. Вот мы подошли к памятнику совсем близко — и на наших глазах происходит чудесное превращение: заурядный сельский храм, не упомянутый ни в одной из современных туристических схем, оказывается интереснейшим памятником архитектуры XVII столетия. Трудно отвести взгляд от великолепных по рисунку кокошников, некогда ярусами поднимавшихся над сводами храма,

*Сарафоново.
Казанская церковь.
Вторая половина XVII в.*

от редких по типу наличников в виде трехзубой короны, или, как говорили в Древней Руси, «коруны».

По чьему заказу и когда был построен этот храм? На первую часть вопроса ответить не так уж сложно. Известно, что в XVI—XIX веках Сарафоново было владением старинного, ярославско-костромского по происхождению дворянского рода Долгово-Сабуровых. Уже в XVI веке представители этой фамилии занимали видные места при дворе. Многие из них сложили головы во время опричного «перелома людишек», проведенного Иваном Грозным в Ярославском уезде в конце 60-х годов XVI века. Однако род Долгово-Сабуровых устоял. Один из последних его представителей, служивший ярославским исправником, был страстным охотником и на этой почве близко подружился с Н. А. Некрасовым, который в письме к И. С. Тургеневу называл Долгово-Сабурова «хороший мой приятель».

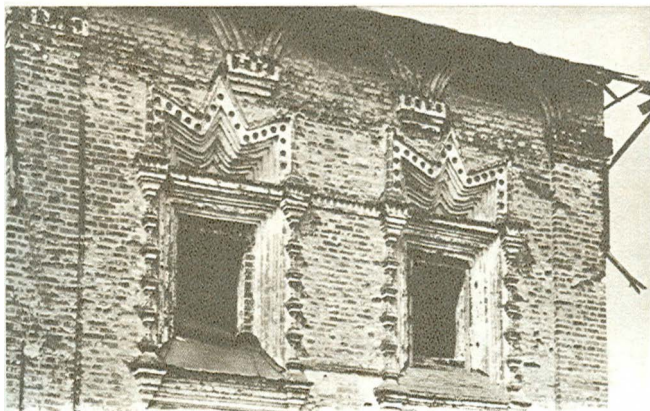
Сложнее ответить на вопрос о том, когда была выстроена Казанская церковь в Сарафонове. До тех пор пока не прове-

дено тщательное архитектурное исследование, не обнаружены новые архивные материалы, относящиеся к этому памятнику, можно высказать лишь самые общие предположения. Композиция бесстолпного, увенчанного ярусами кокошников четверика, слегка вытянутого по оси север — юг, известна по целому ряду памятников XVII столетия. Она характерна для московских посадских храмов и очень редко встречается в ярославском зодчестве. Здесь первые ее образцы появляются лишь в середине XVII века. Возможно, храм в Сарафонове воздвигла та же артель московских каменщиков, которая в 1660 году выстроила аналогичную по композиции Благовещенскую церковь в Борисоглебской слободе (современный Тутаев).

Но вернемся к самому памятнику с тем, чтобы внимательнее рассмотреть его фасадный декор. Все четыре стены здания оформлены по-разному. Северная имеет одно окно и три декоративных полукружия в завершении; восточная вообще лишена окон и украшена лишь поясом из четырех полукружий; южная стена имеет два окна и три полукружия. Богаче других выглядит западная стена: четыре полукружия сочетаются здесь с двумя наличниками того же, что и на других окнах, изошренного рисунка.

Верхняя часть наличников — «очелье» — дополнена длинными, свисающими по сторонам окна «цепями», составленными из сложных по рисунку ромбовидных элементов. Наличники отличаются тончайшей профилировкой и почти скульптурной пластичностью. Ювелирную сложность рисунка наличников выгодно оттеняет не расчлененная лопатками или полуколонками гладкая поверхность стены. При солнечном свете формы наличников дают богатую светотень, которая еще более усложняется многочисленными круглыми и прямоугольными углублениями, своего рода гнездами, устроенными в верхних гранях «очелья» и полочках-карнизах у основания кокошников.

В целом оформление окон Казанской церкви напоминает богатый женский головной убор со свисающими по сторонам лица драгоценными подвесками — ряснами. Прямым прообразом наличников, возможно, послужили изготовлявшиеся ювелирами коруны — зубчатые, отделанные жемчугом и драгоценными камнями украшения, помещавшиеся на иконах над головой Богородицы. Не забудем, что храм был посвящен иконе Казанской Богоматери, которой приписывали «чудесное» избавление России от польско-литовских интервентов. Многочисленные копии «Казанской», оригинал которой хранился в Казанском соборе в Москве, пользовались особым почитанием в самых раз-

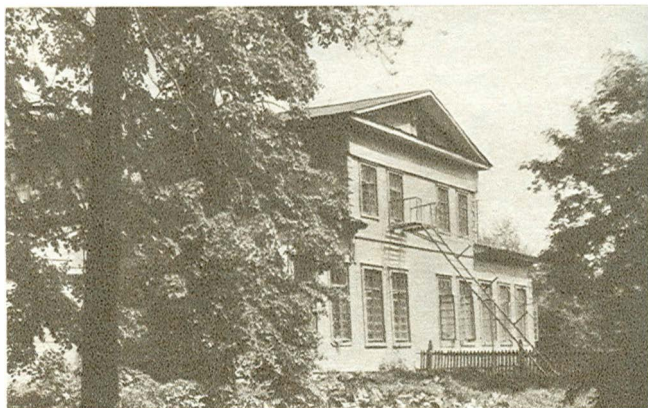

*Сарафаново.
Казанская церковь.
Фрагмент*

личных уголках России, и в особенности — в ярославском крае, сильно пострадавшем в период иностранной интервенции.

Сарафановский храм не избежал участи многих других замечательных памятников русской архитектуры XVII века. Его первоначальный облик претерпел со временем большие искажения. Помимо трапезной и колокольни первой половины XIX века к числу позднейших добавлений относятся наличники окон алтарной части, выполненные в виде слегка выгнутой полочки с мелкими частыми зубцами по верхней грани. Совсем недавно у северного портала храма появилась уродливая пристройка из серого кирпича.

Сравнивая Казанскую церковь с другим древнейшим вотчинным храмом в окрестностях Ярославля — Троицкой церковью в Аристове, — легко заметить, что архитектура их весьма различна. По-видимому, во второй половине XVII века в ярославском крае работало несколько московских строительных артелей. Именно через это вотчинное

*Спасское.
Усадебный дом.
Первая половина XIX в.*

каменное строительство шло подспудное проникновение в ярославское зодчество элементов московской архитектуры. Только с учетом этих памятников можно подходить к изучению художественной культуры Ярославля в период ее расцвета.

На 18-м километре Угличского шоссе — новая встреча с историей. Справа от дороги — село Спасское. Здесь располагалась усадьба князей Урусовых. Различные представители этого старинного рода не раз упоминаются на страницах отечественной истории. Впрочем, ярославская ветвь Урусовых не блистала государственными деятелями и сановниками. Многочисленные потомки старинных бояр в XIX веке довольствовались должностями губернского и уездного предводителей дворянства.

В Спасском сохранился старый барский дом — редкий образец деревянной усадебной архитектуры первой поло-

вины прошлого столетия. Обшитый тесом одноэтажный дом с десятью большими окнами по фасаду и высоким мезонином выстроен в строгих, лаконичных формах. По углам с помощью накладных коротких досок имитирован каменный руст. На южной, фасадной стороне здания существовала открытая веранда. Со стороны двора дом имеет два симметрично расположенных выступа. И общей планировкой и отделкой дом Урусовых напоминает небогатые подмосковные усадьбы 20—30-х годов XIX века, и в частности — усадебный дом в Абрамцеве.

В Спасском сохранился старый парк с прудом. С холма, на котором расположена усадьба, открывается живописный вид на окрестности.

В нескольких километрах от Спасского — село Большое Никульское. Здесь справа, у самого шоссе, привлекает внимание своеобразное здание с большим мозаичным панно над входом. Это музей «Космос», экспозиция которого рассказывает о героической эпопее советского народа по освоению космического пространства и о подвиге первой в мире женщины-космонавта Валентины Владимировны Терешковой.

Музей возник здесь не случайно. В нескольких километрах отсюда — деревня Маслениково, в которой в 1937 году родилась В. В. Терешкова. Здесь прошли ее детские годы. В январе 1940 года отец, Владимир Аксенович Терешков, погиб в боях с белофиннами. Вскоре семья переезжает в Ярославль. Там, на комбинате «Красный Перекоп», начиналась трудовая биография Терешковой. В Ярославле она окончила вечернюю школу, а затем текстильный техникум. С 1959 года пришло увлечение парашютным спортом, начались занятия в ярославском аэроклубе. Валентина совершила 126 прыжков с парашютом, получила первый спортивный разряд. С этого и началась ее дорога в небо.

Музей «Космос» располагает интересной и разнообразной экспозицией. Есть тут и зал, посвященный освоению космоса в СССР, и материалы, рассказывающие о жизненном пути В. В. Терешковой, и выставка «Подарки В. В. Терешковой от народов СССР и зарубежных стран». Подолгу рассматривают посетители двигатель РД-107 первой ступени ракеты-носителя космического корабля «Восток» мощностью в четыре миллиона лошадиных сил, модель корабля «Восток» в одну десятую натуральной величины, спускаемый аппарат автоматической межпланетной станции

*Большое Никульское.
Музей «Космос»*

«Марс-3», совершивший 2 декабря 1971 года мягкую посадку на планету Марс и передавший видеосигнал на Землю. Поражают воображение диорамы «Вид Земли из космоса» и «Исследование Луны», изготовленные художниками В. В. Никоновым, Л. П. Кожевниковым и В. А. Смеловым.

Частью музея стал деревянный дом, подобный тому, в котором прошло детство В. В. Терешковой. Обстановка воссоздана такой, какой она была в доме Терешковых в конце 30-х годов. Здесь все опрятно, бесхитростно, просто и, кажется, с детства знакомо каждому из нас: самовар, лоскутное одеяло, гармонь на лавке, большая печь, ситцевая занавесь в углу, потемневшее зеркало в простой раме, герань на окне.

Позади остается Большое Никульское. Снова набегают извилистая серая лента дороги, мелькают километровые

столбы. Дорога на Углич не перегружена транспортом. Не превратилась она, как московское шоссе, в одну непрерывную главную улицу придорожных поселков, сел и деревень. Здесь много лесов, много тишины и покоя. Эта дорога оставляет путнику немало времени для размышлений и воспоминаний.

Пожалуй, можно было бы создать целую книгу, состоящую из одних только высказываний русских людей разных профессий и характеров, чинов и званий, разного социального положения и происхождения об одном и том же: о дороге. Непрестанное движение людей по необъятной территории, на огромные расстояния — характерная черта нашей истории. Это вечное движение наложило отпечаток на русский национальный характер, на многие явления отечественной истории. Нет, наверное, ни одного русского писателя или поэта, который бы не «признавался в любви» к дороге. Можно вспомнить строки из стихотворения П. А. Вяземского «Коляска»:

*Игрищи.
Воздвиженская церковь.
1790*

«Томясь житьем однообразным,
Люблю свой страннический дом,
Люблю быть деятельно-праздным
В уединеньи кочевом.

Люблю, готов сознаться в том,
Ярмо привычек свергнув с выи,
Кидаться в новые стихии
И обновляться существом».

Не хуже сказано и прозой: «Ни на чем так нельзя отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном. Здесь мысль, не прерывая своего занятия, живет внешними предметами. Впечатления сменяются быстро: душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир»⁵⁵, — писал в середине прошлого века историк С. П. Шевырев.

Быстро сменяются впечатления и на нашем пути. Все чаще открываются в просветах леса далекие перспективы,

небесный простор. Дорога взбирается на водораздел. К югу уходят бескрайние, до самого горизонта леса. Далеко-далеко красной точкой видна знакомая нам церковь села Курбы. А слева от шоссе (37-й километр) на естественной террасе четко рисуется стройный силуэт Воздвиженской церкви села Игрищи, выстроенной в 1790 году.

Глубокой, языческой древностью веет от названия этого затерянного в лесах ярославского села. Вспоминается рассказ летописи о том, как по языческому обряду славяне между сел «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто съвещашеся»⁵⁶. На протяжении многих веков церковники боролись против традиционных народных празднеств — «игрищ», но так и не смогли искоренить этого жизнелюбимого обычая.

Основная часть Воздвиженской церкви — простой, скромно декорированный четверик, служащий основанием для высокого двухсветного восьмерика. С востока к основному объему примыкает граненая апсида, с запада — современная храму трапезная, над входом в которую поднималась оригинальная цилиндрическая в плане колокольня-притвор с двумя круглыми пристройками по сторонам. Ныне от первоначальной колокольни сохранилась лишь нижняя часть. Современная отдельно стоящая массивная четырехъярусная колокольня выстроена во второй половине XIX века и стилизована в формах русского классицизма. Завершение колокольни мощным цилиндрическим объемом, по видимому, навеяно аналогичным завершением ярославской соборной колокольни.

Оригинальной архитектурной особенностью Воздвиженской церкви являются круглые окна восьмерика. Их появление не случайно: роспись храма, выполненная с имитацией мрамора и пышной лепнины, требовала дополнительного освещения.

Неподалеку от деревни Каменское, километрах в трех к северу, сохранилась интересная церковь села Филиппово, «Панфилово тож». Туда ведет проселочная дорога через деревню Уткино и дальше полем, через заросший ольхой и черемухой овраг, по дну которого струится прозрачный ручей.

На пригорке, точно на пьедестале, выситя небольшая церковь с колокольней. Она выстроена на месте деревянного храма в 1796 году на средства тогдашнего владельца села графа Мусина-Пушкина. Основной объем здания состав-

*Филиппово.
Казанская церковь.
1796*

ляет традиционная, идущая от «московского барокко» композиция «восьмерик на четверике». Благодаря ее конструктивным и художественным достоинствам: простоте исполнения, пластичности, устремленности ввысь — композиция эта применялась в русском каменном культовом зодчестве почти полтора столетия. В провинции, где смена архитектурных стилей всегда несколько запаздывала по сравнению со столицей, храмы этого типа возводились даже в первой четверти XIX века.

Казанская церковь являет собой пример удачной классицистической обработки традиционной композиционной схемы. Северный и южный фасады собственно храма оформлены четырехколонными портиками с развитыми фронтонами; убранство восьмерика составляют парные пилястры ионического ордера, полудиркульные арки и тонкого рисунка карнизы. Стройная трехъярусная колокольня со шпилем и двухстолпная трапезная удачно скомпонованы с собственно храмом и, по-видимому, выстроены одновременно

с ним. Несомненно, что к проекту Казанской церкви «приложил руку» первоклассный мастер.

Совсем недалеко от Каменского — Большое Село. Ныне это районный центр, небольшой поселок на берегу Юхоти, правого притока Волги. В прошлом Большое Село — «столица» известной в истории Юхотской волости, составлявшей в XV столетии особое княжество. В 20-е годы XVI века московский великий князь Василий Иванович пожаловал Юхоть боярскому роду Мстиславских, которым она и принадлежала целое столетие. Владения Мстиславских были крупнейшей светской вотчиной ярославского Поволжья в XVI—XVII веках, своего рода осколком удельного строя⁵⁷.

После кончины в конце 20-х годов XVII века последнего представителя этой знаменитой фамилии Юхотская волость «отошла на государя», то есть стала государственным владением. Однако уже в 1706 году волость вновь была передана в личное владение. На этот раз «державцем Юхотским» стал знаменитый сподвижник Петра I фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1652—1719). В состав Юхоти входило тогда четыре села (Большое Село, Новое, Покровское и Никольское), шесть погостов и 432 деревни. Герой Полтавы был одновременно и хозяйственным помещиком. Он входил во все подробности вотчинных дел, посещал свои владения, в том числе и Юхотскую волость. Сохранилось большое количество указов, посланных им в вотчины и подписанных грозной формулой: «Рука моя властная».

Роскошь и мотовство потомков фельдмаршала быстро вели их к разорению. Сын Н. П. Шереметева и его бывшей крепостной актрисы П. Ковалевой-Жемчуговой, граф Д. Н. Шереметев, получил в наследство от отца кроме блестящего имени 2 миллиона 700 тысяч рублей долга. Стремясь любой ценой повысить свои доходы, он начал широко практиковать отпуск на волю своих разбогатевших крестьян за большой выкуп. Одновременно Шереметев всячески поощрял торговую деятельность своих крестьян, приносящую ему дополнительный доход. В первой половине XIX века около половины взрослого мужского населения волости уходило в отхожие промыслы.

Особое значение в жизни Большого Села издавна играла торговля. Помимо водной дороги — Юхоти, которая впадает в Волгу как раз напротив города Мышкина, — через Большое Село шли дороги в Углич, Ярославль и Рыбинск. Здесь собирали пошлины с проезжавших купцов, о чем говорит и название близлежащей деревушки — Мытищи.

Старый центр Большого Села представлял собой «четвероугольную» площадь возле церкви Петра и Павла, грома-

да которой до сих пор возвышается над левым берегом реки. В конце прошлого столетия по сторонам площади располагались волостное правление, богадельня, школа, аптека, пекарня, лавочки часовщика и ювелира, цирюльня, две штофные и чайные лавочки, а главное — торговые ряды, выстроенные по указу Шереметева. За пользование «торговыми местами» крестьяне платили графу особый налог. Помимо рядов немалый доход приносили графу и два принадлежавших ему кабака с громкими названиями — «Москва» и «Петербург».

Древнейший памятник архитектуры в Большом Селе — Пятницкая церковь, выстроенная в 1747 году на правом берегу Юхоти в бывшей Бобыльской слободке на месте деревянного храма силами прихожан. Это небольшой одноглавый храм. Его основной объем скомпонован по типу «восьмерик на четверике». К летнему храму примыкает трапезная и колокольня, современные храму.

Декоративное убранство памятника выполнено в стиле барокко. Среди элементов декора выделяются типичные для барокко наличники с «ушами», круглые и овальные медальоны, треугольные и лучковые фронтоны в отделке восьмерика.

Придел в честь Николая Чудотворца у северо-восточного угла трапезной придает композиции памятника живописную асимметричность, характерную для зодчества XVII столетия.

Особенно интересна архитектура колокольни. Ее нижний ярус представляет собой невысокий, прорезанный входной аркой четверик, украшенный изящным тонким пояском поребрика и широкими угловыми лопатками. Над четвериком поднимаются три восьмигранника, верхний из которых прорезан высокими узкими арками и перекрыт сомкнутым сводом. На свод поставлен еще один небольшой, изысканный по отделке восьмерик, увенчанный фигурной главкой. Использование сомкнутого свода вместо обычного в такого рода композициях шатра, камерность размеров, мягкость линий, легкая асимметрия в деталях придают облику колокольни оригинальность и привлекательность.

Немногим моложе Пятницкой церкви и вторая сохранившаяся в Большом Селе культовая постройка — церковь Петра и Павла. До 1760 года на этом месте стоял одноименный деревянный храм, известный по документам первой половины XVII века. В 1760 году местный староста крестьянин Полунин выстроил на смену деревянному каменный храм Петра и Павла с приделом Рождества Богородицы. По композиции он повторял Пятницкую церковь.

стоящую на другом берегу реки. Возникла своеобразная архитектурная «двойня» — прием, уже известный нам по памятникам Больших Солей. Петропавловская церковь была внешне весьма похожа на Пятницкую. Это был скромный небольшой храм ярусного типа. Опись 1806 года так характеризует его архитектуру: «Настоящая церковь сделана четверугольная, вверху выведена осмериком, на коем фонарь выведен осмериком же об осми окошках; в них окошницы стекольчатые без решеток... При оной церкви по конец трапезы над входами имеется колокольня каменная, прикрыта железом, о трех этажах состоящая»⁵⁸.

В 1827 году церковь Петра и Павла была сильно перестроена и расширена. В результате она превратилась из небольшой изящной постройки ярусного типа в массивный, кубической формы храм с высокими классическими портиками. В сильно искаженном виде постройка 1827 года дожила до наших дней.

В Большом Селе сохранилось несколько интересных образцов гражданского строительства конца XVIII — начала XIX века. Это выстроенный в стиле раннего классицизма жилой дом (ул. Мясникова, дом № 27), «просвирня» — одноэтажный кирпичный дом с очень архаичной внутренней планировкой «на две клетки», расположенный у церкви Петра и Павла.

Следует познакомиться и с экспозицией местного музея. Здесь вам расскажут о знаменитых людях района — уроженце Большого Села герое стратонавте И. Д. Усыскине (1910—1934), совершившем вместе с П. Ф. Федосеевко и А. Б. Васенко рекордный полет на стратостате «Осоавиахим-1»; об уроженце Большесельского района Герое Советского Союза И. А. Герасимове, участнике героического форсирования Днепра в октябре 1943 года.

Трудно удержаться от соблазна совершить новое «уклонение» от шоссе, на этот раз — в сторону железнодорожной станции Лом. Там, километрах в пятнадцати от Большого Села, недалеко от истоков лесной речки с красивым названием Черемуха, расположены старинные села Борисовское и Благовещенье.

В Борисовском можно познакомиться с усадебным комплексом XVIII столетия. Его сердцевину составляет двухэтажный барский дом елизаветинского времени. П-образное в плане кирпичное здание украшено хорошими по рисунку барочными наличниками, тонкопрофилированными карнизами с раскреповками, пилястрами и рустом. Особенно пышный характер носит отделка второго этажа. Одиннадцать высоких окон главного, южного фасада оформлено

*Большое Село.
Пятницкая церковь.
1747*

*Борисовское.
Усадебный дом.
Середина XVIII в.*

←

вытянутыми по вертикали наличниками с «ушами» и завершением в виде лучкового или треугольного фронтона. Внутренняя планировка комнат второго этажа, по-видимому, носила анфиладный характер.

История создания этой усадьбы, имя ее строителя пока остаются неизвестными. Однако уже сейчас ясно, что усадебный дом в Борисовском — очень редкий для Ярославской области памятник светского каменного зодчества. Сильно обветшавший, искаженный неуклюжей надстройкой, он давно ждет заботливых рук реставраторов.

Недалеко от Борисовского — старинное село Благовещенье, известное по документам с начала XVII века. Здесь сохранилась небольшая одноглавая Благовещенская церковь, выстроенная в 1754 году на месте деревянного храма. Традиции ярославского зодчества XVII столетия особенно сказались в композиции ее северного фасада. Очень живописно и своеобразно сочетание различных по форме и размерам оконных и дверных проемов.

Восемь километров пути из Большого Села в сторону Углича — и впереди открывается село Новое, второй по значению торговый и административный центр Юхотской волости. Здесь сохранилось здание шереметевской вотчинной конторы, выстроенное на рубеже XVIII—XIX веков. Это белое двухэтажное здание, центральная часть которого отмечена слабо выступающим ризалитом, а углы оформлены рустом. По общему облику здание напоминает типовые проекты городской застройки конца XVIII столетия.

Рядом с конторой, в которой ныне размещается средняя школа, находится еще одно интересное сооружение — богадельня. Это двухэтажное кирпичное здание было выстроено в середине XVIII века. Интересно оформление второго этажа, состоящее из пышных барочных наличников, сложно-профилированного карниза и парных коротких пилястр по углам. В облике здания немало черт, восходящих к гражданской каменной архитектуре XVII столетия: богатое убранство второго этажа и сравнительно скромное — первого,

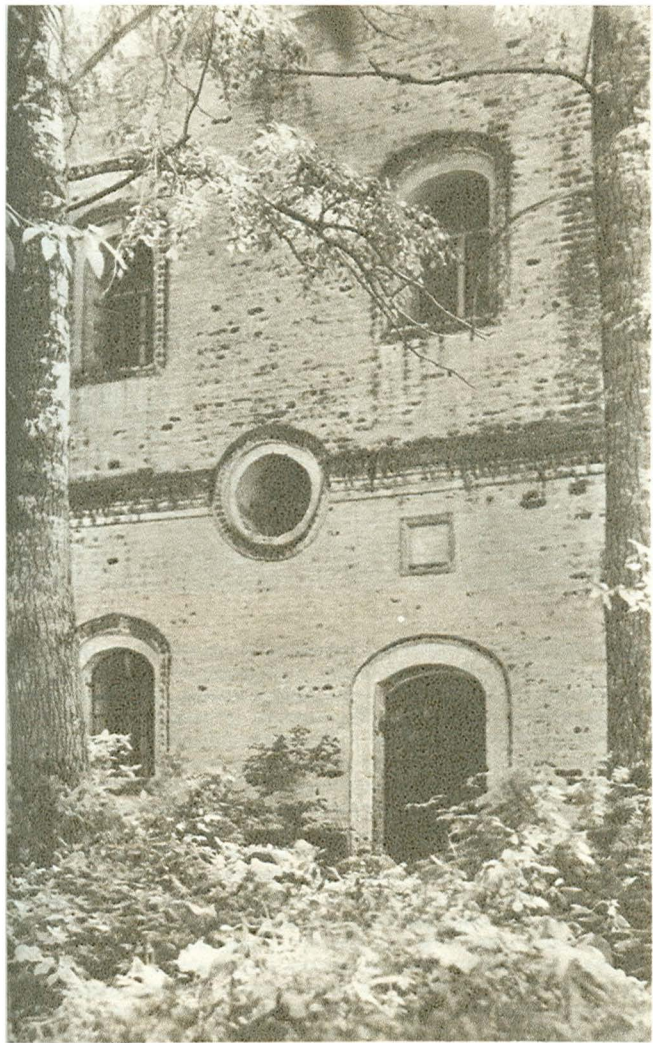
*Благовещенье.
Благовещенская церковь.
1754. Фрагмент*

→

трактованного как подклет; наличие межэтажного пояса, отражающего внутреннюю конструкцию здания; высокая кровля.

В центре села — несколько старых деревянных домов, в том числе двухэтажных. Вместе со зданиями конторы и богадельни они образуют целостный ансамбль сельского жилого зодчества XVIII—XIX веков. Ансамбль этот требует срочных мер по охране, так как быстро разрушается как из-за сноса деревянных домов, так и в результате непродуманного размещения в самом центре села современного комплекса из стекла и бетона.

У самого шоссе высится Троицкая церковь, освященная в 1800 году. Этот массивный четырехстолпный храм выстроен на месте деревянной церкви, существовавшей в XVII веке. В его отделке чувствуется сильное влияние барокко при общем преобладании раннеклассицистических форм. Любопытной чертой являются трехчетвертные колонны на углах четверика — явное проявление «самодетельности» со сто-

*Новое. Вотчинная контора.
Конец XVIII в.*

роны местных мастеров, строивших храм. Троицкая церковь — любопытный образец возрождения традиционного ярославского четырехстолпия уже в новом, барочно-классицистическом убранстве. В отличие от некоторых других «шереметевских» храмов в Ярославской области в ней нет ничего, что указывало бы на участие мастеров, строивших Кусково и Останкино. Однако памятник интересен прежде всего как пример самостоятельного творчества местных зодчих.

По мышкинской дороге отправимся в сторону Леонтьевского погоста, где нас ожидают еще два интересных памятника архитектуры. Тропинка тянется вдоль берега Юхоти. Петляет в зарослях рогоза и осоки светлая речка. Кузнечики врассыпную спасаются из-под ног. В камышах под лозняком, хлопая крыльями, учатся летать дикие утки. Старый деревянный мост, на котором так хорошо сидеть, свесив ноги и глядя в зеленоватую, пронизанную солнцем глубину. Чуть дальше по берегу — родник с кристально-чистой во-

дой, по вкусу напоминающей знаменитую «угличскую минеральную». А впереди, в зеленой оправе берез и тополей, белеют старинные здания. Это и есть погост Леонтьевский. Уже в первой половине XVI века здесь существовала деревянная церковь в честь «небесного покровителя» ростовской земли епископа Леонтия, убитого язычниками в Ростове в 1071 году. Видимо, как и в Голышкином Бору, село со временем «отодвинулось» от храма к дороге, и вокруг Леонтьевской церкви осталось лишь сельское кладбище — погост.

Главный храм древнего погоста — высокая бесстолпная церковь Леонтия Ростовского — выстроена в 1730 году. Ее облик сильно искажен позднейшими перестройками и другими бедствиями. Однако и сейчас в нем чувствуются величие и масштабность, свойственные памятникам ярославского сельского зодчества первой половины XVIII века. Традиции ярославского зодчества XVII века проявляются и в декоре: широкие лопатки на углах, карнизы характер-

*Новое. Богадельня.
Середина XVIII в.*

ного для той эпохи профиля. Под поздней штукатуркой, несомненно, скрываются следы интересных декоративных форм начала XVIII века.

Обойдя молчанием обширную и безликую трапезную, выстроенную в 1842 году, обратимся к колокольне. Ее высокий восьмигранный столп, завершенный стройным шатром с тремя ярусами «слухов», издали привлекает взор. Узкие, вытянутые арки яруса звона, рельефные лопатки на гранях восьмерика подчеркивают легкость и высоту сооружения.

Среди всех своих сверстниц (церкви в Лучинском, Бурмакине, Давыдове) Леонтьевская церковь и ее колокольня отличаются наиболее ярко выраженным высотным построением. Это вполне объяснимо. Чувство ландшафта, связи здания с природой никогда не изменяло древнерусским зодчим. Леонтьевская церковь расположена на низком болотистом берегу Юхоти. Здесь, для того чтобы создать яркий, запоминающийся архитектурный образ, не-

*Новое. Троицкая церковь. Река Юхоть
1800 в окрестностях Нового*

обходим был прежде всего мощный «взлет» архитектурных масс.

Рядом с Леонтьевской церковью — пятиглавая церковь Михаила Архангела, выстроенная в 1801 году на средства богатого крестьянина соседней деревни Зайково М. В. Орешникова⁵⁹.

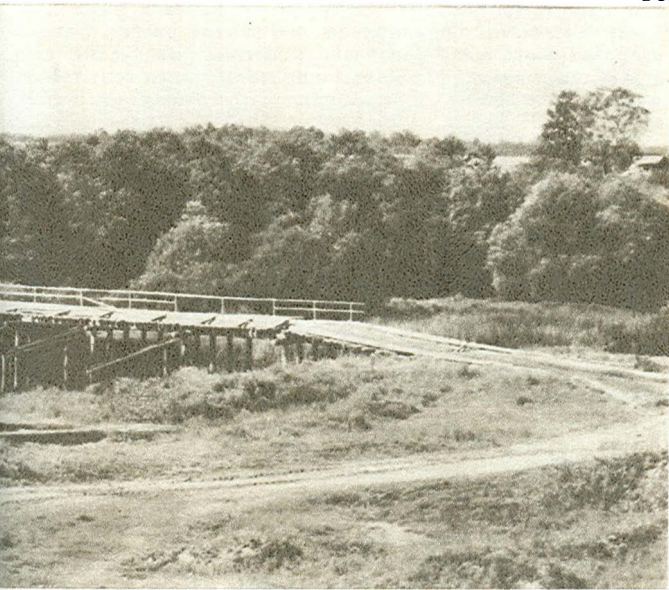
В архитектуре Архангельской церкви «запоздалые» мотивы барокко причудливо переплетаются с раннеклассицистическими формами. Строитель Архангельской церкви очень удачно выбрал место для своего творения, точно определил оптимальное расстояние от Леонтьевской. Именно здесь памятник воспринимается как единое художественное целое с Леонтьевской церковью, крупные динамичные формы которой оттеняют, но не подавляют его своеобразную прелесть.

Перед путником, едущим по дороге или проплывающим по реке, Леонтьевский погост раскрывается постепенно, в постоянно меняющихся ракурсах, в игре стремительных,

мужественных форм одного храма и мягких, женственных — другого. Красиво расположенные на берегу Юхоти, осененные вековыми деревьями, памятники Леонтьевского погоста, несмотря на разрушения и утраты, выглядят радостно и приветливо, а окружающая их ничем не искаженная природа навеивает настроение умиротворенности и покоя.

Можно пройти дальше, в деревню Зайково, где сохранилось несколько каменных и деревянных жилых домов первой половины прошлого столетия, а вернувшись в Новое, отправиться по шоссе в сторону Углича с тем, чтобы осмотреть храм села Покровское. Знакомство с этим памятником интересно прежде всего потому, что он построен по весьма распространенному во второй половине XVIII века, но доселе не встречавшемуся на наших дорогах композиционному типу. Не зная этой группы памятников, нельзя считать законченным даже беглое знакомство с ярославским зодчеством XVIII столетия.

От Нового до Покровского путь не далекий, но и не близкий — чуть более 10 километров. Есть время поглядеть вокруг, предаться историческим воспоминаниям.

Все дальше и дальше на запад идет дорога. Вновь сменяются по сторонам знакомые среднерусские пейзажи — леса с перелесками, поля золотистой ржи, рядок деревенских изб на косогоре. В этих местах, в деревне Новоселове, что расположена километрах в десяти к югу от Нового, 25 марта 1841 года в семье крепостного крестьянина родился будущий поэт Иван Захарович Суриков. Отец поэта, крестьянин-отходник Захар Андреанович Суриков, весной 1849 года завел в Москве, на Ордынке, собственную овощную лавочку и вызвал из деревни семью. С детства пришлось Ивану Сурикову исполнять ненавистную ему роль сидельца в лавке, мелкого торговца-разносчика. Несмотря на беспросветную нужду, Суриков не оставлял с юности привлекавшего его поэтического творчества. В 1871 году выходит первый сборник его стихов, в 1875-м — второй, а через

два года и третий. Имя Сурикова становится известным среди читателей, популярность его стихов растет. Однако здоровье поэта было надорвано тяжелым физическим трудом и лишениями, постоянными нравственными испытаниями. В апреле 1880 года он скончался от туберкулеза легких в возрасте 39 лет.

Стихи Сурикова, их задушевность и искренность полюбили простому люду, многие из них стали народными песнями. Кто не знает таких известных песен, как «Степь да степь кругом...» или «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...». В основе их лежат стихотворения Сурикова.

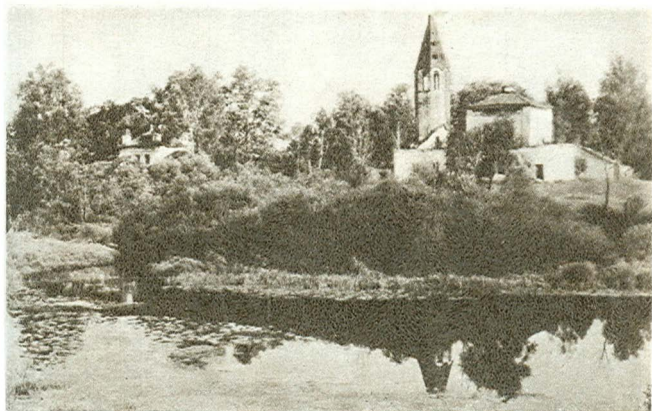
Всю жизнь хранил поэт воспоминания о раннем детстве, проведенном здесь, в этом уголке ярославской земли. Родной стороне посвящено знакомое ныне каждому школьнику стихотворение Сурикова «Вот моя деревня, вот мой дом родной...». В этом стихотворении рисуется прекрасная по своей простоте и выразительности картина деревенской жизни:

«В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...»

Имя Сурикова стало символом неисчерпаемых творческих сил народа. «Суриковским» называли созданный в Москве в начале нынешнего столетия литературно-музыкальный кружок, объединявший писателей, певцов и музыкантов — выходцев из народа. Ныне имя Сурикова носит городская библиотека в Угличе.

Древнее село Покровское, «что в Юхоти» в прошлом — один из административных центров Юхотской волости. Здесь сохранилась выстроенная в 1779 году церковь Покрова Богородицы. Она принадлежит к интересному типу двухэтажных пятиглавых храмов продольно-осевой композиции. Памятники этого типа строились во второй половине XVIII века главным образом в западной части Ярославской губернии. Близкими аналогами Покровской церкви могут служить Казанская церковь в Тутаеве (1758), Троицкая церковь в Воцажникове (1797), церкви в Архан-

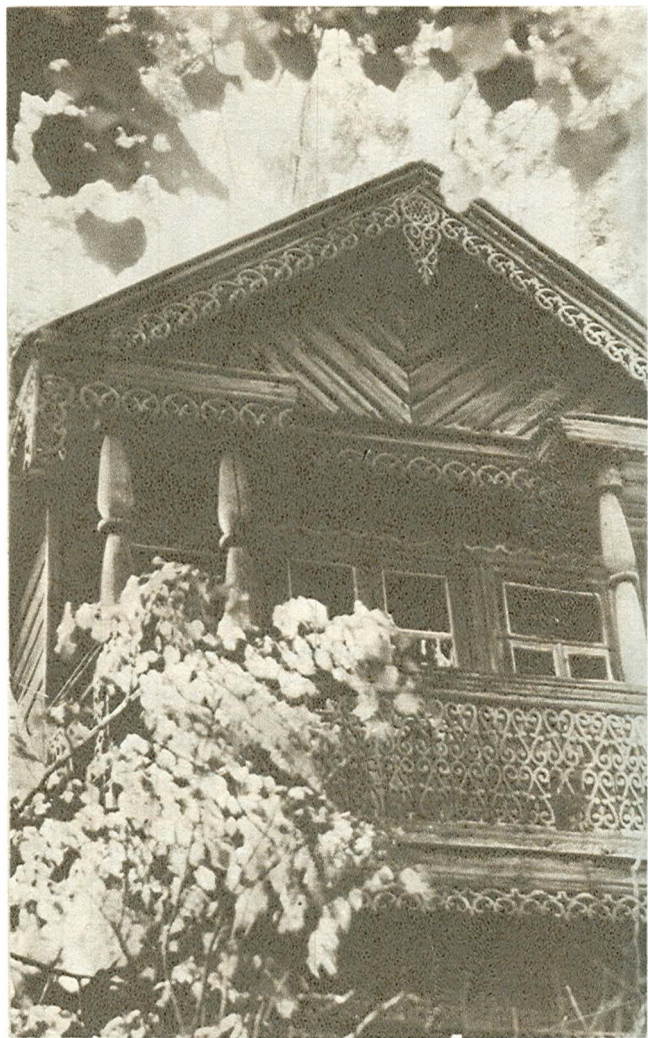

*Леонтьевский погост.
XVIII — начало XIX в.*

гельском погосте под Угличем (1787) и селе Поводневе близ Мышкина (1789).

От храмов простейшего типа — одноэтажных, выстроенных «кораблем» — памятники этой группы отличаются более сложной, богатой объемно-пространственной композицией. Основной, летний храм поставлен на низкий подклетный этаж, в котором помещается теплая церковь. На второй этаж ведет открытая, наружная или внутренняя лестница. Колокольня либо выстроена отдельно, как у Казанской церкви в Тутаеве, либо вкомпонована в объем самого храма. Для фасадного убранства храмов этого типа характерно сочетание барокко с элементами древнерусского зодчества. Живописная, разнообразная композиция храмов этого типа неизменно находится в органическом единстве с окружающим пейзажем, особенности которого прекрасно чувствовали ярославские зодчие.

Церковь в селе Покровском отличается большим своеобразием композиции и фасадного декора. Трехъярусная

*Покровское. Жилой дом.
Начало XX в.*

←

*Покровское. Церковь
Покрова Богородицы. 1779*

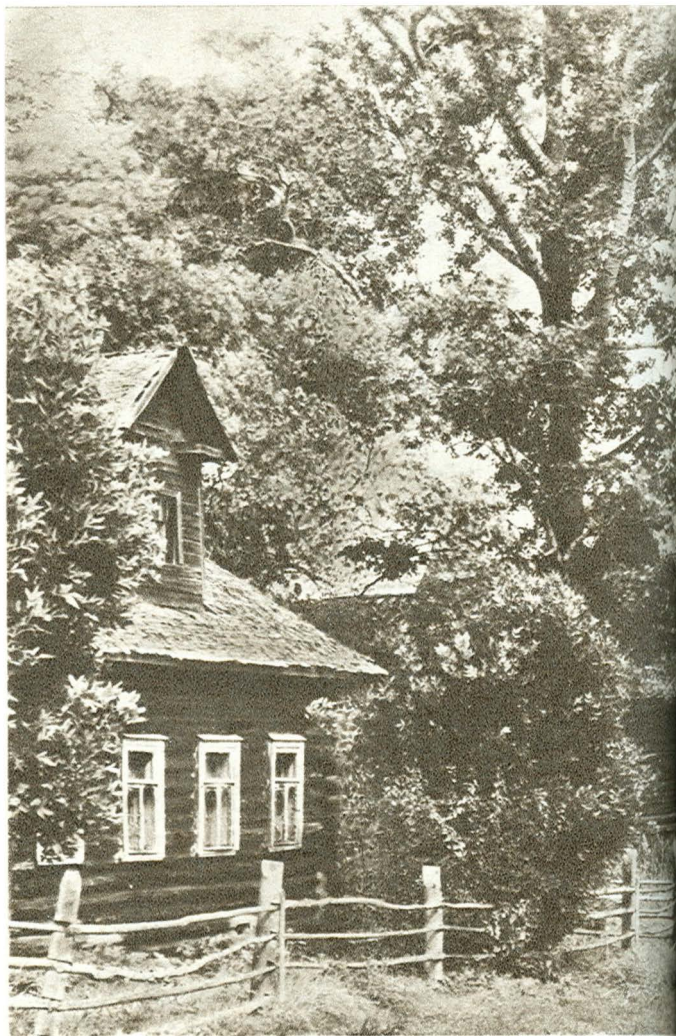
*Селиваново.
Дома конца XIX —
начала XX в.*

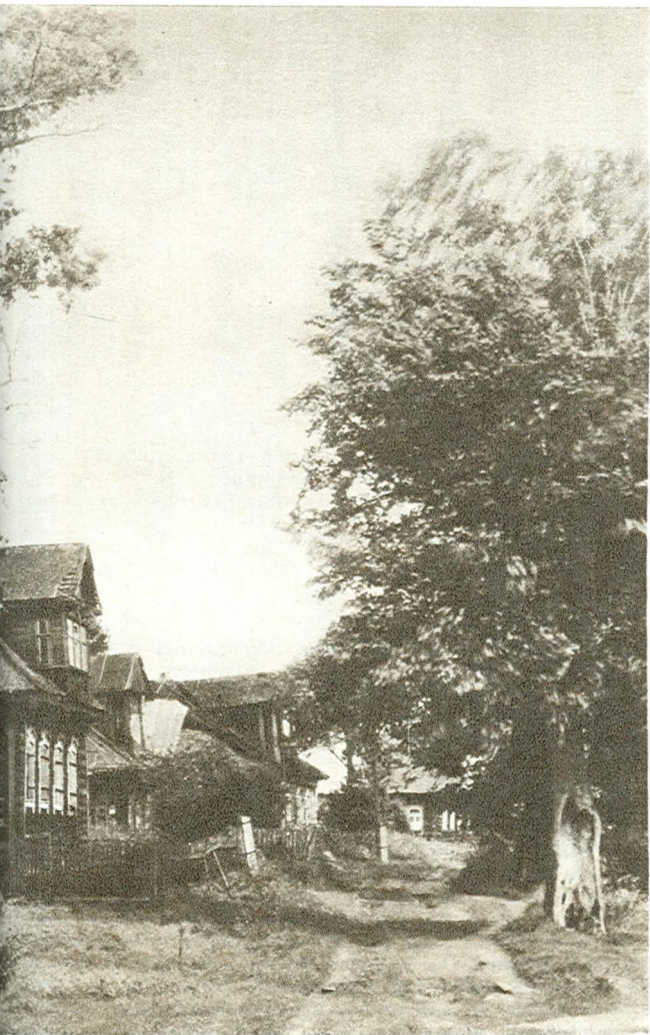
→

колокольня поставлена прямо над сводами небольшой трапезной почти вплотную к самому четверику. Неожиданным является устройство перед западным фасадом трапезной довольно обширного притвора, по формам как бы повторяющего алтарную часть храма. Подобный прием «зеркального отражения» архитектурных форм является большой редкостью для памятников этого времени.

Фасадный декор Покровской церкви отличается явным преобладанием элементов барокко. Стены двухсветного летнего храма завершаются тимпанами. Сомкнутый свод прорезают высокие люкарны с овальными медальонами. Небольшие чешуйчатые главки «с перехватом» поставлены на тонкие восьмигранные барабаны.

Богатство декора дополняется многочисленными пилястрами и сложного профиля карнизами с раскреповками. Усложненность наружного убранства выгодно оттеняется строгой простотой небольших, лишенных наличников оконных проемов.

*Погост Архангельский.
Церковь Михаила Архангела.
1787*

*Погост Архангельский.
Иконостас
церкви Михаила Архангела*

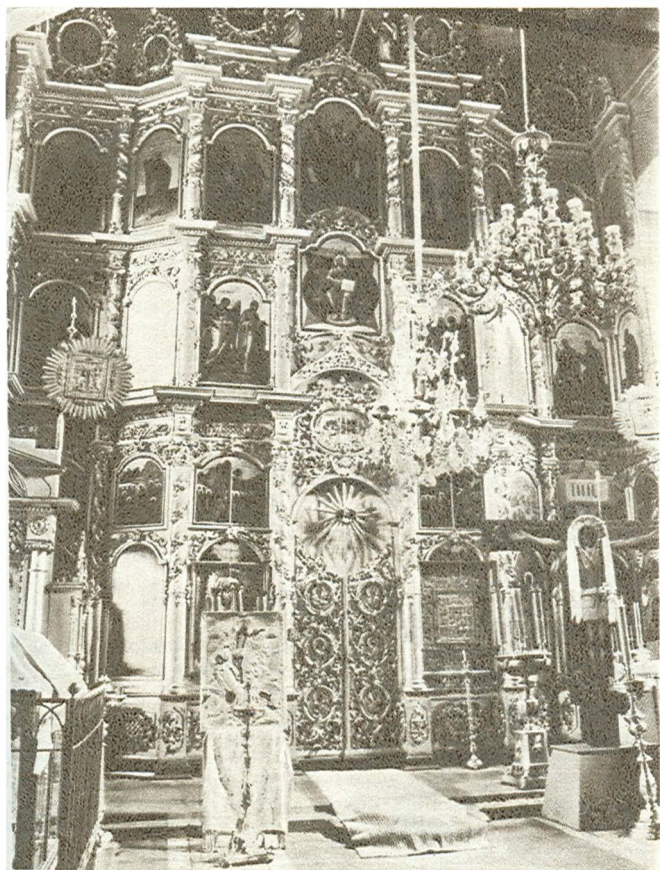
→

В интерьере Покровской церкви сохранились фрагменты фресковой росписи, детали резного барочного иконостаса.

Ценным архитектурным дополнением к самому памятнику стали оформленные в духе барокко трехпролетные ворота кладбищенской ограды.

Путешествие по угличскому шоссе можно завершить знакомством с церковью Архангельского погоста — интересным памятником старины, памятником борьбе русского народа за независимость в начале XVII века.

Очень хороша сама дорога к погосту. Она начинается из деревни Селиваново, расположенной на угличском шоссе. Во всем облике этой деревни есть нечто очень привлекательное, уютное. Потемневшие от времени избы выстроились неровным рядом над обрывистым берегом реки Улеймы. Некоторые из них имеют высокие мезонины, узорчатые наличники, резные террасы. Над деревенской улицей

смыкаются кронами огромные старые липы и тополя, посаженные пращурами нынешних жителей Селиванова.

Дальше, по узенькой береговой тропинке, по шатким мосткам-«лавам» через Улейму — в лес. Здесь прохладно, пахнет грибами и хвоей. В низине под бревенчатым настилом струится тоненький ручеек, берущий начало где-то в темной глубине леса.

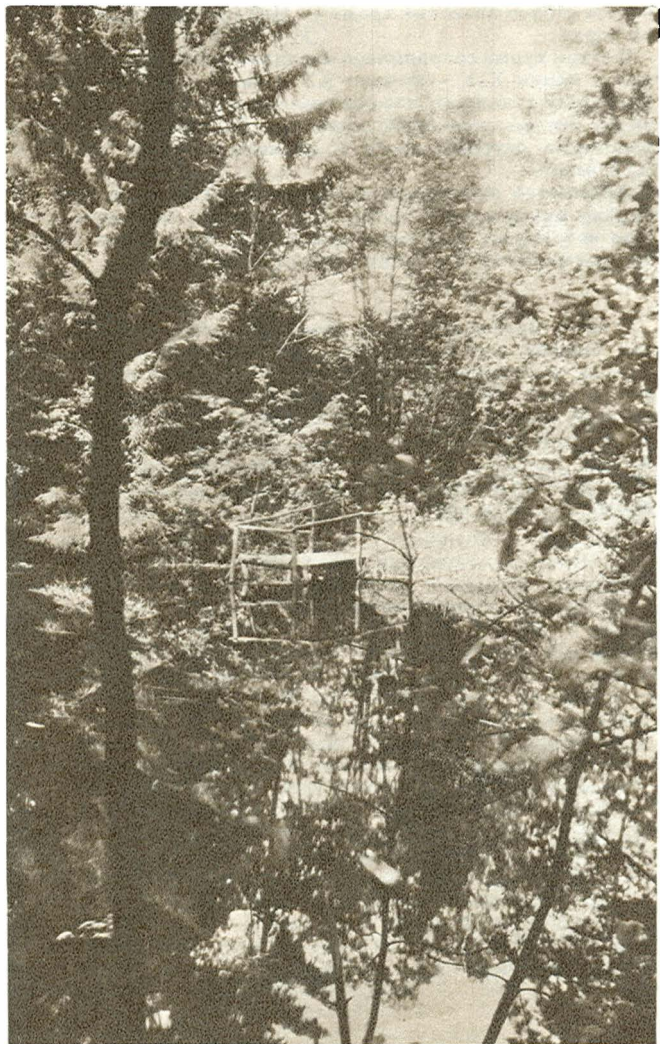
Церковь открывается неожиданно, посреди большой светлой поляны, в окружении тонкоствольных берез. Прежде здесь располагалось небольшое селение.

Церковь Михаила Архангела была выстроена в 1787 году на месте упраздненного в 1764 году маленького лесного монастыря. В 1610 году возле этого монастыря местные крестьяне вместе с иноками вступили в бой с большим отрядом польско-литовских интервентов. Защищая родную землю, здесь погибло несколько сот патриотов. Их братская могила и донныне сохранилась неподалеку от алтаря церкви, выстроенной «в незабвенную память» о павших русских

*Вид в окрестностях
Архангельского погоста*
→

воинах. Здесь, «во глубине России», у могилы наших далеких предков по-особому чувствуешь связь с историей, с тем великим множеством русских людей, которые, честно прожив жизнь, легли в эту родную для всех нас, единственную, свою землю.

По композиции Архангельская церковь принадлежит к тому же типу, что и церковь в Покровском. Ее высокий двухэтажный объем венчают установленные на круглых барабанах пять небольших, луковичной формы глав. Прямо над крышей трапезной вырастает стройная трехъярусная колокольня. В соответствии с мемориальным характером памятника его внешнее убранство значительно строже, сдержаннее, чем в покровской церкви. С большим изяществом выполнены барочные по рисунку наличники с треугольными и полукруглыми сандриками, тонкие карнизы с раскреповками. Стройные, заметно вытянутые вверх пропорции собственно храма и колокольни роднят памятник с обступившими его высокими елями и березами. Вспомни-

нается старое название храма — Михаила Архангела, «что на бору».

Внутри храма сохранилась масляная живопись, выполненная в конце XIX — начале XX века. Безвестный провинциальный художник явно стремился подражать «васнецовскому стилю» церковной живописи. Довольно интересны и некоторые сохранившиеся в иконостасе иконы XVIII — XIX веков.

Абсолютно инородным телом в этом гармоническом ансамбле архитектуры, истории и природы выглядит стоящая неподалеку массивная колокольня из красного кирпича, выстроенная в середине прошлого столетия.

В сотне метров от церкви находится небольшой, круглый как блюдце, «чистый пруд». Так называют его местные жители в отличие от «грязного пруда» — сплошь покрытого ряской обмелевшего водоема на краю поляны. Окруженный замшелыми старыми елями, «чистый пруд» похож на бездонный сказочный омут. Присев на деревянный настил, можно долго вглядываться в его неподвижную, черную от глубины воду, прислушиваясь к глухому шуму вековых сосен и елей.

Заключение

Окончилось наше путешествие по ярославской земле. Позади несколько сотен километров, десятки встреч с памятниками старины. Все они интересны, некоторые загадочны, как окна в исчезнувший мир; многие дарят нас радостью общения с истинной красотой. Старые мастера прекрасно чувствовали связь архитектуры с природой, с ландшафтом. Почти все виденные нами памятники служат как бы вехами, отмечающими красивейшие уголки ярославского края. Да и сами они словно выросли в эту земную красоту, стали ее существенной частью.

Даже краткое путешествие по Ярославской области показывает, какие еще непочатые запасы прекрасного таит в себе этот древний край. А сколько осталось за горизонтом! Былинный ростовский край и заповедные места по рекам Обноре и Соти, богатый историческими воспоминаниями Переславский уезд и далекое Пошехонье... Добраться до них мешает не только расстояние или бездорожье. Подчас необходимо бывает снять с глаз завесу предубеждения, отрешиться от пренебрежительного отношения к скромным сельским памятникам, не зная которых, мы никогда не сможем в полной мере оценить шедевров художественного наследия, завещанного нам предками.

Наберемся смелости и терпения, чтобы свернуть с проторенных дорог, научимся смотреть на прошлое глазами художника и историка. И тогда перед нами откроются новые, неведомые доселе области прекрасного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово о полку Игореве. М., 1975, с. 81.

² Золотарев С. Писатели-ярославцы. Вып. 1. Ярославль, 1920, с. 11.

³ Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль, 1863, с. 72.

⁴ См.: Овчинников С. Сокровища культуры — достояние народа. — «Сев. рабочий». 1982, 19 авг.

⁵ Цит. по кн.: По Ленинскому пути — к победе коммунизма. Ярославль, 1960, с. 44.

⁶ Добровольская Э., Гнедовский Б. Ярославль. Тутаев. М., 1981, с. 254.

⁷ См.: Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО), ф. 80, оп. 1, ед. хр. 371.

⁸ Путеводитель по Ярославской губернии, составленный Ф. Н.-м. Ярославль, 1859, с. 280.

⁹ См.: Опекушин К. М. Село Рыбницы, или Ново-Спасское, Ярославской епархии Даниловского уезда. Ярославль, 1898, с. 17.

¹⁰ См.: ГАЯО, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 2740, с. 3.

¹¹ См.: Морев Ф. Церкви Ярославской епархии по писцовым книгам 1627, 1628 и 1629 годов. — «Ярославские епархиальные ведомости», 1857, № 31, с. 261.

¹² См.: Свод памятников культуры Ярославской области. Рукопись в секторе Свода памятников культуры народов СССР Всесоюзного научно-исследовательского института искусствоведения Министерства культуры СССР, с. 907—909.

¹³ См.: Иванов В. Н., Фехнер М. В. Кострома. М., 1955, с. 54.

¹⁴ См.: Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908, с. III. В «Историко-статистическом обзоре Ростовско-Ярославской епархии», составленном секретарем духовной консистории А. Крыловым, содержится более ранняя дата постройки храма — 1715 год (см.: Крылов А. Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль, 1861, с. 100). Однако архитектура памятника более характерна для 30-х гг. XVIII в.

¹⁵ Цит. по кн.: Титов А. А. Ярославская старина. Вып. 5. Ярославль, 1890, с. 40.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 420.

¹⁷ См.: Краткие сведения..., с. 80.

¹⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 1278, с. 1.

¹⁹ См.: Шулгин В. С. Ярославское княжество в систе-

ме Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. — «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1958, № 4, с. 10.

²⁰ См.: Выголов В. П. О развитии ярусных форм в зодчестве конца XVII века. — В кн.: Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964, с. 242—248; Ильин М. А. Архитектура. — В кн.: Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. М., 1979, с. 203—204.

²¹ См.: ГАЯО, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 3049, с. 4—5.

²² Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 1. М., 1850, с. 83.

²³ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. 3. М., 1964, с. 216.

²⁴ См.: Горская Н. А., Задера А. Г., Пронштейн А. П., Шульгин В. С. Промыслы. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977, с. 139.

²⁵ Цит. по кн.: Кошелев В. Из истории посада Больших Солей Костромской губернии. Ярославль, 1916, с. 30.

²⁶ См.: Константин Коровин вспоминает... М., 1971, с. 114.

²⁷ Кошелев В. Из истории..., с. 49.

²⁸ Александр Бенуа размышляет... М., 1968, с. 67.

²⁹ Кошелев В. Из истории..., с. 26, пр. 1.

³⁰ Лаговский Е. Описание Больших Солей. М., 1860, с. 65.

³¹ См.: Акты, относящиеся к истории Ярославской губернии. Ярославль, 1889, с. 24.

³² См.: Новиков С. Е. Двухстолпные памятники архитектуры в Ярославской области. — Архитектура. Краткие содержания докладов секций к XXX научной конференции Ленинградского инженерно-строительного института. Л., 1972, с. 37—39; Кудряшов Е. В. Костромское каменное зодчество XVII века. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 22—29.

³³ Краткие сведения..., с. 54. Приведенная А. Крыловым дата постройки Троицкой церкви — 1768 год — относится лишь к некоторым переделкам. Вообще говоря, неточность датировок — характерная черта «Историко-статистического описания».

³⁴ См.: Морев Ф. Церкви Ярославской епархии... — «Ярославские епархиальные ведомости», 1873, № 40, с. 324—325.

³⁵ Цит. по кн.: Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1982, с. 82.

³⁶ Там же, с. 83—84.

³⁷ См.: ГАЯО, ф. 1118, оп. 3, ед. хр. 229, с. 1.

³⁸ Некрасов Н. А. Собр. соч., т. 5. М.—Л., 1930, с. 365.

³⁹ Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М., 1967, с. 40.

⁴⁰ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1. М., 1955, с. 369.

⁴¹ «Ярославские губернские ведомости», 1846, № 6, с. 20—21.

⁴² Щербатов М. М. Сочинения, т. 1. Спб., 1896, с. VII.

⁴³ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века. Ярославль, 1913, стб. 67.

⁴⁴ Цит. по кн: Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859, с. 279.

⁴⁵ Село Курба, отчина и родина князей Курбских. — «Москвитянин», 1852, № 17, кн. 1, с. 18.

⁴⁶ См.: Вопросы реставрации. Вып. 1. Спб., 1908, с. 129—140.

⁴⁷ См.: Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1960, с. 423, 429.

⁴⁸ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно и для других. Б/м, б/г, с. 63.

⁴⁹ Критский П. Наш край. Ярославская губерния. Ярославль, 1907, с. 249—250.

⁵⁰ Ленини В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 387.

⁵¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1, т. 2. М., 1888, с. 346.

⁵² Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни, т. 1. М., 1870, с. 64.

⁵³ См.: ГАЯО, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 969, с. 1—3.

⁵⁴ Титов А. А. Село Татищев Погост Ростовского уезда и забытая могила при сельском храме. — «Ист. вестник», 1897, № 11, с. 566—567.

⁵⁵ Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 1, с. 1.

⁵⁶ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978, с. 30.

⁵⁷ См.: Киселев Е. А. Феодалное землевладение Ярославского уезда середины XVI — первой трети XVII в. по писцовым книгам. Рукопись канд. дис. в Научной библиотеке им. М. Горького Московского государственного университета. М., 1977, с. 76.

⁵⁸ ГАЯО, ф. 230, оп. 1, ед. хр. 2342, с. 2, 8.

⁵⁹ Там же, ед. хр. 2344, л. 9 об. Краткие сведения..., с. 230.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков И. С. Ярославские письма. — В кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 2. М., 1888.
- Архангельский В. По земле Ярославской. Ярославль, 1960.
- Барсуков А. Сведения об Юхотской волости и ее прежних владельцах князьях Юхотских и Мстиславских. Спб., 1894.
- Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Вып. 1—4. Ярославль, 1909—1914.
- Золотарев С. Писатели-ярославцы. Вып. 1—2. Ярославль, 1920.
- Кошелев В. Из истории посада Больших Солей Костромской губернии. Ярославль, 1916.
- Краеведческие записки. Вып. 1—4. Ярославль, 1956—1960.
- Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908.
- Критский П. Наш край. Ярославская губерния. Ярославль, 1907.
- Крылов А. Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии. Ярославль, 1861.
- Носик Б. По Руси Ярославской. М., 1968.
- Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край. 1717—1924. Ярославль, 1924.
- Опекушин К. М. Село Рыбницы, или Ново-Спасское, Ярославской епархии Даниловского уезда. Ярославль, 1898.
- Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859.
- Село Курба, отчизна и родина князей Курбских. — «Москвитянин», 1852, № 17, кн. 1.
- Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.
- Титов А. А. Село Татищев Погост Ростовского уезда и забытая могила при сельском храме. — «Ист. вестник», 1897, № 11.
- Титов А. А. Ярославский уезд. М., 1884.
- Трефолов Л. Н. Странники. — «Рус. архив», 1866.
- Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947.
- Яковлев О. В. Село, о котором писал В. И. Ленин. Ярославль, 1982.
- Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. Ярославль, 1960.

Фотографии выполнены А. А. Лукиным, на стр.
54, 117, 151 — В. М. Рудченко

НИКОЛАИ СЕРГЕЕВИЧ БОРИСОВ

ОКРЕСТНОСТИ ЯРОСЛАВЛЯ

Редактор

Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Художник серии

Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки к карте

Ю. И. РАПОПОРТА

Художественный редактор

Е. Е. СМИРНОВ

Подготовка фотооригиналов

Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор

А. Н. ХАНИНА

Корректор

З. Д. ГИНЗБУРГ

ИБ № 2075

Сдано в набор 03.01.84. Подписано к печати
09.07.84. А02109. Формат издания 70×90/32.
Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глу-
бокая печать. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 7,422.
Изд. № 1412. Тираж 85 000. Заказ 188. Цена
55 коп. Издательство «Искусство», 103009 Моск-
ва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Крас-
ного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. г. Калинин,
пр. Ленина, 5.

КНИГА ЗНАКОМИТ ЧИТАТЕЛЯ
С ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ЯРОСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ.
ОСНОВНОЕ ВНИМАНИЕ
УДЕЛЯЕТСЯ АРХИТЕКТУРНЫМ СООРУЖЕНИЯМ
XVII — XIX ВЕКОВ,
РАСПОЛОЖЕННЫМ В СТАРИННЫХ СЕЛАХ
БУРМАКИНЕ, ВЕЛИКОМ, КУРБЕ, НОВОМ И ДР.
АВТОР РАССКАЗЫВАЕТ О НЕКРАСОВСКИХ МЕСТАХ
ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ.
В КНИГЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ПАМЯТНИК ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
УЧАСТНИЦЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ПАРТИЗАНКЕ Е. КОЛЕСОВОЙ
И МУЗЕЙ «КОСМОС»,
СОЗДАННЫЙ НА РОДИНЕ
ПЕРВОЙ В МИРЕ ЖЕНЩИНЫ-КОСМОНАВТА
В. В. ТЕРЕШКОВОЙ.